

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателям	2
-------------------------	---

НАШИ ИЗЫСКАНИЯ

Почему в рыночной России невозможно явление культуры? Или почему формула «Бог есть любовь» — ловушка для душ человеческих? (редакционное размышление)	4
---	---

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ

Е. С. Роговер. Роман А. Н. Толстого «Анна Каренина»	7
А. Н. Миронов. Образ Анны Карениной — крупнейшая литературная мистификация А. Н. Толстого	17

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРИТ

Стихи Натали Ривары, Евы Талой, Майи Шеремет, Ильи Крючкова, Татьяны Богатыревой	25
--	----

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО БЫТИЯ РОССИИ

Андрей Каратыгин. Индугенция целью	44
--	----

ПРОЗА В МАЛЫХ ФОРМАХ

Евгений Мюллер. Жестяной коврик (рассказ)	55
Полина Лиджиева. Здесь города не будет. Бог есть! Подвиг разведчика. Мусенька — боец № 1. Танечка. Надежда (короткие рассказы о большой войне в редакции школьницы, слышавшей их от родных)	62

В ПОИСКАХ ПОДЛИННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Вадим Петров. Григорий Распутин: спорные вопросы биографии	70
Владимир Василик. Кто и зачем убил Распутину?	87
Евгений Кузнецов. Дело о государстве Российском: фигура Г. Распутину как средство отлучения русского народа от исторической истины	93
Александр Миронов. Заметки о Григории Распутине	101

ПОРТРЕТЫ НАШИХ СОВРЕМЕННИКОВ

Е. С. Роговер. Белла Ахмадулина и традиции русской поэзии	110
---	-----

НОВЫЕ БОЛЬШИЕ СОБЛАЗНЫ

Вадим Петров. О «Национализации рубля» в версии Николая Старикова	118
---	-----

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО

Е. А. Александрова. Воплощение романа А. Н. Толстого «Анна Каренина» в балете Р. Щедрина	123
--	-----

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

*Здравствуйте,
дорогие читатели журнала «Писатель. XXI век»!*

Как быстро бежит время. Вот уже как четвертый год мы выходим без каких-либо перерывов, если ориентироваться по календарю. Кто-то из наших читателей давным-давно отвернулся от нас, полагая наше издание тенденциозным и не свободным от собственных спорных предпочтений, а кто-то, наоборот, говорит нам, что наш журнал от выпуска к выпуску становится все основательнее и серьезнее. Но мы в свою очередь полагаем, что нам все же следует продолжать свою работу, невзирая ни на что. Если хотите, мы видим в том свое служение, как понимаем его и как способны его вершить.

Текущий момент нашей с вами жизни ведет всех нас, кажется, к новой исторической развилке. Иначе говоря, складывается впечатление, что лимит потрясений русского мира еще далеко не исчерпан, а значит, грядут очередные серьезные испытания. Готовы ли мы все к ним? Вряд ли. Однако это не означает того факта, что уже ничего более нельзя сделать, чтобы встретить грядущие невзгоды достойно.

В настоящем выпуске мы поведем разговор, как никогда ранее, о многом: и о роли и о состоянии культуры в нашей жизни, и о роли упрощенного восприятия сложных фактов истории нашего Отечества, а также о непростых явлениях в жизни современной российской мысли.

В литературном отношении 10-й выпуск журнала имеет следующие особенности. В рубрике «Альтернативные воззрения» читатель ознакомится с разными оценками известного романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», сформулированными Е. С. Роговером и А. Н. Мироновым. Казалось бы, все давным-давно уже сказано о самом ярком романе русского гения. Однако наши авторы все же находят в себе силы обнаружить и добавить к прозвучавшему, видимо, еще так и не сказанное. Впрочем, правоту этих слов оценит справедливо уже читатель. В конце поэтической рубрики «Душа с душою говорит» журнал впервые наряду со «взрослыми» поэтами публикует еще стихи молодых авторов. В рубрике «Проблемы исторического бытия России» Андрей Каратыгин очерком «Индульгенция целью» восстает против позиции Евгения Кузнецова, сформулированной в философско-историческом эссе «И один в поле воин!.. Размышления о Сталине», опубликованном в 8-м выпуске нашего журнала. Далее в рубрике «Проза в малых формах» Е. Мюллер представляет чита-

телям журнала свой новый рассказ «Жестяной ковшик». Здесь же школьница Полина Лиджиева предлагает к прочтению короткие рассказы о минувшей большой войне, написанные ею со слов бабушки. Затем в рубрике «В поисках подлинного исторического знания» В. Петров, В. Васирик, Е. Кузнецов, А. Миронов ведут разговор о подлинной роли Григория Распутина в судьбе России. В рубрике «Портреты наших современников» Е. С. Роговер повествует о творчестве Беллы Ахмадулиной в контексте могучих традиций русской поэзии. Следом в рубрике «Новые большие соблазны» В. Петров делится с читателем собственными размышлениями в связи с прочтением новой книги Н. Старикова «Национализация рубля». Завершает настоящий выпуск в ставшей уже традиционной рубрике «Образование через искусство» статья Е. А. Александровой «Воплощение романа Л. Н. Толстого “Анна Каренина” в балете».

Редколлегия журнала «Писатель. XXI век»

Почему в рыночной России невозможно явление культуры? Или почему формула «Бог есть любовь» — ловушка для душ человеческих?

(редакционное размышление)

Если от меня отнять талант, то я — дерьмо.
Так не будем отнимать...

М. Жванецкий

Рыночная (постсоветская) Россия и культура. Возможно ли подобное сочетание в принципе? Видимо, российские читатели помнят, как резко упало качество художественных постановок и вообще произведений культуры с воцарением Б. Н. Ельцина, его премников и компании борцов за права «себя любимых». Тогда же мы вдруг увидели, что наши знаменитые артисты, режиссеры, писатели, как говорится, в мгновение ока резко потускнели (как-то сморщились душой). Даже стало казаться, что из них вынули нечто главное — талант. Впрочем, в этом событии не было ничего неожиданного. Их в целом пассивное отношение к массовому предательству того, чему они, так или иначе, служили, и обрекло их всех на естественное «разоблачение» и, в общем-то, постыдное падение. Конечно, сами события августа 1991 года не были совсем уж неожиданными. Они зачинались задолго до упомянутого времени, когда стало модным делом держать гордо фигу в кармане, когда вопросы воспитания человека стали носить открыто фальшивый характер. Поэтому и не

случайно предатели советской страны первым делом занялись отменой необходимости воспитания человека, полагая это занятие избыточным и обременительным для себя лично. Но дело даже не в том, что воспитание человека мешает «зарабатывать» деньги, дело в том, что само воспитание ему явно помеха, так как оно полагает собой в целом мучительное возвышение души человека, переделку качеств его натуры с вполне постыдных на отчетливо высокие. Но в таком случае *торгашеский дух* погони за выгодой непременно будет в конфликте с этим процессом и компромисс здесь будет невозможен. Вот поэтому-то нынешние деятели культуры и отменили воспитание русского человека, видимо, полагая этим и свою «славную» победу. Но она оказалась очевидно пирровой. Для подтверждения сказанного выше достаточно вспомнить кровавые события в станице Куцевской, в Ставропольском крае, произошедшие в конце 2010 года и в начале 2011-го, или бунт молодежи на Манежной площади в Москве. Нынешние вожди рынка породили целый слой *бесчеловечных*

особей, готовых и желающих пойти на любое преступление ради наживы и собственного жуткого господства. В этих условиях всякие надежды на появление в России произведений подлинной культуры ныне становятся совсем призрачными. Видимо, об этом всех нас и предупреждал Игорь Тальков, когда пел: «Россия, ты сошла с ума!» Наступившая уже тогда эпоха РАДИКАЛЬНОГО ДУХОВНОГО УПАДКА и породила устои, в которых подлое, но много выгодное стало доблестью и даже модной страстью всех без исключения российских властей. Сведя жизнь человеческую к тезису «мухи отдельно, котлеты отдельно», эти маленькие недобрые люди превратили вполне осмысленное бытие человека в бесцельное существование, прикрыв его дополнительно слабоумными рассуждениями об эффективности. Могут ли в таких условиях возникать явления подлинной культуры? Конечно же нет. Впрочем, нам натужно предлагают взамен стяжание частного (личного) счастья. Но возможно ли подобное в ситуации утраты общественных (больших) смыслов? Да, скажут нам доброхоты из «Единой России», ведь «Бог есть любовь».

В свою очередь спросим себя: разве можно умному человеку жить только ради любовной страсти? Неужели мы так ничтожны, что ради личных любовных утех готовы забыть обо всем на свете, полагая в этом свое главное назначение? В конце концов, человек уже давно усвоил, что личное счастье не является и не может быть его целью, тем более что оно (счастье) в несовершенном мире попросту и невозможно по сути, если понимать его как нечто незыблемое. Как говорится, в нашем сегодня бушующем страстями и катаклизмами мире столь много чего еще следует сделать, чтобы радостное бытие всякого человека стало бы нор-

мой, что упоение от частного счастья просто неразумно и даже, откровенно говоря, постыдно. И потом, оно на самом деле и недостижимо вовсе. Почему же? Вот уж вопрос так вопрос, и ответить на него придется каждому из нас, способному хоть немного понимать сложное.

Каждый из нас, грешных, любит исключительно себе подобных. Но мы все, известное дело, отчетливо несовершенны, а значит, и много переменчивы в рассматриваемых нами привязанностях. В результате восторг и восхищение в нас же легко сменяются на раздражение и тревогу. То есть всякое наше подобное яркое воодушевление бывает, как показывает опыт, спонтанным и ситуативным. Или, как говорится, «вдолгую» нас, как правило, и не хватает. И почему вдруг так? С одной стороны, мы изначально слабы в собственных чувствах, с другой — видимо, даже глупо полагать наши любовные стремления (мечтания) вполне разумными или сбыточными. И в самом деле: разве мы можем жить только чужой жизнью, считая ее полностью своей? Конечно, кто-то нам скажет, что такое вполне возможно и даже случается иногда. Что ж, подобные эпизоды жизни нам известны, но кем были эти люди, которых любили неизменно? За что их так ценили? Они опять же были фигурами большого или, если хотите, важного смысла общественной жизни. То есть только цели общего блага могут быть гарантией и для сохранения блага частного, но никак не наоборот. Вот и выходит, что только присутствие в жизни человека *большого смысла* позволяет ему иметь твердую опору и для себя самого. Но ведь большой смысл всегда имеет в себе самом и цель, уходящую за пределы всякой частной жизни. Иначе говоря, никому из нас не дано быть в принципе самодостаточным, а значит,

всем нам приходится считать-
ся с тем обстоятельством, что
есть в жизни человеческой еще нечто
такое, от чего мы все и абсолютно
зависим. Вот какое дело выходит. Да,
от юности глупо требовать вдумчиво-
го и серьезного отношения к жизни,
но с годами всякий человек способен
и даже обязан взрослеть, а значит, и
становиться мудрым. В противном
случае его инфантильные позы все
равно приведут его туда, где будут
лишь тоска и печаль. Именно поэто-
му и не надо искать и обожествлять
частную любовь. В ней неизбежно бу-
дут встречаться рано или поздно толь-
ко разочарования. Вот почему и сказал
наш великий поэт: «Бог наказал лю-
бовью всех, чтоб в муках верить научи-
лись». А уже подлинная вера как раз
и спасет всех и каждого всенепремен-
но! Поручкой же тому будет впереди
**ИСЧЕРПЫВАЮЩАЯ СМЫСЛОВАЯ
ЯСНОСТЬ** всех наших мыслей и ре-
чей, которая и убережет нас же от
страстного увлечения важным, но да-
леко не первостепенным. То есть Бог
никак не тождественен любви, Он

лишь проявляет себя через нее, а зна-
чит, обожение человеком любви оче-
видно неправомерно и, как говорит-
ся, «себе дороже», ведь человек не
Бог и не может быть совершенным в
любви.

Возвращаясь к теме культурного со-
стояния нашего Отечества, заметим
еще и то, что наше согласие на утрату
больших смыслов человеческой жизни
привело всех нас ныне к замене под-
линной культурной жизни на суще-
ствование в рамках всевозможных не-
затейливых шоу для слабоумных и не-
взыскательных потребителей всей этой
яркой духовной жвачки. И даже на-
рочитое увлечение спортом не спасает
нас от социального идиотизма, так как
внутри спорта нет ничего, кроме само-
выражения ради подчеркивания на
основе коммерции своего превосход-
ства в части физических и волевых воз-
можностей. Поэтому-то в рыночной
России нет и не может быть серьезных
духовных прозрений в культуре, а зна-
чит, нет и не может быть и самих под-
линных образцов культуры, без кото-
рых впереди только мрак и пустота.

Е. С. Роговер

РОМАН Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Роман «Анна Каренина» был создан в условиях сложной переходной эпохи семидесятых годов XIX века, когда сохранившиеся еще остатки крепостничества вступали в столкновение с интенсивно развивающимися буржуазными отношениями. Социально-экономические проблемы уже приобретали острую злободневность. Один из центральных героев романа Константин Левин глубоко убежден, что вопросы развития хозяйства, найма рабочих, судьба помещичьих земель не может не интересовать думающего человека в настоящий момент, когда наступают барышник и обретший силу скупщик земель. «Это, может быть, неважно было при крепостном праве или неважно в Англии, — рассуждает Левин. — В обоих случаях самые условия определены; но у нас, когда все это перевернулось и только укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть только один важный вопрос в России». Этот вопрос затрагивает и легкомысленного Облонского, который, будучи потомком древнего дворянского рода, добивается места в частной компании и вынужден просиживать в приемной у человека, которого его отец не допустил бы в свою переднюю. И мать Кити обнаруживает, что «в последнее время много изменилось в приемах общества, что обязанности матери стали еще труднее», и она не знает, как же ныне выдают замуж.

Как видим, «все перевернулось» не только в социальном устройстве и экономике, но и в сфере брачных отношений, нравов, этических представлений, в обычаях. И Лев Толстой, найдя точную формулу для переход-

ной эпохи, посвящает свой новый роман современности. Он является книгой, которая имеет прежде всего *жизненные истоки*.

Первоначально новое произведение писателя, создававшееся с 1873 по 1877 год, было задумано как роман, освещающий проблемы семьи и брака, сосредоточенный вокруг семейной трагедии Карениных. Примечательно, что это произведение Толстой начал изображением женщины «замужней, из высшего общества, но потерявшей себя», «жалкой и не виноватой»¹. Сам писатель рассказал о рождении своего замысла: он лежал на диване, курил, боролся с дремотой, и вдруг перед ним промелькнул обнаженный женский локоть изящной аристократической руки. «Я невольно начал вглядываться в видение. Появились плечо, шея и, наконец, цельный образ красивой женщины в бальном костюме, как бы просительно вглядывавшейся в меня грустными глазами. Видение исчезло, — вспоминал писатель, — но я уже не мог освободиться от его впечатления, оно преследовало меня и дни и ночи... я должен был искать ему воплощения. Вот начало «Анны Карениной»»². Все остальные лица будущего романа сгруппировались вокруг этой женщины.

В основе складывающегося образа лежала подлинная жизненная история. Под поезд бросилась экономка (и любовница) соседа Толстых А. Н. Бибилова — Анна Степановна Пирогова. Л. Толстой ездил в Ясенки, где видел анатомированный труп. Любопытно, что в рукописном варианте романа такую поездку совершает Левин. Это событие произошло в 1872 году, и сразу трагический образ женщины связался

с железной дорогой. Одновременно этот образ стал компонентом семьи, драматически сложившейся. На первый план постепенно вышла проблема семейных отношений Карениных, Вронского, а также Левиных, Облонских, и, по словам писателя, он более всего в этом романе любил «мысль семейную».

Однако свести это произведение только к семейной проблематике нельзя. В него ворвались и иные современные вопросы, поставленные жизнью. Замысел романа значительно расширился, и, кроме социально-экономической проблематики, о которой было сказано выше, в произведении были поставлены проблемы перестройки отношений помещика и крестьян, вопросы религии, земской деятельности, слияния сословий, классического образования, развития культуры, философии, умственного и нравственного совершенствования человека, общественного прогресса, естествознания, искусства, тема нигилизма, порочности судебного законодательства, вопросы жизни и смерти, тема отцов и детей, железных дорог. Получили развитие и «мысль народная», и размышление о герое времени.

Один из видных исследователей творчества Л. Н. Толстого и его романа Б. М. Эйхенбаум писал, что «Анна Каренина» — «единственное в мировой литературе XIX века произведение, соединяющее в себе столь, казалось бы, несоединимые вещи, как внутренняя история страсти и злободневные вопросы общественной жизни, помещичьего хозяйства, науки, философии, искусства»³. Конкретные актуальные проблемы в романе оказались сплавленным и с «вечными» вопросами смысла жизни. Современная Толстому эпоха нашла свое адекватное отражение в романе. При этом все противоречия и сдвиги запечатленного пореформенного времени в произведении рассматриваются под философским углом зрения, ибо Толстого волнует вопрос о том, что в человеческой жизни является добром и благом и в чем заключено его действительное зло.

Но «Анна Каренина» имеет не только жизненные, но и *литературные истоки*. Роман возник под непосредственным воздействием прозы А. С. Пушкина. Толстой позже рассказывал о своем чтении произведений поэта, у которого его внимание остановил неоконченный отрывок «Гости съезжались на дачу». Размышляя над ним, писатель «задумал лица и события», как он писал критику Н. Н. Страхову. Есть определенное сходство между героиней пушкинского фрагмента Зинаидой Вольской и Анной Карениной, между рассказом о съезде гостей в отрывке и появлением гостей у Бетси Тверской в толстовском романе. Привлекли писателя и динамизм развития действия, и простота языка у Пушкина. Толстой принял во внимание и другой пушкинский отрывок — «На углу маленькой площади». Следует отметить и иные литературные источники, сказавшиеся на тексте и замысле романа. Е. Н. Куприянова обратила внимание на интерес Толстого к былинам, проявленный в пору создания «Анны Карениной». Из 19 записанных им былин 8 касаются темы «соблазна и похоти». Так, в былине о Даниле Ловчанине замужняя героиня страдает от похоти третьего лица и кончает жизнь самоубийством. Кроме того, роман «Анна Каренина», с одной стороны, противопоставлен популярной светской повести, с другой — сопрягается с современными ему романом «Идиот» Ф. М. Достоевского (здесь тоже в центре оказывается прекрасная женщина, которой суждено стать жертвой людей, среды и обстоятельств) и романом И. С. Тургенева «Дым» (родственные тип и построение обоих произведений о «свете», любви и идейных брожениях)⁴.

Таким образом, роман Л. Н. Толстого укоренен не только во времени семидесятых годов, но и в литературе, которая ему предшествовала и его сопровождала. Генезис толстовского романа сказался на своеобразии его конфликтов. «Вечная» тема столкновения добра и зла включает в себя и трагедию Анны, и перипетии отношений в семье

Облонских, и драму Константина Левина, и терзания его брата Николая, и переживания Каренина, и отчуждение иных персонажей произведения, живущих в эпоху, когда все «переворотилось» и только укладывается. Ведущий конфликт захватывает и частную и социальную жизнь тогдашнего общества.

Особенность творческой концепции Л. Толстого определила характер сюжета романа. Может показаться, что в нем основные сюжетные линии, связанные с Анной, Облонским и Левиным, развиваются параллельно. Но такое представление чревато выводом о наличии в книге писателя двух или трех романов. Такую ошибку в свое время допустил критик журнала «Вестник Европы» А. Станкевич, суждение которого было подхвачено хулителями и недоброжелателями Л. Толстого и его произведения. Между тем все три сюжетные линии находятся в тесном переплетении. Подобно тому, как «все смешалось в доме Облонских», смещения и сдвиги происходят и в доме Карениных, и в душе Левина, и в сознании Вронского. Основное внимание писатель переносит на «историю души» его героев, многие из которых захвачены духовными и нравственными исканиями и неизбежно вступают в столкновение с установлениями среды и законами своего времени. Единство произведения дополнительно усиливается тем, что его персонажи связываются родственными (Анна и Стива), семейными (Анна и Каренин; Кити и Левин), приятельскими (Левин и Облонский), любовными (Анна и Вронский, Вронский — Кити — Левин) узами.

Сюжет романа «Анна Каренина» построен таким образом, что жизненные судьбы его центральных героев соответствуют друг другу, поскольку они решительно отрицают фальшь и лож своей среды. Таковы Анна и Левин. Оба они не терпят покоя, находятся в поисках, ищут любви и счастья, но пути к добру и истине у них различны.

Роман не случайно назван именем героини. Образ Анны Карениной от

начала и почти до конца произведения находится в центре писательского внимания. У Анны Карениной было несколько прототипов. Во-первых, сестра близкого друга Толстого М. А. Дьякова-Сухотина. Ее неудачный брак, сложный бракоразводный процесс и обретение ею второй семьи нашли отражение в описании семейной жизни Анны. Во-вторых, писатель принял во внимание историю взаимоотношений выдающейся актрисы Марии Савиной и Н. Ф. Сазонова. Внешний облик Карениной навеян чертами дочери А. С. Пушкина — М. А. Гартунг, которую Толстой увидел в Туле на вечере у генерала А. А. Тулубьева в конце 60-х годов. Ее портрет работы И. Макарова весьма близок внешности Анны в романе. Любопытно, что историю ее мужа — генерала Л. Н. Гартунга (он застрелился в здании суда) — Л. Толстой позже отразит в пьесе «Живой труп».

Писатель придал облику Анны Карениной особое женское обаяние. Прекрасны и черты ее лица, и та духовная красота, которая заключалась в ее движениях и взгляде. Внутренний свет особому одухотворяет ее облик. Писатель неоднократно возвращается к описанию внешности своей героини, неизменно подчеркивая ее красоту. Так, в сцене бала он подмечает «дрожащий и вспыхивающий блеск в глазах и улыбку счастья». Этот ее портрет все время дополняется новыми нюансами, обогащающими его индивидуальными оттенками, костюмными и мимическими деталями, подчеркивающими внутреннюю красоту этой женщины, богатство ее натуры и внутренней жизни. Ей свойственны глубокая душевность, сердечное отношение к бедам людей, например, когда она узнает о гибели железнодорожного рабочего и участии его семьи. Ей присущи широкие интересы, она читает английские романы, волнуется вместе с их героями; сама сочиняет детский роман, имеет хорошие познания в архитектуре и французской живописи. Она разносторонне талантлива, умна, правдива, что подмечает в ней проница-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

тельный Левин. В ней ошутим дух нового времени, она смело отстаивает свое право на счастье; это женщина семидесятых годов.

Но жизнь Анны складывается драматично. Ее брак с немолодым уже человеком был устроен теткой, и, выходя замуж, она не знает любви и духовно хоронит себя. Замужество становится для женщины, полной сил, семейной тюрьмой и пленом. «Он восемь лет душил мою жизнь, душил все, что было во мне живого», — признается она, имея в виду чиновника-мужа, которого она называет «куклой» и «министерской машиной». Значительное время она следует долгу жены, хотя видит его отнюдь не в формальных обязанностях и не в предуказанной лжи, а во внутренней порядочности и жизни без обмана. К тому же истинной радостью в ее жизни без любви к мужчине был сын Сережа.

Встреча с Вронским, нарушившая ее душевный покой, пробуждает у Анны жажду любви и полноценной жизни. Теперь она не желает оставаться затворницей и подавлять в себе чувство жизни, не хочет больше себя обманывать. Она мужественно бросает вызов всем, кто препятствует ее свободе и мешает ее счастью. Мучить себя больше она не дает, переживает состояние открытия и прозрения: по-новому видит себя, мужа, графиню Лидию Ивановну, светский мир с его ложью, которой она так чужда, с его лицемерием, которое она так теперь ненавидит. Поэтому ее смеющиеся глаза кажутся теперь Каренину страшными. Столкновение с двоедушием света становится для нее неизбежным, конфликт с «обществом партии крокета» — непримиримым, поединок с фальшивой моралью и враждебными людьми — роковым. Разрыв уз неравного брака — характерный и даже типичный конфликт эпохи. Но в этом поступке заключена одна из причин ее последующей трагической судьбы.

С выразительным ритмом следуют сцены свидания с Вронским на даче, тонко переданный эпизод скачек, объяснение с мужем и признание ему,

жизненный выбор и неудержимое движение навстречу любви, которая сразу же противопоставляет Анну ее среде и поднимает над нею. Она восстает против грязи, бездушия, фальши и ханжества.

В любви к Вронскому для Анны заключено ее неудержимое стремление к свободе и проявлению подлинно человеческих чувств. Теперь у нее все «переменилось» и пробудилась жажда жизни. Поездка за границу, в Италию, должна, по замыслу Анны, помочь ей все забыть в радостном соприкосновении с южной природой и искусством. И она действительно испытывает здесь счастье, обогащенное переживанием взаимной любви. Но все чаще и настойчивей ее посещает, а потом и захватывает в плен скука, рожденная от зрелища скучающего и томящегося от безделья Вронского. Тоска усиливается от постоянного ощущения раздельности с сыном. Но возвращение в Россию не приносит ей успокоения: она теперь как будто бы рядом со своим мальчиком, но не имеет права встречаться с ним. «Без сына не может быть для меня жизни даже с тем, кого я люблю», — размышляет она и предпринимает все, чтобы с ним увидеться в день рождения Сережи, вопреки запрету. Сцена свидания с ним — одна из самых волнующих в романе. Она полна драматизма и заключает в себе глубокий общечеловеческий смысл. Между тем светское окружение не только осуждает Анну, но и объявляет ее вне закона. Будучи само развратным и греховным, оно лицемерно называет ее «порочной». Посещение театра, когда она, сидя «в пятом бенуаре», вызывает возмущение и негодование женщин ее круга, становится ее вызовом «свету», открытым поединком с ним, потребовавшим мобилизовать все силы, чтобы быть спокойной, стойкой и способной выдержать свою роль до конца. Но примечательно, что отращивание к свободной женщине, которая «позволила себе показаться в свете» во всем блеске своей красоты, по-своему передается и Вронскому, который раздражается, видя ее эле-

гантность и красоту ее лица и наряда. Только Левин еще испытывает сочувствие к Анне, понимая, как оскорблена она и как глубоко страдает.

Все свои переживания, чувства и мысли Каренина сосредотачивает вокруг Вронского, отгородившись от жизни. В своем внутреннем монологе она признается себе: «У меня все в нем одном, и я требую, чтоб он весь больше и больше отдавался мне. А он все больше и больше хочет уйти от меня. Мы <...> неудержимо расходимся в разные стороны». Так все больше суживается сфера ее жизни, так «сдавливает» ее эгоизм страсти, отгораживающий Анну от других людей и толкающий ее к гибели. Немецкий психолог К. Леонгард замечает, что «нагромождение конфликтов в жизни Анны объясняется не особенностями ее личности, а скорее тем, как чисто объективно сложилась ее судьба»⁵. Замечание это верно лишь частично, потому что доля вины приходится и на Анну, что для самого Толстого несомненно, а для Каренина и Вронского, осуждающих ее за «неблагоразумие», — очевидно. Резко колеблется ее настроение, меняясь от любви к ревности и от участия к ненависти. И уже Левин добавляет к прежним своим эмоциональным определениям новый признак: «Какая удивительная, милая и жалкая женщина, — думал он». Глубокие внутренние противоречия, ощущаемые ею самою («Я дурная женщина, я погибшая»), приводят к тупику и катастрофе. Дар общения оборачивается одиночеством, любовь приводит к собственному ее отрицанию, полному отчуждению, жизнелюбие сменяется разочарованием в жизни. Душевные муки становятся невыносимыми. И она присваивает себе право суда и воздаяния: «Я накажу его и избавлюсь от всех и от себя», — решает она и неумолимо двигается к трагической развязке. Обрывы обрывающейся нити жизни и гаснущей свечи усиливают редкостную выразительность сцены гибели героини: «Отчего же не потушить свечу, когда смотреть больше не на что, когда гадко смотреть на все это?»

Так завершается жизненный путь самой поэтичной и в то же время самой трагичной героини русской литературы.

Понимание противоречивого, двойственного отношения к ней автора во многом зависит от осмысления образов Каренина и Вронского. Каренин стал мужем Анны благодаря тому, что его брак с ней был «устроен» и создан по расчету. Этот представитель высшей сановной аристократии всю свою жизнь «прожил и проработал в сферах служебных, имеющих дело с отражением жизни. И каждый раз, когда он сталкивался с самой жизнью, он отстранялся от нее». К тому же в своей среде он поступает и мыслит «как все» и полностью разделяет сложившуюся в этом обществе лживую светскую мораль.

Такая характеристика Алексея Александровича распространяется и на его внешний облик. У него «строго-самоуверенная фигура», «немного выдающаяся спина». При передвижении он ворочал «всем тазом и тупыми ногами». Бросаются в глаза оттопыренные хрящи ушей, подпиравшие поля круглой шляпы, «упорный и усталый взгляд», «большие усталые глаза». Таким предстает он в сцене на вокзале. В последующих главах портретная характеристика его обогащается, но доминанта ее остается прежней. У него «лицо некрасивое и мрачное», «бескровное, осунувшееся»; «неподвижные, тусклые глаза», «хрустящие при волнении пальцы», «неуклюжая походка». Конечно, это резко сниженная характеристика, но среди ее деталей встречается и такая: «петербургски-свежее лицо». И в поведении героя заметна определенная противоречивость. С одной стороны, деловитость, распределенность каждой минуты, автоматизм движений; с другой — «строжайшая аккуратность», неспешность, степенность, которые не следует оценивать только отрицательно. Да, он раскланивается на скачках со знакомыми порой заискивающе, но при этом проявляет вежливость, достоинство, свободу от высокомерия. Он нередко обнаруживает бездушие, но в то же время он честный, умный,

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

нравственный, религиозный человек, за что его уважают окружающие. И конечно же, исключительно трудолюбивый. Да, он министерский чиновник, нередко холодный и черствый. Но он лишен легкомыслия и развращенности Стивы — брата Анны и упорно дорожит своей честью. Чиновничья служба умертвила в Каренине живые чувства и эмоциональность реакций. Но когда он обнаруживает увлечение Анны Вронским, то проявляет человеческие чувства. Его не оставляют равнодушным людские слезы и горести. А в сцене родов жены, оказавшись у постели больной женщины, он переживает настоящий душевный переворот. «Слезы стояли в его глазах, и светлый, спокойный взгляд их поразил Вронского». Рыдания прерывают речь Каренина, но он обращается к любовнику жены: «Вы можете затоптать меня в грязь, сделать посмешищем света, я не покину ее и никогда слова упрека не скажу вам <...> я должен быть с ней и буду». Здесь слово «должен» сопрягается с понятием «долг», которое понимается им не только формально. И примечательно, что Вронский почувствовал в поведении Каренина «что-то высшее и даже недоступное ему». И это было действительно чувством «высшим». Следует решительно отойти от той односторонней, исключительно критической характеристики, которую часто Каренину давали литературоведы с двойной целью: сильнее «обличить» светский мир и оправдать супружескую измену Анны. Каренин — трагическая фигура, и его следует оценивать двойственно, что хорошо понимал сам автор, который наделил своего героя не только снижающими красками, но и великодушием, и состраданием. Увидев родившегося ребенка, Каренин с минуту молчал, «но вдруг улыбка, двинув его волосы и кожу на лбу, выступила ему на лицо». Это уже не ироническая или скептическая его улыбка, а выражение умиления и радости. И позже писатель изображает глубоко страдающего, трагически одинокого человека. Следует учесть, что многие отрица-

тельные аттестации Каренина даны устами Анны, ищущей для себя оправдания. Примечательно, что прототипами этого героя были С. М. Сухотин, переживший семейную драму, и свояк Толстого А. М. Кузминский, люди, которых писатель уважал и любил. Выразительная деталь внешности Каренина — «торчащие уши» — чаще всего раздражают Вронского, который ассоциирует их с ушами своего коня Гладдиатора и лошади Фру-Фру его соперника на скачках⁶.

Любопытно, что Н. П. Хмелев, выдающийся актер МХАТа, игравший Каренина, жаловался, что ему был отчасти навязан образ, олицетворяющий бюрократический Петербург. «Я так и играю, но счастья нет в моей душе, творческого счастья, — говорил актер. — Скажу по правде, меня тайне тянет к драме Каренина, ведь там есть драма и даже трагедия. Ходить и изображать царский Петербург — это очень жидко»⁷. Но неправы и те, кто пытается слишком возвысить Каренина, чтобы резче осудить измену его Анны. Здесь нужны мера и внимание к двойственности толстовской оценки героя.

Противоречивой характеристики заслуживает и Вронский. С одной стороны, этот аристократ по уму и характеру возвышается над людьми своего круга. Недаром его выделила чуткая Кити и полюбила Анна. Но, с другой стороны, он сознательно стремится к возвышению в мнении людей своего круга (он де соблазнил даже такую женщину, как Анна!), лишен высоких идеалов и постоянно проявляет себя как дилетант и в военной службе, и в политике, и в искусстве, и в живописи, и в сельском хозяйстве. Вронский дан в романе в развитии: он испытывает облагораживающее влияние Анны, временно выпадает из светского окружения, проникается критицизмом по отношению к окружающему обществу (в его глазах приезжий принц выглядит «глупой говядиной»), достойно ведет себя в сложных ситуациях. Однако с самого начала связь Анны с Вронским рисуется бесперспективной, чреватой скорым расхождением: слиш-

ком прочно он усвоил светский «свод правил» и остается связанным со своей средой. Поэтому отношение к этому персонажу романа изменяется и у Толстого, и у читателя. Не случайно писатель неожиданно почувствовал, что его герой должен стреляться. Правда, самоубийством Вронский не кончил, но в заключительной части романа мы видим его на железной дороге, по которой он направляется в Сербию, чтобы там свести счеты с жизнью. Теперь это страдающий человек, постаревшее лицо которого кажется «окаменелым». Неглубокий в начале романа, он остается несостоятельным и в конце его, хотя проделал определенную эволюцию по ходу сюжета.

Совсем по-иному показана «текучесть» другого центрального характера — Константина Левина. У этого ищущего правды и смысла жизни героя были предшественники в творчестве Толстого: Нехлюдов в «Утре помещика», Оленин в «Казаках», Пьер и князь Андрей Болконский в «Войне и мире». Левин тоже проходит сложный путь исканий, переживаний, историю духовного развития. Но в отличие от других толстовских героев Левин откликается на проблемы, рожденные уже в пореформенную эпоху; он образцовый помещик в деревне и при этом тесно связан с мужиками, интересы которых его волнуют. Его демократизм более зрел, и по пути сближения с народом он идет значительно дальше, нежели его литературные предшественники. Тесное общение с крестьянами определяет то уважение к их труду, которое для этого героя так характерно. Более того, он трудится рядом и вместе с мужиками. Запоминаются выразительные сцены косьбы, а потом и уборки сена, в которых Левин участвует. «Чем долее Левин косил, — пишет автор, — тем чаще и чаще он чувствовал минуты забытья, при котором уже не руки махали, а сама коса двигала за собой все сознающее себя, полное жизни тело, и, как бы по волшебству, без мысли о ней, работа правильная и отчетливая делалась сама собой. Это были самые блаженные

минуты». Эта косьба, при которой уравниваются барин и его мужики, описывается с такой страстностью и любовью, так празднично и вдохновенно и с таким знанием этого труда, что вырастает в картину яркую, высокоидейную и величественную.

Уважая и поэтизируя крестьянский труд, Левин гневно говорит о праздной жизни дворянства, о бессодержательном городском быте, противопоставляя им мир деревни. «Для Константина Левина деревня была тем хороша, — замечает автор, — что она представляла поприще для труда несомненно полезного». Левин видит расхождение интересов помещиков и крестьян и пытается подняться над узкоклассовыми пристрастиями. Он хочет жить, как старый мужик Фоканых, который «для души живет, Бога помнит». Мир запоминающихся символических образов (высокое небо, Млечный Путь, облако, похожее на перламутровую раковину, треугольник звезд) появляется на тех страницах романа, где характеризуются Левин и его думы о деревне. Герой Толстого нередко рефлексировал, размышляет, ищет, но при этом он не любит «умствования» и предпочитает жить чувствами, эмоциями, которые надежнее логики.

Внимательно прослеживает Толстой созревание любви Левина и Кити и становление их семьи, во многом противоположной семье Анны. Но драматизм ощущается и в левинской семье, ибо герой тревожится за ее будущее и за грядущую жизнь его страны, где должна осуществиться «бескровная революция». Она, по его представлениям, произойдет сначала в его имении, потом в уезде, затем в губернии и распространится по всей России. Эта идея утопична, но она говорит об исканиях героя, самого «толстовского» из всех образов великого художника слова, самого сомневающегося из них, наделенного заметными автобиографическими чертами. Не зря у него фамилия Левин, происходящая от имени Лев, имени самого писателя.

Рядом с охарактеризованными героями в романе Толстого живут, любят

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

и мучаются такие незабываемые люди, как поэтичная Кити, веселый и беспечный Стива Облонский, добрая и самоотверженная Долли, самолюбивый полемист Кознышев и многие другие персонажи, населившие этот многолюдный роман и сделавшие его таким объемным. Эти люди живут не только в столице или других городах, но и среди природы, и Толстой вводит в структуру своей книги глубоко правдивые пейзажи. То это «старые кудрявые березки сада, обвисшие всеми ветвями от снега», одетые «в новые торжественные ризы»; то это поля ржи, овсов и гречихи, то луга с медовыми травами, то разбушевавшийся буран, соотносимый с бурными переживаниями Анны, увидевшей своего избранника.

Роман «Анна Каренина» отличается мастерским построением. Когда профессор С. А. Рачинский высказал свои сомнения в совершенстве композиции произведения, в котором «нет архитектуры» и две темы, «ничем не связанные», развиваются рядом, Л. Толстой ответил своему критику, что его мнение «неверно». «Я горжусь, напротив, архитектурой. Своды сведены так, что нельзя заметить, где замок. И об этом я более всего старался». И далее: «Связь постройки сделана не на фабуле и не на отношениях (знакомстве) лиц, а на внутренней связи»⁸. В самом деле, если воспользоваться архитектурными терминами и представить себе роман как здание, то в нем обнаруживается строгая симметрия двух частей; в первой представлен мир Анны, во второй — мир Левина. Эти части совершенно равны по объему (разница — двадцать страниц). На стыке — дом Облонских, и сцена обеда в нем — замок постройки⁹. В романе, как было сказано, не две, а три сюжетные линии. Третья, связанная с Облонским и Долли, соединяет первые две, тем более что Стива и Долли выступают посредниками между Анной — Карениным и Левиным — Кити. В. Набоков заметил, что измена Облонского и несчастье Долли, а также разрыв Вронского и Кити подготавливают тему

Вронского — Анны. Разговор с крестьянкой кажется Долли таким же чудом, как Левину — разговор с мужиком. Таких соотношений в романе немало, и все это — его внутренние связи. Кроме того, все эпизоды подчинены единой авторской точке зрения. Гибель сторожа под поездом в начале романа отзовется гибелью под поездом Анны в конце книги. Предчувствия, предзнаменования, вещие сны воспринимаются в романе как трагический рок, предвещающий финал. Известный исследователь Толстого Э. Г. Бабаев тщательно проследил композицию романа и пришел к выводу, что главы его расположены циклами, между которыми существует и тематическая и сюжетная связь. А в целом архитектоника романа отличается естественностью расположения всех соединенных между собою конструктивных частей¹⁰.

Определяя жанр толстовского произведения, следует подчеркнуть, что это «свободный роман» (термин Пушкина), хотя в нем нет лирических, философских и публицистических отступлений. Но в нем дана широкая панорама жизни, ее энциклопедия, как в «Евгении Онегине». В известной мере этот роман «семейный», но автор все же выходит за рамки этого «семейного» эпоса, вобрав в книгу все коллизии и конфликты эпохи. Наконец, это роман-трагедия, в котором один из трех центральных героев — Левин — близок к самоубийству, второй — Вронский — пытается застрелиться, а потом отправляется на верную смерть; третий — Анна — погибает под поездом. Роман замечателен своим глубоким психологическим анализом, переходами от одного душевного состояния к другому, внутренними монологами, передающими «текучесть» мыслей и чувств, раскрытием предчувствий и снов, портретными характеристиками, основанными на тонкой нюансировке и повторяющихся деталях (блеск глаз Анны, торчащие уши Каренина). Особую роль выполняют три живописных портрета Анны, дающие представление о меняющемся облике героини и повод для

размышления об изобразительном искусстве.

Для стиля «Анны Карениной» характерна пушкинская традиция ведения динамического повествования, отказа от авторских рассуждений и оценок, простота, строгость, точность, использование перекрестных характеристик (в диалоге на московском балу), сгущенных и емких; напряженное и эмоциональное начало большинства из 239 глав. Стиль примечателен и обилием в реалистическом повествовании символических образов-знаков: это железная дорога, звук железа, метель, натянутая струна, пропасть, свеча, мрак, задавленный поездом человек. Все эти символы вводятся в общий реалистический стиль романа.

Язык произведения по синтаксическому строю проще языка «Войны и мира». Сложноподчиненные предложения не имеют большого количества придаточных, но периоды, соединяющие предложения в сложные синтаксические формы, еще нередки (особенно в рассуждениях-доказательствах Левина). Часты внутренние монологи героев, с которыми сливается авторская повествовательная речь. Последняя очень богата тропами: сравнениями, эпитетами («пронзительный свет», «прозрачная тишина»), метафорами («солнце приближалось»). В речи крестьянских персонажей часты пословицы («В дождь коси, в погоду греб!»), «Взялся за гуж...»). В языке людей света нередки французские слова и фразеологизмы. В речи Каренина множество книжных оборотов, отглагольных существительных («Я требую соблюдения внешних условий», «Исполнение в отношении к мужу обязанности жены...»). Язык Рябинина полон купеческой терминологией и почтительно-угодливыми словами. В речи Левина используется особый, индивидуальный язык (начальные буквы слов во время объяснения с Кити).

Из многочисленных оценок толстовского романа, собранных Г. В. Красновой и В. Горной, приведем лишь некоторые. Н. С. Лесков писал: «Я считаю это произведение весьма высоким

и просто как бы делающим эпоху в романе». Ф. М. Достоевский констатировал: «“Анна Каренина” есть совершенство как художественное произведение». И. С. Тургенев после выхода романа говорил: «Граф Толстой теперь первый писатель не только в России, но и во всем мире». Ги де Мопассан отметил: «Я сегодня окончил читать “Анну Каренину”. Так написать не мог никто в целом мире». Томас Манн писал в своем предисловии к роману: «Я без колебания назвал “Анну Каренину” величайшим социальным романом во всей мировой литературе»¹¹.

Но, оценивая толстовский роман, многие писатели, общественные деятели и читатели проявляли растерянность перед эпиграфом, поставленным Толстым перед текстом: «Мне отмщение, и Аз воздам». В чем его смысл? От его уразумения зависит уяснение смысла книги. По мнению известного теоретика литературы Л. И. Тимофеева, этот эпиграф — характерный пример ограниченности авторской идейной оценки. Близкую позицию занял писатель М. Алданов, считавший, что моральная тенденция романа и его эпиграфа сомнительна. Но к голосу автора надо прислушаться.

Литературовед Л. Опульская полагает, что человек, преступивший нравственный закон, неизбежно подлежит наказанию. Таков, считает она, смысл эпиграфа. Подобной точки зрения придерживаются многие. Но эпиграф не может быть «прикреплен» к образу главной героини романа, ибо трактовка Анны в романе противоречит такой «осуждающей» оценке этого изречения. Исследователь Я. С. Билинкус был склонен считать, что «эпиграф “Анны Карениной” прямо говорит, что совершающееся с героями романа относится к самым “конечным” противоречиям хода жизни»¹². Существует мнение, что слова эпиграфа относятся не к Анне и не к абстрактному ходу жизни, а к тем, кто погубил героиню. Такую точку зрения высказала С. А. Толстая, ссылаясь на мужа: «Слова “Мне отмщение, и Аз воздам!” относятся не

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

к Анне, а ко всем персонажам, ко всему роману в целом: к той неправде и лжи, к тому злу и обману, жертвой которых и гибнет Анна»¹³. Более категоричным оказался критик В. Ермилов, писавший: «...речь идет не столько об отмщении Анне, сколько об отмщении за Анну. Уже в одном том, что гибнет самое ценное, самое прекрасное человеческое существо, заключен приговор действительности»¹⁴. В такой трактовке с Анны совсем снимается какое-либо осуждение. Думается, наиболее взвешенный подход содержится в суждении В. Набокова: «Что значит этот эпиграф из “Послания к Римлянам”?» — задает вопрос писатель и исследователь. И отвечает: «Вопервых, общество не имело право судить Анну, во-вторых, Анна не имела права наказывать Вронского, совершая самоубийство. Право суда, воздаяния остается за Богом»¹⁵. Впрочем, читатель может и сам решить для себя великую загадку этого эпиграфа.

Роман Л. Н. Толстого получил воплощение в разных видах искусства. Его иллюстрировали в графике такие блестящие художники, как М. А. Врубель, Н. А. Тырса, Н. И. Пискарев (он

создал цикл иллюстраций для американского издания), А. Н. Самохвалов, К. И. Рудаков. По роману были поставлены многочисленные спектакли: на сцене МХАТа (1937) с участием А. К. Тарасовой, а позже — А. Андреевой (1957), в Тверском драматическом театре, в «Театре горожан» в шотландском городе Глазго (1987), где главным героем стал старик, бывший Сережа Каренин. По сценариям на основе романа были созданы многочисленные фильмы, зарубежные с участием Греты Гарбо (1937), Вивьен Ли (1948), советские — фильм А. Зархи, где в роли Анны выступила Т. Самойлова, а в роли Каренина — Н. Гриценко (1968), фильм С. Соловьева, английский фильм-спектакль в 10 сериях (1978) с Никола Пажетт в роли Анны. Были сочинены оперы, музыку для которых написали итальянские, французские, венгерские композиторы. В 1972 году был создан и поставлен замечательный балет Родиона Щедрина, в котором в роли Анны выступила Майя Плисецкая.

Так новую жизнь в многообразных искусствах обрел великий роман Л. Н. Толстого.

Примечания

1. Дневник С. А. Толстой, 1860–1891. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928. С. 32.
2. Воспоминания В. Истомина о Л. Толстом // В. Жданов Творческая история «Анны Карениной». М.: Сов. писатель, 1957. С. 243.
3. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1960. С. 151.
4. См.: Бялый Г. А. «Дым» в ряду романов Тургенева // Вестник Ленинградского университета. 1947. № 9. С. 101.
5. Леонгард К. Акцентуированные личности; Пер. с нем. Киев: Изд-во «Вища школа», 1981. С. 198–199.
6. См.: Альтман М. Читая Толстого. Тула: Приокское кн. изд-во, 1955. С. 82–85.
7. См.: Краснов Г. В. Основные вехи в восприятии романа «Анна Каренина» // Литературные произведения в движении эпох. М.: Наука, 1979. С. 226–227.
8. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 томах (Юбилейное издание). М., 1927–1964. Т. 62. С. 377.
9. Аннинский Л. Лев Толстой и кинематограф. М.: Искусство, 1980. С. 238.
10. Бабаев Э. Г. Сюжет и композиция романа «Анна Каренина» // Толстой-художник: Сборник статей. М.: Изд. АН СССР, 1961. С. 150–180.
11. Горная В. Мир читает «Анну Каренину». М.: Книга, 1979. С. 45 и др.
12. Билинкис Я. С. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого и русская литература 1870-х годов (лекция). Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1970. С. 52.
13. Литературный современник. 1935, № 11. С. 142.
14. Ермилов В. Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина». М.: Гослитиздат, 1963. С. 53–54.
15. Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М., 1996 С. 231.

А. Н. Миронов

ОБРАЗ АННЫ КАРЕНИНОЙ — КРУПНЕЙШАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

Как известно, подлинная любовь бескорыстна, переносит и физические и психические перегрузки, но не безучастна, а значит, и разумна.

Какая наглость, — вероятно, воскликнет поклонник творчества Л. Н. Толстого, — и скорей всего добавит, что г-н Миронов просто сошел с ума. Признаюсь, что повод к такому суждению налицо. Однако не будем спешить с выводами. Отмечу только то, что сам много удивляюсь, как подобное помышление вдруг пришло на ум, ведь еще совсем недавно искренне полагал образ Карениной чуть ли не лучшим во всей мировой литературе. Предложение же Е. С. Роговера написать очерк воспринял изначально с удивлением и скукою одновременно, посчитав, что вряд ли смогу добавить что-нибудь новое к уже много и многократно сказанному. С другой стороны, некоторое обдумывание предложенного все же привело к мысли, что все-таки надо объясниться, а значит, и понять, в чем непреходящая притягательность этого воистину нетленного образа. И в самом деле, в моей голове уже давно никак не укладывалось очевидное противоречие, наблюдаемое мною в фигуре вроде бы честной и мужественной женщины, осмелившейся бросить вызов ключевым устоям русского аристократического общества, решившейся на безоглядное сердечное влечение, полагая тем и свою подлинную честь, и свое же подлинное счастье. Если Чацкий из бессмертной комедии «Горе от ума» лишь пытался, как и Анна,

пройти подобный путь чести и любви, то Карениной он вполне удастся. Но финал! Каков финал! Ладно, если бы образ Вронского, возлюбленного Анны, оказался бы неказистым. Так ведь нет же! И Вронский у Толстого вполне достоин настоящей любви, так как и честен, и благороден. А результат? Опозоренный набожный и аскетичный Каренин, нашедшая свою страшную кончину Анна и потрясенный внезапной утратой возлюбленной Вронский — такова развязка известного романа. Но почему все так? И главное: разве такое в принципе возможно? Вопросы, вопросы. Кроме этого, ныне вокруг образа Анны Карениной мы имеем много восхищенных воздыханий вполне влиятельных творческих людей, например кинорежиссера Сергея Соловьева, который искренне считает рассматриваемый роман Толстого выдающимся «чувствилищем». Зная названного выше деятеля киноискусства как автора скабрёзных картин, я невольно призадумался: а может быть, в этом великом произведении что-то не так? а может, оно содержит в себе нечто такое, что успешно и соблазняет собою, вовлекая в невозможный мир как вполне возможный, уже многие поколения любителей литературы? Когда же эти соображения мною были освоены, тогда я и взялся, как говорится, за перо. Что из этого выйдет? —

судить о том читателю настоящего очерка.

Недавно узнал, что в необозримом пространстве Интернета я получил прозвище литературного некрофила за когда-то написанную мною книгу «Литературы лукавое лицо», в которой много критикую наших классиков. При этом мне еще был брошен упрек, что я избегаю жестко критиковать современных авторов, видимо, трусливо опасаясь каких-либо неприятностей. В свою очередь замечу, что нынешние многочисленные писатели мною таковыми не рассматриваются, так как совсем не посягают в своих работах на сложные смыслы, а значит, и писателями-то в принципе считаться не могут. Иное дело классики. В романах, повестях и рассказах прошлого как раз имеется отчетливая попытка говорить о главном, действительно насущном. Только по этой причине я уделяю им время, понимая тем самым и свой долг и свое, если хотите, счастье. Вот и в романе об Анне Карениной читатель имеет нечто подобное, а значит, и вполне достойное серьезной траты времени занятие.

Первое, что привлекло мое внимание еще в юности, было обстоятельство ужасной кончины героини романа. То есть уже тогда я был много удивлен этим финалом очевидно аристократической женщины. В моей душе тогда же возникло чувство огромного диссонанса или несоответствия, вызванного тем, что красивая и умная женщина сознательно бросилась под колеса вагона поезда. Иначе говоря, я подумал, что такого события в настоящей жизни никак не могло бы случиться. Конечно, душевнобольная женщина вполне может оказаться под поездом, но умная и сердечная женщина, каковой видится Анна Каренина, — вряд ли. Вместе с тем одна моя хорошая знакомая в разговоре о романе сказала мне, что мужчинам в целом понимание Анны Карениной во многом недоступно. Поэтому судить ее квалифицированно они никак не

смогут. Кроме этого, она добавила еще, что Каренина попала в абсолютно безвыходную ситуацию с полной «потерей своего лица». В результате сложившихся обстоятельств она и была обречена на самоубийство. А подлинным камнем преткновения для нее якобы стал ее ребенок. Но читаем роман: «...Сережа? — вспомнила она (речь об Анне Карениной. — А. М.). — Я тоже думала, что любила его (речь о сыне Анны Карениной. — А. М.), и умилялась над своею нежностью. А жила же я без него, променяла же его на другую любовь и не жаловалась на этот промен, пока удовлетворялась той любовью». Вот и выходит, что ребенок для Анны не был столь значимым смыслом ее жизни, как о том необоснованно думают некоторые читатели. А что есть такое любовь Карениной? «Моя любовь все делается страстнее и себялюбивее, а его (речь о Вронском. — А. М.) все гаснет и гаснет, и вот отчего мы расходимся, — продолжала она думать. — И помочь этому нельзя. У меня все в нем одном, и я требую, чтоб он весь больше и больше отдавался мне. А он все больше и больше хочет уйти от меня. Мы именно шли навстречу до связи, а потом неудержимо расходимся в разные стороны. И изменить этого нельзя. Он говорит мне, что я бессмысленно ревнива, и я говорила себе, что я бессмысленно ревнива; но это неправда. Я не ревнива, а я недовольна. Но... — Она открыла рот и переместилась в коляске от волнения, возбужденного в ней пришедшей ей вдруг мыслью. — Если бы я могла быть чем-нибудь, кроме любовницы, страстно любящей одни его ласки; но я не могу и не хочу быть ничем другим. И я этим желанием возбуждаю в нем отвращение, а он во мне злобу, и это не может быть иначе. Разве я не знаю, что он не стал бы обманывать меня, что он не имеет видов на Сорокину, что он не влюблен в Кити, что он не изменит мне? Я все это знаю, но мне от этого не легче. Если он, не любя меня, из *долга* будет добр, нежен

ко мне, а того не будет, чего я хочу, — да это хуже в тысячу раз даже, чем злорада! Это — ад! А это-то и есть. Он уже давно не любит меня. А где кончается любовь, там начинается ненависть». То есть любовь Анны предельно эгоистична и предельно чувствительна, или она есть голая страсть. Но откуда тогда берется наше сочувствие ей? Иначе говоря, мы все-таки угадываем в ее поведении и некую общую заботу — заботу о преодолении фальшивых устоев общественной жизни, в которой во имя целей ложно понимаемого добра принято притворяться. Но ведь она на самом деле ищет только своего, а до чужого ей дела мало, если вообще есть. И потом слова: «Даже те редкие минуты нежности, которые наступали между ними (речь о Карениной и Вронском. — А. М.), не успокаивали ее: в нежности его теперь она видела оттенок спокойствия, уверенности, которых не было прежде и которые раздражали ее... И смерть, как единственное средство восстановить в его сердце любовь к ней, наказать его и одержать победу в той борьбе, которую поселившийся в ее сердце злой дух вел с ним, ясно и живо представлялась ей. Теперь было все равно: ехать или не ехать в Воздвиженское, получить или не получить от мужа развод — все было ненужно. Нужно было одно — наказать его» сообщают читателю об огромном эгоизме любовного чувства Анны. Но повторим сказанное выше — откуда тогда наше сочувствие к ней, ведь оно на чем-то должно держаться? «“Ненатурально”, — вспомнила она (речь об Анне. — А. М.) вдруг более всего оскорбившее ее не столько слово, сколько намерение (Вронского. — А. М.) сделать ей больно. “Я знаю, что он хотел сказать; он хотел сказать: ненатурально, не любя свою дочь, любить чужого ребенка. Что он понимает в любви к детям, в моей любви к Сереже, которым я для него пожертвовала? Но это желание сделать мне больно! Нет, он любит другую женщину, это не может быть иначе”».

То есть мы видим и ценим удивительную чувствительность и тонкость натуры Анны, а также отчетливо понимаем, как ей тяжело переносить возникшую холодность Вронского, ради которого она презрела все, все свои обязанности жены и матери. В подтверждение сказанного мы обнаруживаем еще такое: «Было что-то оскорбительное в том, что он (Вронский. — А. М.) сказал: “Вот это хорошо”, как говорят ребенку, когда он перестал капризничать; и еще более оскорбительна та противоположность между ее виноватым и его самоуверенным тоном; и она на мгновение почувствовала в себе поднимающееся желание борьбы». В результате Анна оказалась в жуткой ситуации непрерывного ожидания каждодневного подтверждения, что ее возлюбленный на самом деле совсем не тот человек, за которого она его принимала, что он все-таки груб и не способен долго, глубоко и сильно любить женщину. Впрочем, она говорит еще и такое: «Отчего ты (речь о Вронском. — А. М.), хвастаясь своею прямою, не говоришь правду? — Я никогда не хвастаюсь и никогда не говорю неправду, — сказал он тихо, удерживая поднимавшийся в нем гнев. — Очень жаль, если ты не уважаешь... — Уважение выдумали для того, чтобы скрывать пустое место, где должна быть любовь. А если ты не любишь меня, то лучше и честнее сказать... — Я должен спросить, чего вы от меня хотите. — Чего я могу хотеть? Я могу хотеть только того, чтобы вы не покинули меня, как вы думаете, — сказала она, поняв все то, чего он не досказал. — Но этого я не хочу, это второстепенно. Я хочу любви, а ее нет. Стало быть, все кончено!» И далее мы встречаем уже самое ужасное: «И стыд и позор Алексея Александровича, и Сережи (речь о муже Карениной и ее сыне. — А. М.), и мой ужасный стыд — все спасается смертью. Умереть — и он будет раскаиваться, будет жалеть, будет любить, будет страдать за меня». В итоге перед всеми нами образ со-

вершенно неуравновешенной женщины, находящейся в полной мере потери самой себя. Иначе говоря, теперь нам следует решить только один вопрос: а была ли Анна с самого начала романа таковою, каковою она предстает в конце повествования, или она сделалась врагом самой себя лишь по лукавой воле автора?

В начале романа в сцене участия Анны в несчастной судьбе жены своего брата (Стивы. — А. М.) Долли, обманувшего ее супружеской изменой, она утешает эту женщину удивительными и точными словами: «Долли, душенька, я понимаю твои страдания вполне, только одного я не знаю: я не знаю... я не знаю, насколько в душе твоей есть еще любви к нему. Это ты знаешь, — настолько ли есть, чтобы можно было простить. Если есть, то прости!» Каково? Неужели это слова женщины, которая позже от обиды на любимого ею человека потеряет всякую способность видеть и понимать свое положение? Идем далее и читаем уже такое: «Долли, постой, душенька. Я видела Стиву, когда он был влюблен в тебя. Я помню это время, когда он приезжал ко мне и плакал, говоря о тебе, и какая поэзия и высота была ты для него, и я знаю, что чем больше он с тобой жил, тем выше ты для него становилась. Ведь мы смеялись, бывало, над ним, что он к каждому слову прибавлял: “Долли удивительная женщина”. Ты для него божество всегда была и осталась, а это увлечение не души его...» Затем на встречный вопрос Долли о возможности прощения Карениной измены уже в свой адрес она отвечает так: «Не знаю. Я не могу судить... Нет, могу, — сказала Анна, подумав; и, уловив мыслью положение и свесив его на внутренних весах, прибавила: — Нет, могу, могу, могу. Да, я простила бы. Я не была бы тою же, да, но простила бы, и так простила бы, как будто этого не было, совсем не было». Неужели эти слова Анны неискренни? Или она совсем не понимает своего брата, его беспримерной

ветрености и безответственности? Но тогда она просто неумная женщина, чего впоследствии мы никак не находим. Это первое серьезное противоречие в образе Анны, допущенное сознательно Л. Н. Толстым. Зачем и для чего? Видимо, о том можно будет судить несколько позднее, когда, скорее всего, откроются и другие несоответствия, с помощью которых писатель и создает чарующую притягательность фигуры своей героини. И вот оно искомое: «Боже мой! Прости меня! — всхлипывая, говорила она (речь об Анне. — А. М.), прижимая к своей груди его (речь о Вронском — А. М.). Она чувствовала себя столь преступною и виноватою, что ей оставалось только унижаться и просить прощения; а в жизни теперь, кроме него, у нее никого не было, так что она и к нему обращала свою мольбу о прощении. Она, глядя на него, физически чувствовала свое унижение и ничего больше не могла говорить. Он же чувствовал то, что должен чувствовать убийца, когда видит тело, лишенное им жизни. Это тело, лишенное им жизни, была их любовь, первый период их любви. Было что-то ужасное и отвратительное в воспоминаниях о том, за что было заплачено этою страшною ценою стыда. Стыд перед духовною наготою своей давил ее и сообщался ему. Но, не смотря на весь ужас убийцы пред телом убитого, надо резать на куски, прятать это тело, надо пользоваться тем, что убийца приобрел убийством. И с озлоблением, как будто со страстью, бросается убийца на это тело, и тащит, и режет его; так и он покрывал поцелуями ее лицо и плечи. Она держала его руку и не шевелилась. Да, эти поцелуи — то, что куплено этим стыдом... “Все кончено, — сказала она. — У меня ничего нет, кроме тебя. Помни это”». Зато перед этим соvrщением во время разговора с встревоженным мужем «Анна говорила, что приходило ей на уста, и сама удивлялась, слушая себя, своей способности лжи. Как прости, естественны были ее слова и как

похоже было, что ей просто хочется спать! Она чувствовала себя одетою в непроницаемую броню лжи. Она чувствовала, что какая-то невидимая сила помогала ей и поддерживала ее». Но каков результат сего двоения личности? «Зато во сне, когда она не имела власти над своими мыслями, ее положение представлялось ей во всей безобразной наготе своей. Одно сновидение почти каждую ночь посещало ее. Ей снилось, что оба вместе были ее мужья, что оба расточали ей свои ласки. Алексей Александрович (речь о Каренине. — А. М.) плакал, целуя ее руки, и говорил: как хорошо теперь! И Алексей Вронский был тут же, и он был также ее муж. И она, удивляясь тому, что прежде казалось это невозможным, объясняла им, смеясь, что это гораздо проще и что они оба теперь довольны и счастливы. Но это сновидение, как кошмар, давило ее, и она просыпалась с ужасом». Вот и второе противоречие в образе Анны Карениной. То есть Л. Н. Толстой своею могучею волею вдруг предположил вполне возможным такую натуру своей героини, которую и явили красочно приведенные выше строки из его романа. Иначе говоря, читатель оказался буквально смят тем могучим и разнонаправленным напором смыслов и страстей, с которыми его столкнул великий русский писатель. Такое мощное воздействие вряд ли могло бы оставить кого-либо сколько-нибудь равнодушным, а значит, и не заставить поверить в реальность предлагаемой ему вполне душераздирающей картины. Именно этот прием и породил то огромное читательское сочувствие образу Анны, как раз и *вызванное пересечением не пересекаемых в подлинной жизни смыслов*. Или спросим себя спокойно: могло ли быть нечто подобное в невыдуманной жизни? Могла ли подлинная Анна идти в любовь свою как на смерть? С одной стороны, почему бы и нет, но с другой — она вряд ли казнила бы саму себя нравственно за желание и жажду этой любви. Ведь не

случайно в романе большинство молодых женщин задевало именно то, что Анну называли до ее любовной связи с Вронским *справедливою*, искренне рассчитывая в случае ее падения на возможность предать ее мстительному презрению. Другими словами, Анна либо любила Вронского, и тем была бы вполне даже счастлива, либо она же изначально была все-таки бесноватой, о чем лукаво и умолчал Л. Н. Толстой, понимая, что подобный образ вряд ли вызвал бы серьезные симпатии у широкого читателя. То есть главный замысел писателя, видимо, состоял в том, чтобы на примере Анны *вывести образ падшего, но все равно честного, почти праведного человека, вполне достойного снисхождения или оправдания*, скажем, лицемерными условиями жизни и толкавшими его в погибель. Иначе говоря, героиня романа оказывается в положении падшей женщины не по причине ее внутренних порочных свойств, а по причине губительных для всякого честного человека внешних устоев, которые неотвратимо влияли даже на ее возлюбленного. *В любом случае то, что происходит в романе с Анной Карениной, в целом невозможно как в жизни действительно любящей женщины, так и в жизни психически ненормальной особы*. Или праведность совсем не в том, чтобы получать все желаемое целиком («все или ничего»), она только настойчиво ищет, чем бы Бога радовать! Но об этом Л. Н. Толстой либо и вовсе не ведает, либо подчеркнуто не считает правильным с этим смыслом и вовсе считаться. Другими словами, писатель ищет и настойчиво утверждает *светский вариант праведности*, альтернативный религиозному (церковному) образу праведного человека, в который не верит сам, в который же заставляет не верить и героиню романа. Или, не умея *грамотно критиковать*, а значит, и любить реально существующую православную церковь, он ее лишь отрицает, считая насквозь лживой и порочной. Вот как писатель

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

аттестует отношение Анны к религии: «Она беспрестанно повторяла: “Боже мой! Боже мой!” Но ни “боже”, ни “мой” не имели для нее никакого смысла. Мысль искать своему положению помощи в религии была для нее, несмотря на то, что она никогда не сомневалась в религии, в которой была воспитана, так же чужда, как искать помощи у самого Алексея Александровича (речь о Каренине. — А. М.). Она знала вперед, что помощь религии возможна только под условием отречения от того, что составляло для нее весь смысл жизни». То есть Анна, признавая внешне религию, отрицала ее тотально как нечто мертвое в части ее собственного понимания живого. При этом ее личное представление о смысле жизни порядочного человека ею же фактически обожествлялось, становилось главным и единственно правым.

Впрочем, защитник романа скажет, что зря г-н Миронов затеял весь этот разговор, так как женщина всегда есть загадка, тем более она загадочна в любви, а значит, ее реакции неожиданны для нее самой, что уж там для мужчин. В ответ на это замечание вернемся на страницы романа и прочтем следующее пронзительное признание самой Анны: «Я дурная женщина, я погибшая женщина, — думала она, — но я не люблю лгать, я не переносю лжи, а *его* (мужа) пища — это ложь. Он все знает, все видит; что же он чувствует, если может так спокойно говорить? Убей он меня, убей он Вронского, я бы уважала его. Но нет, ему нужны только ложь и приличие». Каренина удивительно ловко бравит перед собою даже тем, что она падшая, полагая этим самым некое достоинство якобы все еще честной женщины. На самом деле ее вполне мнимая честность лишь в том, что ей угодно демонстративно получать все ею лично желаемое, получать непременно и любой ценой. То есть при внимательном прочтении романа просто диву даешься от того факта, что подобное демон-

стративное глумление над близким человеком мотивируется при этом еще некими высокими порывами. В этой сцене удивляет поразительное умение героини романа переходить в наступление там, где, казалось бы, ей следовало только склонять повинную голову. К Анне совсем не приходит та мысль, что детское ситуативное реагирование на нанесенное оскорбление никак не является вершиной благородного поведения, наоборот, выдержка имеет гораздо более достоинств и подлинная честь всякого зрелого лица не позволяет ему вестись запросто на сделанный вдруг в его адрес выпад. Нет, не Анне судить своего мужа, который, кроме личных забот, имел и другие более важные цели в жизни. Она же, по сути, уподобляется более всего обезумевшей женщине, стремящейся любой ценой к своему собственному удовольствию, понимаемому ею абсолютным благом всего мира. Да, для женщины любовь часто бывает пределом всех ее чаяний, но для умной женщины она никогда не становится всем и вся в ее жизни. По этой причине Анна не может быть умной, а значит, и подлинно честной женщиной, так как невыдуманная честность всегда разумна. Именно поэтому она на самом деле воистину несправедлива, или она лишь глубоко несчастна благодаря своей очень гордой, но неумной натуре. Да, ей не хватало страстных до безумства отношений с мужчиною, и она их получает сполна. В дальнейшем же, как истовый наркоман, она начинает требовать их снова и снова, полагая справедливым удовлетворение все возрастающих мер ласк и непременно трепетного поклонения на свой счет. Кто она фактически? Могла ли она скрываться много лет под образом любящей матери и добродетельной жены? Вряд ли. В подтверждение сформулированной выше мысли читаем следующие строки из романа: «Напоминание о сыне (со стороны прислуги. — А. М.) вдруг вывело Анну из того безвыходного положения

(речь идет о чувствах героини после своего признания мужу в неверности. — А. М.), в котором она находилась. Она вспомнила ту, отчасти искреннюю, хотя и много преувеличенную, роль матери, живущей для сына, которую она взяла на себя в последние годы, и с радостью почувствовала, что в том состоянии, в котором она находилась, у ней есть держава, независимая от положения, в которое она станет к мужу и к Вронскому. Эта держава — был сын. В какое бы положение она ни стала, она не может покинуть сына. Пускай муж опозорит и выгонит ее, пускай Вронский охладет к ней и продолжает вести свою независимую жизнь (она опять с желчью и упреком подумала о нем), она не может оставить сына. У ней есть цель жизни. И ей надо действовать, действовать, чтоб обеспечить это положение с сыном, чтобы его не отняли у ней. Даже скорее, как можно скорее надо действовать, пока его не отняли у ней. Надо взять сына и уехать. Вот одно, что ей надо теперь делать. Ей нужно было успокоиться и выйти из этого мучительного положения. Мысль о прямом деле, связывавшемся с сыном, о том, чтобы сейчас же уехать с ним куда-нибудь, дала ей это успокоение». Как мы вновь видим, героиня романа снова и снова хлопочет о самой себе, и даже сын является для нее всего лишь средством «спасения» себя же. Она, очевидно, никого всерьез не любит, подозревает всех в нападках на себя. Последнее как раз и означает то обстоятельство, что *образ Анны Карениной есть только фантастический вымысел классика русской литературы, которому нигде и никогда не суждено быть реальностью по причине его глубинной ложности*. Другими словами, реальная Каренина никак не могла быть той женщиной, в которую нам предлагается верить. В свою очередь, нам же впредь пристало понимать сие твердо, дабы наперед не оказаться невзначай в силках смысла подобных вполне фальшивых историй.

Но мои оппоненты, вероятно, с новой силой попробуют оспаривать сделанные выше выводы, считая их несправедливыми и даже жестокими. Не скрою, иногда и мне самому становится жаль собственного в прошлом сочувствия Анне, особенно в моменты собственных обид и невзгод. Однако все-таки не следует поддаваться этим минутным слабостям, наоборот, надо видеть и понимать обозреваемое содержание строго соразмерно наличному смыслу. И опять читаем роман: «Прав! прав! — проговорила она (речь о Карениной, прочитавшей письмо мужа. — А. М.). — Разумеется, он всегда прав, он христианин, он великодушен! Да, низкий, гадкий человек! И этого никто, кроме меня, не понимает и не поймет; и я не могу растолковать. Они говорят: религиозный, нравственный, честный, умный человек; но они не видят, что я видела. Они не знают, как он восемь лет душил мою жизнь, душил все, что было во мне живого, что он ни разу и не подумал о том, что я живая женщина, которой нужна любовь. Не знают, как на каждом шагу он оскорблял меня и оставался доволен собой. Я ли не старалась, всеми силами старалась, найти оправдание своей жизни? Я ли не пыталась любить его, любить сына, когда уже нельзя было любить мужа? Но пришло время, я поняла, что я не могу больше себя обманывать, что я живая, что я не виновата, что бог меня сделал такою, что мне нужно любить и жить». Как говорится, красота необыкновенная, с одной стороны, с другой же — спросим самих себя: а что есть «живая» в понятии героини? И ответим вполне: «живая» — это страстно желающая обожествления самой себя и безудержного удовлетворения сопутствующих этому проявлению любовных похотей. Но ведь это только сублимация или лишь подмена подлинного смысла жизни, острый дефицит которого очевиден, и проистекает он как раз из острого же неумения любить. Вот и выходит, что «Анна Каре-

нина» — это рассказ или представление Л. Н. Толстого о всепоглощающей любви, которой, видимо, не знал и сам писатель.

И напоследок еще об Анне: «Она чувствовала, что то положение в свете, которым она пользовалась и которое утром казалось ей столь ничтожным, что это положение дорого ей, что она не будет в силах променять его на позорное положение женщины, бросившей мужа и сына и соединившейся с любовником; что, сколько бы она ни старалась, она не будет сильнее самой себя. Она никогда не испытает свободы любви, а навсегда останется преступною женой, под угрозой ежеминутного обличения, обманывающего мужа для преступной связи с человеком чуждым, независимым, с которым она не может жить одною жизнью. Она знала, что это так и будет, и вместе с тем это было так ужасно, что она не могла представить себе даже, чем это кончится». И еще: «“Ну, пусть я придумаю себе то, чего я хочу, чтобы быть счастливой. Ну? Я получаю развод, Алексей Александрович отдает мне Сережу, и я выхожу замуж за Вронского”. Вспомнив об Алексее Александровиче, она тотчас с необыкновенною живостью представила себе его, как живого, пред собой, с его кроткими, безжизненными, потухшими глазами, синими жилами на белых руках, интонациями и треском пальцев, и, вспомнив то чувство, которое было между ними и которое тоже называлось любовью, вздрогнула от отвращения. “Ну, я получу развод и буду женой Вронского. Что же Кити (речь о молодой княжне, имевшей когда-то виды на Вронского. — А. М.) перестанет так смотреть на меня, как она смотрела нынче? (Речь о тревоге Кити, предполагавшей, что ее новый муж, Константин Левин, мог быть, как и

Вронский, соблазнен Анной. — А. М.) Нет. А Сережа перестанет спрашивать или думать о моих двух мужьях? А между мною и Вронским какое же я придумаю новое чувство? Возможно ли какое-нибудь не счастье уже, а только не мученье? Нет и нет, — ответила она себе теперь без малейшего колебания. — Невозможно! Мы жизнью расходимся, и я делаю его несчастье, он мое, и переделать ни его, ни меня нельзя. Все попытки были сделаны, винт свинтился. Да, нищая с ребенком. Она думает, что жалко ее. Разве все мы не брошены на свет затем только, чтобы ненавидеть друг друга и потому мучить себя и других?”». Вот-вот, и автор, видимо, уже никак не мог ничего предложить своей героине, кроме как жуткого самоубийства. А раз так, то оно и должно было стать могучим и потрясающим аккордом всей истории этой самой необыкновенной литературной женщины. Причем все вышло так, что этот грозный финал выглядит прямо как награда Анне за ее особо честную позицию, тогда как оставшиеся в живых герои романа все скопом и по одиночке оказываются в положении уже страшно наказанных за свое малодушие и за слабость жить во лжи. Таким образом, выходит то, что «правда» Л. Н. Толстого выступает в пределах за самоубийство человека в знак протеста ее непризнания. Но разве умный и совестливый человек когда-либо признает такое воззрение праведным и разумным? Нам же ныне сей удивительный рассказ Л. Н. Толстого никак не должен заслонять подлинное значение человеческой жизни. Только так мы все уберем самих себя от превратных реакций в уже невыдуманной жизни. И тем самым вполне выразим нашему классу свою признательность.

НАТАЛИ РИВАРА

г. Москва

Вы или Ты?

Я обласкана нежностью обволакивающей твоей...
 Ты — без ревности — прибежище души моей...
 Твоим «Орфеевым Голосом» прикована крепче цепей
 к яви плоти твоей.
 Но нельзя целовать видение, являющееся тебе...
 Потому что чудо преображения
 я несущ светом от тебя к себе — от себя к тебе...

Решение?

Что чудится за слов движениями
 означенной картины? Дивный Свет!
 А можно ли за ритмом стих-Творения
 искать и профиль, и портрет?
 Понять условность пережитого,
 но — главное — оно ведь впереди —
 и с целью отыскания всего, столь тесно
 слитого:
 настроения, чувственности, красоты, мечты.
 Мечты о возрождении духовного!
 Своими умными поступками — реши,
 каким необходимым словом
 приблизить можешь жар людской души!

Жду!

Я так много тебе сказала,
 что у меня слова в глазах застряли...
 Хочется в лицо тебе заглянуть,
 кладезь своих мыслей перетряхнуть.
 Выложить — то, что хочется,
 спрятать — то, что кажется,
 прогнать свое одиночество —
 грусть тогда и отвяжется...
 Вон! Это твое пророчество!
 Здравствуй, мыслей сообщество!

Знай!

Знай! Развитие наития —
 страждущих душ удел!
 А вдруг все привиделось, —
 так, как ты хотел:
 призрачно, нехотя...
 Радостно, сгоряча —
 идет к абсолюту
 видимости
 Душа!

Ждем

Любви восход и общность мысли,
 И слов волшебных торжество,
 При постижении вечных истин
 Душа возносится легко?

Тайком — в разлуке — без объятий —
 Привычных ласк и губ, и рук, —
 Не слышно вздохов — расстояние
 перекрывает сердца стук,

А заверения — в смущении,
 Ведь мы не виделись еще!
 Но слов значения — как сближение —
 Как простынь шелковых пятно.

Лежать, молчать, как одиноко...
И подвиг мысли непростой:
За счастьем нам идти далеко;
Так в снах приходи, побудь со мной;

Останься в них, чтоб провидение
Про нас и вспомнить не могло:
На расстоянии — ощущения —
И с ними нам уже тепло —

Совсем немного — единение —
У душ воздушнейших — приют!
Для нас настанет Воскресение:
Там фибры душ давно нас ждут...

Сердце

Как нежно, чудесно, богато
Огромное сердце твое!
Что все появляющееся свято —
Заветом твоим рождено!
И как я внемлю... И лелею:
Мысли, жизнь, слово твое...
Как будто в награду имею
То, что вовек не мое...
Я знаю, на Этом — Том Свете —
Нам встреча предreshена...
Давай же, в единственный вечер —
Не помнить, в чем наша вина...
И ласково, чутко, приветно,
Услышав лишь песен напев,
Чужие насытить души —
Тем выполнить Бога Завет...

Про Книги

Я в задумчивой тишине
размышляю о происходившем...
Как любили людей все те —
былинные песни сложившие...

Лучших слов — увещанье — стихами!
Ритм фраз! И возврат к тем годам,
там сердцами своими писали
строк летучих, зовущих — слова!

И с какой благодарностью слышу
излияния пройденных бед;
сопричастность свою я вижу:
в пережитых ими страданиях — ответ.

И не может пропасть тот ритм,
смысловую загадкой встревожен;
и попавший из дум глубин —
в человеческий разум — разбужен!

Так не будем считать, как потерю,
пыльных томиков скромную суть!
Обратим их труды — как преддверье —
к времени, к миру,
где все всё поймут и прочтут!

Пусть не томит тебя разлука...

Пусть не томит тебя разлука,
Не гонит кровь ни вверх, ни вниз!
Пусть легче мысли память звука,
Мы слышим нежности привет!
Порой и звука нам не надо:
лишь только строчки перечтем —
И вот для Душ уже награда —
Возможность быть вдвоем!

Всем, кто хочет видеть и слышать музыку слов

*Виталию Владимирову — Писателю,
Поэту посвящаю*

Я читаю тебя — перечитываю,
Изучаю часы и дни.
И созвучно им пересчитываю
Месяцы и годы свои...
Близко, мельком, наверное, видели
И наклон головы, и взгляд...
Но в толпе суетливой
не о с т а н о в и л и с ь
Много-много лет назад...
А теперь вот «весело-весело»
Ищем в лабиринтах души
Неотступную связь со временем...
Намерений своих.

След

Маршрут любви?
Неясен след...
И нет путевода...
Пойми одно:
гляжу в окно —

и нет со мною зрителя...
 Где след ноги?
 Или черты
 совсем не явью посланы?
 Мечта одно
 хранит зерно —
 и из него родится все,
 что-мне-не-все-равно-
 хотите-не-хотите-ль-Вы!
 Я в даль гляжу...
 И вижу путь
 немым неясным зрением.
 Тот путь, который Вы,
 наверно, проследите весь,
 коль совладаете со временем.
 И цель ясна,
 но нет следа...
 И только душ
 возвращение...
 А вот сейчас
 кому видна
 неспешность
 стих-Творения?

За... всех?

Бывают сердца,
 как длань Агнца,
 которого на заклятие:
 за чистоту и не смуту
 крови и знания.
 Мудрость — мудрей
 тысячи снов
 нас сопровождающих...
 И если душ
 тянется хоровод,
 то помогают
 возрастающей.
 Искренний свет
 неистребим,
 не подвластен
 грозе колыханию:
 ни суховей,
 ни мокровей
 не одолеют его,
 играючи.
 В Яви — полные слез —
 очистительных —
 Агнеца — понимание!
 Неискушенной душе
 интуиция —
 заклание невероятия?

Кто перевел
 стрелок своих
 путь очертания —
 тот не снесет:
 Агнец — падет...
 За всех — покаяние?

Летом

Ребенок сидит в тазу.
 Вода солнцем нагрета.
 И брызги, что налету
 от солнца радугой воспеты.
 Радугу ловить — их назначение.
 Расплескано впечатление.
 Ручки — в таз — вновь —
 и вот — брызг отрешение —
 в воздух! Что? Вопль
 восторга! — Утишить
 себя не дает струя —
 вдруг кто-то не видел,
 не слышал... Ну же!
 А вода — почти вся
 выпорхнула наружу...
 Веселие! — не счесть —
 наслаждения!
 К солнцу отправить воду
 в самозабвенном
 биенье: сердца, рук, тела.
 Вот впечатление —
 так впечатление!
 Настоящее Воскресение!

Лучше!

Люди подменяют события —
 ожиданием их...
 Часто — всех чувств посыл —
 утоплен временем...
 И остаются люди без сил.
 Надежда тогда покидает...
 и мучаются тела...
 А возродить все может помочь —
 только мечта!
 В стремлении мечту воплотить —
 тело перестает нить...
 Вместе с работой большой —
 в душе наступает покой.
 Свершение и достижение —
 Вот наслаждение!

Мысли

Бремя вечного обмана!
Как людей все тяготит...
Встану поздно или рано
Все равно душа болит!

Мысли ходят, мысли бродят,
Покидают... иль живут,
Но от них ведь нет свободы
Все равно тебя припрут:

К стенке, к выбору решения;
За мгновение — все цени!
А упустишь — не воротишь...
Хоть проси иль не проси...

Цен — бесценье; рой без дома,
Без опоры сил вовне:
Все ты сам решаешь споры
И при солнце, при луне;

Иль в толпе суровой стоя
Или дома — в кресле воя...
Принимать решения надо,
Не копить, не делать склада...

Вот по полочкам разложим...
Славно! В шкафчик все уложим —
Вперемежку иль отдельно —
Не находится решение!

Я себя томить не стану!
Я достану — что достану!
Мысли — Бремя вечного обмана —
Вечно Выбор Тяготит...

Я поддамся той подсказке...
Нет решения... Как в сказке —
Чувств прищучу уплотнение —
Сразу сыщется решение!

Жгу Душу — Было Прежде...

Я сейчас в огонь брошу
я сейчас в огне струшу
не о т ъ е м л е м о с т ь
н е р а з ъ е м н о с т ь
я сейчас сожгу душу
с нею боль я спалю дотла
так чтоб выгорела вся она
не глядеть мне теперь без жалости

на потуги потусторонние
не осталось у души малости
что жила бы неоскверненною
ведь не скорбною не ущербною
ведь доверенной и открытою
я взяла грудь свою
и душу для тебя еще раньше вынула
все сторело от слов окаянных
от твоей стылой нѣмочи
и зачем на любовь глядя
упираться глазами в мелочи
и зола из души бестелесная
невесомая легче-легкого
поднялась из огня и вскинулась
полетела — превратилась в облако
к облачку так и тянутся
дымком — страсти — поднимаются
ее соплеменницы
другие несожженные странницы
а она — душа добрая —
хоть сама зола — облачко
приласкала всех
и приняла их приветливо
«з а о б л а ч н о»
и так много и тяжело
стало бедной и легонькой
что в тучу сошлась
черную — но безмолвную
невесельем — она оттуда —
слезками — чужими
н а с б о р е н н ы м и
отрешенно и возвышенно покапала
Землю Оживила
И Забыла Свое Горе
а теперь ищет меня бездушную
теперь ждет меня безгрешную
Всем В Оправдание
непереносимыми мѹками
страдающим грешницам...

Вместо Меня...

Я не знаю, что так глаголило
И истину в нас вызывало чувств?
Но теперь — без тебя — я обездолена
И в сознание свое никак не вернусь...

Я хотела бы видеть бесчисленно
На твоём лице хмурых дождинок след:
Они так бессовестно, не сочувственно
Вместо меня рожают любви Обет;

А к тебе не тайком прикасаются;
Вот не надо им дозволения;
И они потом не раскаются,
Если так и не родится решение...

Они стекут или вытрешь их
Полотенцем никем не вышитым,
Где инициалы умолчены
И ты хранишь их намеренно;

А потом повесишь его на вешалку
Или на гвоздик — все как придется...
И не вспомнишь о женщине,
Что так вокруг тебя вьется,

Стихом и мыслью направленной
Душу предложив нетленную:
Потому что распознала
Твою одинокую... Суверенную...

ЕВА ТАЛАЯ

Украина, г. Харьков

Наш дом мечты

В стране ветров, что сушу поглощают,
И караванный путь теряется в песках,
Где звездной шалью тихо ночь играет,
И небо с дюнами соединяется в мечтах,

Хочу рукой я к небу дотянуться,
Узнать, где грань мечты небытия,
В твоих глазах навеки раствориться,
И быть мечтой, вселенной, для тебя!

В горах, где сны снегам не сняться,
И солнце не умеет таять снег,
Мы можем в таинстве встречаться,
На всей Земле не ощущая бег!

Наш дом мечты с камином жарким
И свеч восточно-пряный аромат,
Я верю в сказку, поцелую нежным,
Когда мой взгляд тебе и шах и мат!

Таинственно и так непостижимо,
Мираж — рожденный ветром и песком,
Так мы с тобой идем неумолимо,
Как путник к роднику в наш мир идем!

Твои глаза...

Мои глаза...

И жар огня...

И бесконечность...

Наш мир... Века...

Любовь вечна...

Где ты и я...

И скоротечность...

Ангел...

Уверенно лицо подставив ветру,
Иди, не устрашаясь урагана,
Один лишь ураган по белу свету —
Любви не заживающая рана!

И от нее тебя лечить я стану,
Отваром ласки напою тебя я,
И мазью нежности покрою рану,
Повязки беззаветности меняя.

Могу быть доброй без конца я,
Но не могу отдать тебе любовь,
Смертельной станет моя рана,
И не смогу помочь тебе я вновь.

Моя любовь есть сила урагана,
Что твое сердце делает сильнее,
И дает высшего добиться сана,
Твоей душе в мире теней...

Уверенно лицо подставишь ветру,
Ты эликсиром счастья воспоен,
Теперь уверенно иди по белу свету,
Мой дар храня в сердце своем!

Я светлый Ангел...
Что тебя спасает...
Ты вечный странник...
Что любовь не принимает...

15.02.10

Твои слова меня казнили

(«СПАСИБО,
ЧТО МНЕ ВСЕ ЭТО СКАЗАЛ!»)

Я не нашла слов объяснить,
Да ты и слушать не хотел!
Ты так собой любишь гордиться,
Что сердцем просто очерствел.

Твои слова меня казнили.
За каждым словом — звон меча!
Ты прав, не многие простили
Меня за то, что не смогла

Не быть собой, не притворяться,
Что всем найти слов не смогла,
Что позволяла растворяться
В мечтах, а сердце берегла...

Жестоко, хлестко, бессердечно,
Чеканя звук — как приговор,
Ты называл меня нечестной,
В твоих словах такой укор!!!

Да, я обожглась — мне больно,
К свету не стоило лететь!
Я не хочу больше, довольно!
Прощать... надеяться... терпеть...

Зачем мне это — не хочу беречь!
Вяжи мне руки к эшафоту!
Осталось лишь костер зажечь,
И небо не прольет спасительную воду!

Довольно! Я уже почти сгорела,
И мне почти что все равно,
Что я однажды лишь посмела,
Себя казнить, хоть не было за что!

О, сколько мыслей в оправданье,
Ты правоты своей найдешь,
Быть может, вымолишь прощенье,
Ну а меня уже ты не вернешь!

Пожалуйста, прими — так было нужно,
Я рада, что согреть тебя смогла,
И ты сумел совсем не осторожно,
Наградой сделать пламя от костра!!

Мертва...
развеяна по ветру...
Стерта с Земли...

Ушла...
хоть и бессмертна...
О Господи — его лишь сбереги!

17.09.10

Не отвергай меня

Не отвергай меня,
потом любить уже не будет силы,
Прими мой грех,
твои слова и так меня казнили,
Люби меня,
ты прав во всем... и я права,
В какой-то миг,
оставив все на краешке пера.

Не отвергай меня,
и не пытайся оправдать наивно,
Напрасно все,
не нужно врать так примитивно,
Принять меня —
это лишить себя страданий,
Которые тебе,
дороже всех твоих мечтаний.

Мне очень жаль,
но не могу я наказать тебя обидой,
Мне были неизвестны,
правила и принципы игры той,
А я могла ведь,
собой исчерпать твои воспоминанья,
И может быть любить,
в тебе проснулось бы желанье...

Я отвергаю боль,
ты обещал подарки мне иные,
Со мной мои
мгновения остались те хмельные,
В которых мы
с тобою побывали в мире счастья,
В том мире,
где теперь дуют ветра ненастья!

Не отвергай меня,
хотя в душе моей спокойно,
Любила ль я?
Наверно да, коль было больно.
Еще сильнее,
стало в груди моей сердечко,
Оно мудрей!
Кольнуло лишь, услышав то словечко...

ПРОЩАЙ — наверное, прости?
БЫВАЙ — знать, больше и не приходи?
ИДИ — наверное, больше не нужна?
ЛЮБЛЮ ТЕБЯ — да не волнуйся, я ушла!!!

05.09.10

Гунешим беним (Солнышко мое)

Я не печалюсь...
Моя печаль осенними дождями смыта.
Свинцовых туч
мне больше не страшны угрозы,
Моя любовь,
она твоя! Она не может быть забыта!
И не забыть,
как пахли тобой подаренные розы...
Я соберу букет
с твоих и из моих мечтаний,
Ты помнишь,
как в морозы взгляд мой согревал?
Конечно помнишь...
как мы боялись расставаний,
И мне уйти
без поцелуя ты не позволял.
Я знала...
что однажды постучится осень.
И ты забудешь
все, о чем меня ты умолял,
И я ушла...
Но ты совсем не мною брошен.
Просто пора...
пришла пора и чувств окончен бал!
Возьми себе
из этой осени последнее тепло.
Тепло души,
что отдаю тебе, тебя любя.
Мы оба знали...
что насладиться нам не суждено,
Итогами любви,
Вот — мне любить, тебе — забыть
меня!

Милый цветок!
Не сберегла тебя навеки,
Я сорвала
и знала, что не сохраню тебя!
Тебе спасибо
за милые твои упреки...
За правду глаз...
за «солнышко» и «ты моя!»
ГУНЕШИМ БЕНИМ МОЙ!..

18.10.10

Ева Адаму

Спасибо за прекрасные слова,
Что ты меня понять решился!
Что так кружится голова,
От мыслей к тем, что ты стремился!

От них душа моя в полет,
Вслед за тобой ввысь улетает.
Я не брала это в расчет,
Теперь душа назад не прилетает!

Зачем ей нужно вечное ПРОСТИ
И тела плен, что так ею гордится.
Мне очень трудно с ней уйти,
Ведь не могу же с жизнью
я проститься!

И в трудный час, в тяжелую минуту,
К Адаму Ева сделает один лишь шаг,
И буду знать, что я нужна кому-то,
Не с умыслом каким, а просто так!

И ничего вокруг не возмутится,
И совесть с долгом замолчит,
А вот когда это случится —
Добро и зло душа не различит!

И ввысь стремясь, за облака,
Я буду падать ниже Ада!
И буду знать наверняка,
Что между Эдемом и Адом!

А между ними ЖИЗНЬ-РЕКА,
Что не дает нам возвратиться.
И СДЕРЖИВАЮТ душу БЕРЕГА,
И НЕ ДАЮТ ей паводком РАЗЛИТЬСЯ.

26.12.08

Не погуби...

Не погуби меня, решительно любя!
Не дай мне задохнуться в упоенье.
Я знаю, любишь — это сила для тебя,
Но я слаба — томилась в ожиданье!

Ты — ветер жизни, сильный, вольный,
Я — просто кем-то сорванный цветок,
Жива, да только взгляд печальный,
И я смотрю с надеждой на восток...

Не погуби, будь очень осторожным,
Ты можешь жизнь мне подарить,
Где прошлое уже будет не нужным,
И в будущем в мечтах уже не жить.

Прошу не погубить, но разве я живая?
И в этом вовсе не твоя вина...
О люди, думайте, пожалуйста, срывая
Цветы любя... им жизнь одна дана!

А Бог с ним! Люби меня, как можешь!!!
Только люби, а не играй в любовь.
И даже если ты меня погубишь,
Какою сладкою мне будет эта боль!

23.07.10

Не бойся потерять меня...

Не бойся потерять меня случайно,
Пусть в этой жизни шанса не дано,
Не потерять, когда судьба спокойно
Берет свое, что миром суждено!

Пределами не этой жизни рядом,
Душа к душе находит путь всегда,
Я отыщу тебя случайным взглядом,
А ты меня... не потеряешь никогда!

Не торопись, мгновение подарит
вечность,
Где за порогами реальности века,
Где мы храним друг другу верность,
Где наша жизнь — любви река!

То захлебнет волной, стихией, страстью,
То ручейком, как драгоценное колье,
То нас погубит своей мощной властью,
То разольется жизнью по Земле...

Не бойся потерять меня случайно,
У нас с тобою впереди еще века,
О... не смотри же так печально!
Я знаю, что любовь не ведает греха!

Не говори, что ты боишься потерять,
Не потеряешь — это невозможно!
Нельзя любовь годами измерять,
И даже жизнями измерить сложно!

Как Млечный Путь, как звезд река,
Обречены мы друг на друга,
У нас еще есть время — целые века!
Терять и находить...

Терять и находить...

Терять... и обретать...

ДРУГ ДРУГА!

29.07.10

Веря в грезы

Я в мире грез себя вновь обретаю,
И мне не нужно притворяться там.
Там все есть — только пожелаю,
И Ты ко мне приди, если захочешь сам.

Пусть это будет Рай и сад Эдемский,
А может, остров, Пятница и Робинзон,
Адам и Ева, и, конечно, плод запретный,
И Алых Парусов — простор за горизонт!

И Аленький Цветок, любовь хранящий,
Пусть дарит нам свой огонек любви,
И милый Купидон, вверху парящий,
Прицеливайся лучше и момент лови!

И словно Клеопатра и ее Антоний,
Не глядя, как империя уже падет,
Переживали тысячу своих историй,
Существовали Он — Она и где-то там
Народ!

И грезим о любви мы нереальной.
А рядом с нами — только посмотри,
Цветут сады, той красотой банальной,
Что заставляет любовь сердцу обрести.

И все цветочки Аленькими станут,
И алыми твои все станут паруса!
И все тревоги словно в Лету канут,
И испарится боль, как утречком роса!

Любить до смерти, как любил Антоний,
И верить так, как веровал Адам,
И много нам расскажет жизнь историй,
Как нужно верить Алым Парусам!

Ты главное в себя поверь лишь сам!!!
ПУСТЬ ДАЖЕ
ВЕРЯ ГРЕЗАМ И...
СВОИМ МЕЧТАМ !!!

24.04.09

Мечта Востока...

Я приду к тебе в дом,
когда ждать меня ты устанешь,
Ты услышишь шаги,
о которых так долго мечтал,
И, не веря глазам,
навстречу идти ты не станешь,
Не поверив себе,
что заветный день все же настал!

Я войду не спеша
и улыбкой своей расколдую,
Для того чтоб пленить
своим взглядом тебя навсегда,
Удивленный твой взгляд,
сладким медом уста поцелую,
Ты же знаешь зачем —
чтобы ты не забыл никогда!

Я отброшу вуаль,
о как сильно ты это желаешь!
И лица твоего
я ладонью немного коснусь,
Я пришла наяву,
а ты грезить себе запрещаешь,
Не исчезну, как сон,
я пришла, и с тобой остаюсь!

Я награда твоя,
за те долгие дни ожидания,
Когда тело с душой
и для сердца не дали покоя,
Я любовь на века,
что не ведает страх расстоянья,
Я, конечно, Любовь,
и ты знал и узнаешь, кто я!

Пусть играет Думбек и Удда,
и струится дурман благовоний,
Я сегодня пришла,
и напрасны все в мире слова,
Я твой мир и судьба,
наконец-то ты все это понял,
Я сегодня пришла,
и свой мир для тебя отдала!

12.07.10

Как хорошо...

Как хорошо, что где-то далеко,
Куда мечтой могу лишь дотянуться,
Есть ты, и мысль твоя легко,
Сердечко заставляет восторгнуться.

Ты где-то там подумал обо мне,
Я здесь вдруг просто улыбнулась,
Закрыв глаза уже лечу к тебе,
Почувствуй, я ветерком тебя
коснулась.

Так много нежности, любви с тобой,
Я словно бы ворую чье-то счастье,
И жить потом мне со своей виной,
Расплачиваясь за нее отчасти...

Не знаем, почему любовь бывает,
И как ее нам в жизни избежать,
И как она из всех нас выбирает,
Кому любить, ну а кому страдать!

Кого-то любим мы, а кто-то нас,
Бывает, чувствуем, что нет ответа,
Бывает, любим в жизни только раз,
И ищем все ответы... до рассвета.

Какой ответ, коль нет вопроса!
Любовь ведь это чувства и душа,
У разума за чувства нет и спроса,
Любовь дана совсем не для ума!

И хорошо, что мы любить умеем,
Да только не умеем в любви жить,
Лишать себя любви не смеем,
А нам она и не принадлежит!

13.08.10

Жизнь и Время

Легко, до бесконечности красиво,
Уходит Время, неизменно торопясь,
Иллюзию миров так неучтиво,
Стирая грани, превращает в грязь!

Где кончен бал, на пепелище славы
Оно возводит храм надежды и тепла,
Время листает жизнью наших главы,
Закладкой наша память в них легла!

Всего абзац, может, всего страница,
Как же нам суть и смысл в ней передать?
Мы в повести лишь основные лица,
Позволено ли нам сюжет ее менять?

Нам Время отмеряет расстоянье,
Мы ж Временем живем короткий миг!
К Жизни приходим на свиданье,
А Время с Жизнью есть в нас самих!

Красивой повестью, не ведая конца,
Записаны во временном пространстве!
Уходим мы по вожделению Творца,
Чтоб возвратиться в жизни-танце!

15.01.11

Мое виденье...

Я вспомнила лишь только взгляд,
А образ твой забрало время,
Мне нет к тебе пути назад,
Ждать... Такое выпало мне бремя...

Я не приду — ты же в другом пространстве,
Ты для меня подарок временной петли,
Ошибка измерений в подпространстве,
Объект моей недосыгаемой любви!

Каких миров, каких небес благословенье,
Какой молитвой вымолить тебя смогла,
Каких желаний тайных ты мое виденье,
Каких светил, какою верой обрела?

Я не приду — ты мой мираж в пустыне,
Ты для моей души живительный родник,
Что помогал мне жить тогда, и ныне,
Души моей и памяти веков тайник!

Ведь я уже ушла, а ты только родился,
Ты уже путь прошел — в начало
я пришла.
Ты просто есть — с своей
судьбой смирился,
А я в борьбе к другим мирам ушла...

Я не приду — нас кружит время
в танце,
Когда-нибудь по взгляду я тебя найду.
Тогда мы встретимся в одном
пространстве,
И наконец тогда я рядышком пойду,
И БОЛЬШЕ НИКОГДА
ТЕБЯ НЕ ОТПУЩУ!!!

09.01.11

Посвящая тебе...

О, не зови меня, не надо...
Из плена вырваться уже никак,
Передо мной одна преграда,
Всего один-единственный пустяк.

Решить, уйти или остаться,
В плену иллюзий и страстей,
И дальше мило притворяться,
Что важно все в жизни моей!

Говорят, в руке синица,
А мне б журавкой полетать,
Сама себе любви темница,
Стараюсь воли ей не дать!

К твоим объятьям не стремиться,
Только б мечтать, желать и ждать.
Самообманом защититься...
И век свободу б не видать.

Я не вольна распорядиться,
Своим полетом в небеса,
Любовь моя в стихах родится,
Все эти строки, рифмы — для тебя!

Я напишу о нас с тобой стихи,
О яркой вспышке мироздания,
Со временем утихнут пусть шаги,
Пусть все утихнет в ожиданье...

Любовь не ведает темниц,
О, не зови меня, не надо,
Лишь легкий взмах моих ресниц,
Любви полет... и нет преграды!

07.01.11

Пустыня...

Пустыня есть пристанище надежды,
Там нет законов повседневной суеты,
И мысли там — нагие без одежды,
Ежеминутно вопрошают: кто есть ты?

Пустыни дух — Верховный Жрец познания,
Тебя вмещает — ты его в себе вмести.
Там жизнь и смерть, идея созерцания,
Позволь тебя сквозь дюны провести!

Спроси себя, песчинку мироздания,
О чем тебе расскажет ветер среди дюн?
Тот ветер, что приносит созидание,
Стирая след миров под сенью вечных лун...

Все ведомо песчинке о пустыне,
Приносит ветер жизни мысль во все края,
Ты — человек ведомый Богом ныне,
И есть весь Мир! Его в душе своей храня!

Пройдут года... Пройдут века...
Вернусь к пустыне снова я...

17.12.10

МАЙЯ ШЕРЕМЕТ

Баллада

Последний глоток золотого вина
Царица, бледнея, допила до дна.
Святые с укором глядели с икон,
А в чаще раздался болезненный стон.
Святые сказали: «Недолог твой путь
В миру остается, смотри не забудь!
За миг вдохновенья заплатишь сполна,
Не пить бы тебе золотого вина».
Смертельного пота прозрачна капель,
Звенела пичуги весенняя трель,
Молчали деревья, притихла река,
Царица о камень разбила бокал.
«Никто, — прошептала, — не смеет
отнять,
Последней любви у меня благодать.
Я счастлива, люди, и ты, Боже, знай.
В последнем глотке я познала свой рай».

Замолкли все птицы, поникли цветы,
И горестно ветер вздохнул с высоты.

2008 г.

* * *

Болью сердце ранят
Слов холодных тени.
Не спешите ими
Зародить сомненья.

Жизнь проста и сложна.
Каждое мгновенье
Наделить печалью
Очень просто можно.

И остынет сердце,
Может, ВЫ и правы,
Я согласна тоже
Все играть по правилам.

Не осудят люди,
Не продует ветер.
Все пристойным станет
В поднебесном свете.

Радуйтесь и смейтесь
Не снимая шляпы,
Даже если дети
Вам лепечут: папа!

Детские игрушки —
Ослики и мячики —
Если ты под шляпой,
Ничего не значат.

* * *

В трудных дорогах судьбы
Собираем мы мудрости крохи,
Каждую кроху потом,
Провожаем мы горестным вздохом.

Нам бы ее подарить
Детям и внукам на счастье.
Только той мудрости нить
Рвется в клубке разногласья.

Дети в дорогах своих
Ищут другие крупички.
Кажется им, что их мир
С нашим не может родниться.

* * *

Все о войне, да о войне,
Войне с маньяком и бандитом,
Войне с войной в своей стране
Средь горы тел войной убитых.

ВОЙНА! За что? И почему?
Зачем нет отдыха от бойни?
И корчит рожи нам покойник.
За что убитый, не пойму.

Война везде — в тебе и в доме,
Война в красивых переплетках,
Война с девчонками, чьи дети,
С рождения лишены заботы.

И никнет материнства сила
Пред вседозволенностью быта,
О гордости в любви забыто,
Все то, к чему нас жизнь манила,
Теперь изжито.

Так где ж найти тот стяг, что нами
Был поднят над волною мрака,
Когда ВОЙНА была войною,
А не разборкой в грязной драке?

Что есть то есть, кто дом оставил,
В надежде с счастьем обручиться,
Обратно вряд ли возвратится,
Чтоб бой начать, пусть и без правил.

Но Русь восстанет, как и прежде,
Ей равных нет и быть не может.
Она за преданность НАДЕЖДЕ
ПОБЕДЕ вновь венок возложит.

* * *

Горе — это всего лишь беда.
Когда
Негде от боли во тьме раствориться
И затаиться.
Может, пройдет, может, покинет.
Сгинет.
Нет! и снова криком безмолвья
Ляжет безволие.
Задушит, сожжет, искромсает сердце —
Не отвертеться.
Жить иль не жить — решают мгновенья.
А после — забвенья.

Страна, что для всех далека.
Пока.

* * *

Десять стройных девиц,
Десять стройных девиц
Обучались в невестинной школе.
Десять стройных девиц
Никогда, никогда
Без мадам
Не гуляли на воле.

Тихий сад за окном,
Да высокий забор
Ограждали их жизни от мира,
Десять стройных девиц,
Десять стройных девиц
Никогда, никогда,
Никогда не едали пломбира.

Но однажды забор
Обветшал и упал.
Стая девиц в испуге застыла,
За забором стоял,
За забором стоял
Продавец неземного пломбира.

Десять стройных девиц,
Десять вспыхнули враз,
И пломбир был растоплен их страстью.
Вот какие бывают порой чудеса,
Если строг так запрет на все сласти.

2008 г.

* * *

Есть на свете город на Земле,
Юности моей извечная отрада,
В стреле его царственной реки
Смотрится коронная ограда.
Высока, божественна стройна,
И легка, как ветра дуновенье,
Гордость убежавшего в века
Символа к высокому стремленью.
Есть на свете город на земле,
Детства моего святая слава,
Стойкости и верности судьбе
В битве небывалой и кровавой.
Мы же с этих самых страшных дат
В сердце сберегаем те знамена
Потому что наше поколение
Выросло под грохот канонад.
И теперь нельзя нам отступать,
Хоть и велика Россия наша,
Снова Родина зовет нас — Мать,
Мы должны из рук ее убрать
Горечью наполненную чашу

Женщины России

Нам ничего не занимать —
Мы все умеем — жить и ждать,
Без слез в дорогу провожать,
И, со слезами вновь встречая,
Улыбкой счастья награждать.
Мы все умеем, все — пахать,
И если надо — воевать,
И если надо — долг свой помня,
В суровый час не отступать —
Мы — женщины страны Россия.
Не нам ли женщинам Руси
Впервой рожать на поле брани,
На хлебной колющей стерне.
Не нам ли знать свой путь заранее,
Победный путь в своей стране.
Но мы должны детей беречь
От злой растленности сегодня,
Чтоб остеречь заморских сводней,
Зовущих скинуть совесть с плеч,
Забыть достоинство и гордость,
Забыть Любви знаменный след,
Которая нам помогала
Дожить до звездных наших лет.
Мы сможем все — своею верой
Мы защитим страну от бед
И Русь вернем на путь побед,
Разрушив запада химеры.

* * *

Как трудно в этом мире быть бесстрастной,
Страдая, сознавать бессилie перед злом,
И, руку протянув, узнать, что все напрасно,
Что зов твоей души не станет вдруг плечом.

Не грусть и не тоска тогда защемят
сердце,
Всесилie зла и боль поселятся навек.
Исчезнет звездный свет, хранивший
путь твой с детства,
А в том пути нет звезд и солнца тоже нет.

Но я прошу, не торопись замкнуться
В пустыне дум и глубости обид,
Все, как всегда пройдет, покой
и мир вернуться,
И сердце, как всегда, все прошлое простит.

22.10.2010

* * *

Как можно променять свою страну,
На жалкие имперские остатки,
И говорить: «У нас в Британии
Мы живем в достатке»,
Не поминая взрывы и войну.
Согласна, где же взрываю петъ,
Когда Британия извеку
Служила террористам Меккой.
Великороссы же за веком век
Их били на морских границах,
Достоинo защищая отчий брег,
Чем продолжают до сих пор гордиться!

Мы — русские, нам зависть ни к лицу,
Широкий жест нам более понятен,
А добродушный юмор также внятен,
Как жалкие ухватки подлецу.
Гордимся мы бескрайностью страны,
Соборностью народной без пристрастия.
И, оступаясь, вновь встаем для счастья,
Снимая тягость выпавшей вины.
Кто не видал березок белых ливни,
Кто вешней степью к солнцу не скакал,
Кто не стоял в раздумье над кумирней,
Тот никогда страны моей не знал.
Нет разуму российскому предела,
Нет грани, где отчаянье, как смерть,
Нет силы, чтоб Россию одолела —
Она сама всех может одолеть.

ИЛЬЯ КРЮЧКОВ

Костромская обл., г. Кинешма

* * *

В черной клетке холод и грезы,
На теплом асфальте холодные слезы,
Та, что верила сильно в любовь,
Уже никогда не сделает вдох.
Она тихо спит уже вечным сном,
И только она знала всю эту боль.
Эта тайна с ней ушла на века,
А тот, что с другой, не узнал никогда...

* * *

Почитай друзей
Да святых вождей.
Вспоминай царей,
Да в душе робей.
Если ты с мечом,
То умрешь скотом.
Если с мыслью ты —
То они святы...
За окошком свет,
Да придет рассвет.
А в прохладной тиши
Да лесной глуши,
Течет ручей
Из всех ключей,
Вода чиста,
Словно... запоздалый жизненный
опыт...

* * *

Ты стояла гордо у окна,
А я сидел, лишь тяжело вздыхая.
Строгим взглядом смотрели мы в глаза,
Друг другу жажду причиняя!
Смотрел, как лопалось стекло
В душе твоей, любовью полной.

Смотрел лишь на тебя во мгле,
Дивясь на твой характер твердый.
Но это были лишь мгновенья,
Которые ушли,
И за окном июнь,
И улица в пыли...

* * *

Мы рисовали портреты
С тобой, на замерзшем окне...

Гордость и память...

На гранитном обелиске —
красная звезда,
Обелиск погибшим воинам —
а над ним сосна,
На земле на этой бой когда-то шел,
И погиб герой здесь —
солдат погиб простой.
Его имя неизвестно, много их легло,
Молодых, красивых —
погибли все до одного...
Сражались они храбро за родную Русь,
За свою отчизну, за Родину свою.
У берега реки обелиск стоит,
А у обелиска — седой старик сидит,
Положил цветы он, посмотрев, сказал:
«Спасибо вам, ребята, что Русь
не потерял!!!»
Заплакал ветеран, вдруг вспомнив
битвы те,
Захват рейхстага вспомнил, и город
в нищете,
Стоял и плакал долго под майским
солнцем тем,
Помните вы, люди, гордиться надо кем.

ТАТЬЯНА БОГАТЫРЕВА

коли хотяще

и не отдать, не взять,
не сказать словами,
мне тебя не обнять,
не унять руками
это не свет, не нимбы
над головами
просто в кафе фонарь
над столом за нами.

это не спорь, не ной,
это нет, не дружба,
мне не герой,
мне бог для беседы нужен
я у него спросила бы —
как же дальше?

коли хотяще —
песни творите еще.

еще хочешь, княже,
то ты поеди,
мы тебе ради, как там,
азь, буки, веди?
нам не сказать, не высказать,
нам бы голос
и не уехать, нет,
не уехать в область.

я сорвалась, прости,
я начну сначала
тысячи верст пути
приведут к причалу
там и девятый вал,
и дрянная лодка,
не говори: я знал,
девка-идiotка.

ты не учи, молчи,
я сама все знаю,
видишь, вяжу, живу,
даром не святая.
это тебе, и мне,
это всем не спящим:

коли хотяще —
песни творите еще.

эти стихи лихи,
ничего не стоят
дамки и поддавки,
но сгорела троя,
ветер подует с моря,
погасит свечи.
ну же скажи мне, дуре,
что время лечит

что по весне пройдет,
или легче станет,
что не утонет мяч,
не заплачет тая,
что не беда, вода —
она точит камень
только всегда — ах да —
будет между нами

или же в нас самих,
с нами будет горе
и не поможет стих,
и не выйти к морю
в поле не убежать,
а хотящи коле —
песни творите, пойте,
чего же боле.

учись вызывать дождь

I
он очень похож
на
дождь
приходит когда
не
ждешь.
прогноз ерунда
да
ложь
не знаешь когда
здесь
дождь.

II
он сильный такой
вот
лавиной живой
льет
растопит любой
лед
и камень сотрет,
черт.

III
так странно с дождем:
под ним

недавно был дом
стал — дым.

IV
не сможешь? да ты
врешь.

учись вызывать
дождь.

горе луково

горе луково, горец перечный
ну и толк, что оно перечнем —
ой беда, что вода — незачем

разбирать да сосать косточки
не глотая, плевать в форточку
да мотать, распускать кофточку.

говору: ты не спи, солнышко
вон у кружки видать донышко,
потемнело, темно полюшко

у соседей слышны возгласы
на стене от окна полосы
у меня отрасли волосы

у подруженьки — детенышки,
прорастут что твои зернышки
а весною пойдет корюшка.

а весною пойдет корюшка
а весною взойдет солнышко
посветлеет весной полюшко

а весной все вокруг зелено
горцев перечных — немерено

а пока нам терпеть велено

а они говорят

а они говорят: подумаешь, эка невидаль
перепутали все отличия: зада с передом
и того, что нельзя да с тем

что напротив — велено,
да в итоге срастется все,
что курчаво-зелено.

да в итоге споятся те,
что немые от роду,
и пацан во дворе отпустит
до полу бороду,
поедатель грехов уйдет —
да, сегодня ела я,
и над рыбой трясется лед,
абсолютно белая

я пойду по кустам, по травушке да
с крапивою,
это лошадь фырчит,
и муху гоняет гривой,
поедатель грехов уйдет,
мы умрем прощенными
нас положат на стол, омоют,
оденут в черное.

а они говорят. и что,
что молчать им велено.
бог несет в решете дожди,
за крылечком зелено.
что ты муха, гуди, гуди,
нам что задом-передом
далеко-далеко идти, тоже, эка невидаль.

ойкумена

Вода мягче рук и все-таки шлифует камни, но она не ощущает боли, которую будут ощущать твои пальцы; у воды нет сердца, которое бы стало изнывать от страха и муки, как твое. Видишь, у меня в руках крапива? Такая крапива растет здесь возле пещеры, и только она, да еще та крапива, что растет на кладбищах, может тебе пригодиться; заметь же ее! Ты нарвешь этой крапивы, хотя твои руки покроются волдырями от ожогов; потом разомнешь ее ногами, ссучишь из полученного волокна длинные нити, затем сплетишь из них одиннадцать рубашек-панцирей с длинными рукавами и набросишь их на лебедей; тогда колдовство исчезнет.

Г. Х. Андерсон. *Дикie лебеди*

ойкумена
 ой
ойкуменочка
тленом к тлену,
 но вот семечко
прахом к праху
 да все ж теплится
и рубаху
 плетет крестница
собрала она
 крапивушку
сорвала себе
 ой спинушку
волдыри
 по рукам слетятся
посмотри
 вон стоит мельница
жернова
 в голове катятся
да скрипят
 даром что с маслицем
и опять
 по углам заросли
братик брат
 я тону в жалости

стану сильною
 я милою
диво дивное
 крапивою
исколю себе все
 рученьки
да не мука то, так,
 мученька.

я рубаху
 сплету сделаю
да на плаху
 пойду смелою

он оденет, хребет
 сломится
и сто лет да без бед
 в горнице.
у него отпадут
 перышки
прорастут что твои
 зернышки
у него отрастут
 рученьки
он страдалец он да,
 мученик
у подсолнуха соль в
 семечке

ойкумена
 ой
ойкуменочка.

Ойкумена (*греч.*) — обитаемая вселенная, освоенная часть мира.

бабай

ой румян каравай
едет старый трамвай
а в трамвае бабай
и закончился май

ой закончился сон
он на вкус как картон
слышен звон в унисон
запил старый гарсон,

от винца на бровях.
лезет бешеный страх
он на наших костях
спляшет польку в сенах.

остановка. трамвай
выйдет дикий бабай
не спасет каравай
он подходит, он
ай.

чмошка из лукошка

выйдет чмошка из лукошка
понадкусит людям бошки
в ее вкусе коли люди
так и сварит в миске, в блюде.
горький пишет: ой беда,
да не деться никуда.

выйдет душенька из тела
вон высоко полетела
и теперь без душки тушка
чмошка воет на опушке.
вот напасти ой беда
да не деться никуда.

что пройти по полю

и ничем уже не испугаешь.
вон пятак в кулак, туда же — волю
сколько тонких струн да толстых клавиш
все и горе — что пройти по полю

и никто уже не удивится.
машем, милый, вон фотограф-боров.
дом как дом не спится как в больнице
слушай — суша это просто остров.

никуда и некуда и нечем.
в полдень в поле ходит летний морок
а зимой — фейерверки, свечи, печи
книги тени времени вдоль полог.

ничего, не страшно, просто поле
напрямик короче до усадьбы
не видать во веку больше боли
по полю пройти да не упасть бы.

купала

я до осени замолчала
скоро будет иван купала
гибнут люди купале мало
он уводит на дно канала
девка плавала да пропала
потонула у йола, яла.
замолчу но хочу сначала
попросить: не ходи к причалу.

лотта

лотта, лотта,
уйди с болота.
ровен час,
да пребудет Кто-то
не из нас,
мы же люди, лотта
не из наших,
там страшно, лотта
лотта, лотта,
уйди из леса
рядом Кто-то.
ты под навесом
в доме спрячься,
пойдут дожди
в хлеве с клячей
запрись и жди.
пережди эту осень,
лотта
он же спросит,
ну тот, с болота
спросит кто ты,
не отвечай
вряд ли, лотта,
иван-да-чай
остановит Того,
из леса
не прогонишь Его,
как беса
не заставишь, увы,
исчезнуть
оберег из травы —
полезно
от кошмаров
под блузку прятать,
а для Этого мало,
слякоть
слышишь,
чавкает
под ногами?
тише.
гавкает пес.
цветами
пахнет дикими.
Это Кто-то
Многоликий
идет к воротам.
прячься, лотта,
не открывай
этот Кто-то подходит.
ай.

поздно, в спальню
ведут следы.
каже: «пани.
был Я — стал ТЫ.
добре, пани,
твоя семья
не узнает.
был ТЫ — стал Я».

кровник

лютый холод, стынет полдник,
чай покрылся коркой льда.
и не то, чтобы беда
просто ходит-бродит кровник
бес, сердечный бес. вреда
от него большого нету
я обута и одета
и как будто бы согрета
так по нормам этикета
если нет для слез жилета
отвечает вся планета
все другое под запретом,
я не ною, это вето.
я же помню, будет лето
будет где-то, правда,
да?

* * *

замарала руки лихо
не поможет обдериха —
жинка банника-шишига,
даже вся бесовья лига
оттереть меня не сможет
въелось — боже — прямо в кожу.
полем, лесом беса пособь
мне нырнуть бы прямо в прорубь
пропадает в темнотище
тело.
сделай меня
чище.

* * *

ты не тронь меня, не тронь
видишь вонь стоит и вой
слышишь? это глотки рвут
и ползут как каракурт
куча глаз и много ног
не пускай их на порог
если в дом войдут они

будет ночь полярной дни
нынче длятся меньше часа
эти смотрят, скалят ласы
с ними я. со мной — беда.
помо...
не ходи сюда.

горемычка

як же жінка я тебе не бачу —
болька, спинка, рана, ан не зрячий.
горемычка, это поздней ночью
птички пану выели зрачочки.

кроты

я иду в ряду в бреду
на носу несу беду
я несу белиберду
чехарду и ерунду.

чтобы не было вражды
чтобы не было нужды
ходим бродим как кроты
в темноте. ни не, ни ты

эту тень небытия
не стерпеть вам, там трупья
да тревоги и гнилья
много. с этим справлюсь я

да такие же кроты
ходим в царстве бледноты
здравствуй миля маеты
черноты и темноты.

чтобы хорошо жилось
чтоб вращалась эта ось
чтоб юнона и авось
были вместе а не врозь

надо постараться нам
мне и прочим, всем кротам
каждой ночью по углам
мы идем. нам страшно там.

если днем немогоготу
то давай начистоту
вспомни я бреду в бреду
отвожу твою беду.

Андрей Каратыгин

ИНДУЛЬГЕНЦИЯ ЦЕЛЮ

В задачу историка не входит почтительное отношение к недоразумениям и ошибкам прошлого; их надо беспощадно исследовать.

В. Гец

I

Прежде чем начать собственно тему моего обращения, хочу оговорить некие начальные принципы. «Победа силою никогда не бывает прочна, и по роду своему является не столько славою, сколько позором человечества» — это сказал один Божий человек. То есть применение силы — это всегда заикливание ситуации, это гарантированный «день сурка», причем в ветхозаветной редакции. Поэтому то, что я собираюсь обсуждать, — это проявление несовершенства человека в его крайнем выражении. Актуальность темы в том, что лицемерие и цинизм современного мира уже не вызывают сомнений — расправа над Сербией и Ираком, существование «национальных интересов» в мире «Объединенных наций» нелепы, и утки, представленные Дж. Ассанжем, являются лишь документальным подтверждением того, что «элита» человечества в нравственном смысле находится в лучшем случае в стагнации (кстати, нашим правительством утверждена программа подготовки водителей для спецтранспорта — читай «мигалок». Один из пунктов программы предлагает преподавание элементов морали и нравственности! То есть либо 1-й и 17-й элементы уже есть, а остальные надо «загрузить», либо никаких «элементов морали» у соискателя на должность нет, а 4-й и 7-й будут ему в самый раз!). Итак, мы будем говорить о прискорбных вещах — а именно о войне или, говоря

словами Томаса Мора, об «обычном зверстве».

В восьмом номере нашего журнала опубликована крайне интересная и злободневная статья Е. Кузнецова «И один в поле воин!.. Размышления о Сталине». По ее прочтении у меня возникли небольшие вопросы, или комментарии. В статье Кузнецова говорится: «...думая о победе он (Сталин) пожертвовал малым, чтобы получить стратегическую инициативу. Он совершил жертвоприношение части своего народа, чтобы выиграть войну на условиях СССР». Если наши жертвы в минувшей войне — это мало, то что тогда много, хотелось бы понять? И входит ли в обязанности лидера государства «жертвоприношение» своих сограждан или все-таки надо дать каждому из них решение этого вопроса, если государство не в состоянии выполнять свои функции по защите суверенитета страны? Логика автора отчасти обоснована, и его догадка на самом деле ценна и отчасти объясняет поведение нашего лидера в первые дни войны. Хотя риторика до боли знакома: «...и даже спустя тысячелетия каждый немец будет произносить слово “Сталинград” со священным трепетом, ибо приобретение, которое сделал наш народ, останется в распоряжении следующих поколений» (из выступления по радио Г. Геринга 30 января 1943 г.).

Реализация же замысла «жертвоприношения» катастрофична. Я думаю, что даже первобытный человек,

охотясь на мамонта и откопав ловушку для него, не стал бы оставаться внутри нее, а тем более приглашать туда все войско точить топоры в ожидании, когда добыча «свалится с неба» и переломает охотникам хребты. Неужели у Сталина был замысел оставить профессиональную армию на дне той самой ловушки и обрекать страну на Отечественную войну? Но это значит, что война будет вестись всем народом — профессионалам ведь не хватило сил, поэтому в бой «пошли не только старики», но и женщины и дети. Безусловно, наш народ в этом испытании показал себя с такой стороны, нужное слово для определения которой трудно найти! Величие подвига нашего народа не померкнет никогда! Говоря про народ, я не разделяю его ни с партией, ни с правительством — это было то великое время, когда всех, за редким исключением, объединяла большая идея и общая осмысленная жизнь. Возвращаясь к предложенному Кузнецовым подходу, скажу следующее. Не стоит нам списывать все жертвы первого периода войны на этот подход, иначе этим можно объяснить и феномен массового дезертирства и саботажа старших офицеров и генералов на этом этапе войны. То есть и они косвенно создавали условия для безоговорочного формирования из СССР жертвы агрессии, а это в результате и совпадало с планом Сталина, изложенным Кузнецовым. То есть вышло то, что и генерал Власов решал эту же задачу, так что ли? Приведу цитату из статьи С. Покровского «Измена 1941 года»: «А Львов, который в результате оказался оставлен, — это место сосредоточения гигантских складов всевозможного военного имущества, тех же самых запчастей. Их на территории Львовской области было два базовых складских пункта — Львов и Стрый. Причем в самом Львове, который является старым городом, размещать склады неудобно. В Львове 1970–80-х главным складским центром города была станция Сквилов, которую я уже упомянул. Именно сюда прорвались немцы 26 июня. Не Львов им был ну-

жен, а Сквилов с гигантскими запасами всего и вся для целой 6-й армии и для двух ее танковых корпусов: 4-го и 15-го.

А где у нас 4-й мехкорпус будущего героя обороны Киева, будущего создателя РОА Власова?

Вы не поверите. На направлении удара немцев из района севернее Перемышля на Сквилов. В лесах юго-западнее Львова. Немцы проходят мимо корпуса Власова так, как будто его не существует. А сам Власов вечером 26 июня получает от штаба фронта приказ на отступление в сторону Тернопольской области. Один из двух мощнейших в Красной армии корпусов с тысячей танков, с лучшей в Красной армии обеспеченностью корпуса автотранспортной техникой никак не реагирует на прорыв немцев к Сквилову.

Но не только сам не реагирует! О том, что ему сам Бог велел разгромить наступающие немецкие механизированные части не вспоминает и штаб Юго-Западного фронта, который, собственно, и назначил Власову место сосредоточения в лесах юго-западнее Львова. Это по собственным документам штаба фронта! Вместо боевого приказа разгромить противника корпусу, который в первые дни войны уже бесполезно намотал на гусеницы танков более 300 км (расходуя при этом моторесурс техники), отдается приказ на новый дальний марш в отрыве от базы запчастей в том самом Львове, который он должен был бы защитить. Ни у штаба фронта, ни у самого Власова не возникает мыслей, что это неправильно».

Подобных примеров немало, и они представлены в литературе, посвященной этому периоду, поэтому я не буду задерживаться на изложении фактов, а попытаюсь обобщить их.

На мой взгляд, доводы Кузнецова отчасти логичны и, возможно, ограниченность журнальной статьи не дала ему шанса завершить мысль в полном объеме. Мне же кажется, что если принять версию Кузнецова как реально объясняющую ход событий начального периода войны, то это должно было

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

бы выглядеть по-другому. Наши приграничные части, «пропустив» первый удар противника, отходят на заранее подготовленные рубежи, или просто переходят на позиции второго эшелона, повышая тем самым плотность войск второго эшелона (не об этом ли известное высказывание Черчилля, оправдывающее заключение СССР Пакта о ненападении с Германией в смысле удаления границ от центра страны?). Понятно, что при нашей протяженности фронтов не надо было далеко отступать, чтобы вместить всю фашистскую армию со всем скарбом и тут же ее и «порешить». И такие возможности были — боевые действия на Северо-Западе, на Одесском направлении, да и в других местах показывали, что при грамотном управлении войсками фашисты были бы обречены найти зимние квартиры в земле погранзоны и им действительно не надо было запасаться зимней экипировкой — «*regrinus expectavi*» воистину! Кстати, по поводу перевода текста этого шедевра С. С. Прокофьева ведутся дебаты и в русскоязычном и англоязычном Интернете — осмысленного перевода пока нет. На мой взгляд, смысл этого латинского канта переводится простой русской фразой — «загремим мы под фанфары!», что и произошло со псами-рыцарями времен Александра Невского и с их последователями. Тот вариант перевода, что я предлагаю, ложится и на оригинальную музыку Прокофьева:

Как бродяги,

Как бродяги,

Загремим мы под фанфары!

(Тема тевтонских рыцарей из оратории «Александр Невский» С. С. Прокофьева.)

Вернемся же к собственно предмету обсуждения.

Миллионных потерь и такой продолжительности войны вовсе не требуется для того, чтобы убедить мировое сообщество в том, что Гитлер — агрессор, а СССР — жертва! Остановка фашистов в нашей погранзоне и даль-

нейшее уничтожение их на их же территории явилось бы, на мой взгляд, вполне убедительным ходом войны, и вряд ли у кого-то из мирового сообщества возникли бы какие-то вопросы о справедливости или, как сейчас модно говорить, адекватности нашего ответа. Кстати, именно этого и опасался Гитлер. В плане «Барбаросса» читаем: «Основные силы русских сухопутных войск, находящихся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. *Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено*» (выделено мною. — А. К.). Как это ни прискорбно, все это было выполнено, а промокали-то гитлеровскую подпись на этом плане на Лубянке, и значит, предпринять соответствующие контрмеры было вполне возможно, тем более, когда задачник с ответами уже был под рукой. Приведу еще одну цитату из статьи Е. Кузнецова: «Думая о ситуации в мире после завершения войны, он (Сталин. — А. К.) делал все, чтобы ни один коварный западный политик не мог предъявить ни одного факта в том, что СССР хоть как-то спровоцировал войну». Оставляю на совести автора информацию о «коварстве» западных политиков — сейчас не об этом. То, что ни у кого не вызвало сомнений, что фашистская Германия агрессор, а СССР — жертва, свидетельствует достаточно быстрое начало военно-технической и политической помощи со стороны сначала Великобритании, а затем и США, пускай вначале и за наличный расчет, но ведь не Гитлеру, а нам же помогали. Им не требовалось сдачи европейской территории СССР гитлеровцам, чтобы поверить в то, что Германия является агрессором, более того, эффективный и скорый военный ответ СССР на агрессию лишь повысил бы наш авторитет, и вот тогда война бы и закончилась на наших условиях. На мой взгляд, нет устойчивых доказательств версии Кузнецова, за исключением ее логичности, что,

конечно, уже само по себе весомо. Да, Сталин был выдающимся руководителем, тружеником каких поискать, в интеллекте которого мало кто усомнится. Великие созидания советского времени связаны с его именем неразрывно, а их настолько много, что либералам проще свести все к кровавому террору, атмосфере страха и доносительства (что тоже правда) и под этим предлогом забыть, дистанцироваться от тех великих завоеваний, за которые ежедневно голосовали телезрители 5 канала в передаче «Суд времени». Фигура Сталина имеет некие черты мессианства — такие люди мемуаров не оставляют! И тем важнее для нас в ней основательно разобраться. Да, у него не было высшего образования, но он занимался самообразованием всю жизнь, тогда как поставил точку в великой истории СССР как раз человек с университетским образованием и внешне безупречной биографией. Я не ставлю задачу в одной статье подойти вплотную к личности Сталина, а сосредотачиваюсь лишь на идее «жертвоприношения» и ее плодах.

Нам говорят о том, что наши силы были рассредоточены вдоль всей границы, а гитлеровцы ударили концентрированно, и это выдается за какую-то особую тактику немцев, а что, Наполеон действовал по-другому? Безусловно, вермахт был готов к войне значительно лучше и в интеллектуальном смысле, и в смысле выучки, а это уровень умения и навыка, который кроме как многократной тренировкой не достигается. В советские времена в нашей стране проводились попытки записи миограммы навыка хорошего выполнения упражнения мастером и последующего воспроизведения ее на мышцах ученика. Результаты показали, что устойчивый навык может быть получен и закреплен только самостоятельным выполнением упражнения, а это требует неизбежного прохождения всех стадий педагогического процесса — знание, умение и лишь затем — навык! А вермахт пришел к нам с уровнем высокой подготовки — с навыком;

подготовка же наших пилотов, танкистов и солдат в лучшем случае была лишь как знание, да и знание это было зачастую формальным и отрывочным, и добывалось в полной мере уже потом, непосредственно в бою с профессионалами. Можно представить обычного человека, не слишком здорового, не избалованного хорошим питанием, да и добродушного по своей сути, которому предстоит выйти на ринг с профессиональным боксером! Поэтому основной вид деятельности войск в мирное время — это учеба и еще раз учеба («Тяжело в учении — легко в бою»). Если Сталин втайне от врагов внешних и внутренних вынашивал план «жертвы малым», то должна была быть проведена отработка штабами и войсками хотя бы элементов всего им задуманного, хотя бы без привязки к районам предполагаемых действий, иначе армия в принципе не сработает. Нет, ничего подобного не было сделано, напротив, войска располагались на открытой местности, склады боеприпасов и горючего были выдвинуты к границе, к офицерам приехали жены и дети, и никаких планов и, понятно, средств, для их экстренной эвакуации в случае войны не было предусмотрено. Это явилось одной из причин вынужденного дезертирства части офицеров, которые во имя спасения родных людей покидали свои подразделения, большинство из них при первой возможности возвращались в войска. Понятно, что многие семьи офицеров погибли вместе со своими мужьями и отцами в первые же дни войны. Вопросы же обороны не отрабатывались как следует, фортификационные сооружения на опасных направлениях хоть и возводились, но из-за неправильного расположения войск и отсутствия здравого руководства на первом этапе войны они так и остались незанятыми нашими войсками (возможно, задержка Директивы № 1 от 22.06.41 г., хотя официально она датируется 21 июня, сокращение ее содержательной части лично Сталиным до формальной декларации, тоже есть изначальный за-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

мыслей Сталина, по Кузнецову). Приведу цитату из воспоминаний маршала К. Рокоссовского о его полевой поездке непосредственно перед войной: «Последовавшие затем из штаба округа распоряжения о высылке артиллерии на артполигоны, находившиеся в приграничной зоне, и другие нелепые в той обстановке распоряжения вызвали полное недоумение... Судя по сосредоточению нашей авиации на передовых аэродромах и расположению складов центрального значения в прифронтовой полосе, это походило на подготовку прыжка вперед, а расположение войск и мероприятий, проводимые в войсках, этому не соответствовали... Во всяком случае, если какой-то план и имелся, то он явно не соответствовал сложившейся к началу войны обстановке». Но и в этой ситуации у нас все-таки были существенные преимущества, заслуга которых принадлежит в том числе и Сталину, — это великолепная военная техника. Для того чтобы отражать сосредоточенные удары противника, существуют мобильные части, а именно механизированные подразделения, авиация и в случае Великой Отечественной войны — конница. Все это у нас было в достаточном количестве и зачастую в качестве недостижимом ни для врага, ни для союзников. Наши танки Т-26, Т-34 (кстати, до сих пор состоящий на вооружении некоторых армий!!!), КВ-1 были на первом этапе войны вне конкуренции. Наша авиация также была вполне конкурентоспособна, про артиллерию и говорить нечего. Да, был серьезный дефицит транспорта, как для перевозки личного состава, так и для буксировки орудий, и он был устранен в большей степени уже в ходе войны за счет ленд-лизских поставок — знаменитый «студебеккер» прошел с нашей армией до Берлина, неся на себе то солдат, то катюшу, а на буксире — орудие (первые машины поступили в СССР из США осенью 1941 г.). Эта машина была о трех мостах и с полным приводом (80% от поставленных), что и было необходимо на войне. Внук

того «студера» под маркой ЗИЛ-131 до сих пор трудится как в нашей армии, так и в народном хозяйстве. До ЗИЛ-131 был знаменитый ЗИЛ-157 («сын» «студера»), в 1958 г. удостоенный Гран-при на Всемирной выставке в Брюсселе! Это к вопросу о качестве и возможностях советской промышленности. Но все это без обученных специалистов только мертвое железо.

То есть, по логике Кузнецова, Сталин сознательно «подставлял» страну, имевшую достаточно сил, по крайней мере, для успешной защиты от сокрушительного удара нацистов, дабы получить стратегическую победу в будущем. Но если бы наши войска, как положено, окопались и изготовились бы для серьезной обороны, то Гитлер тогда бы и не сунулся. Тут логика Кузнецова работает — затянуть начало войны надолго бы не удалось, поэтому, возможно, Сталин и «подставлялся» врагу сознательно. Война была неизбежна, но это была не наша война. «В течении десятилетий демократия неуклонно скатывалась к Третьему рейху. Суверенный народ был полон решимости уничтожить законную власть, и, следовательно, Гитлер был итогом демократии» (В. Мартини). Но она (дошедшая до края демократия) угрожала и нам, и всему человечеству, о чем Гитлер во всех доступных формах нам и сообщал заранее. Приведу удивительное предсказание Генриха Гейне об ожидающих Европу потрясениях: «Христианство в какой-то мере подавило жестокую немецкую тягу к войне, но не смогло вырвать ее с корнем, и, когда крест рухнет, тогда снова начнет бушевать ярость старых бойцов, безумие берсерков, воспетое северными бардами. Настанет день, когда она вырвется на поверхность. Не улыбайтесь снисходительно моим словам, словам мечтателя, предостерегающего вас против кантианцев, фихтеанцев и философов природы. Когда вы услышите треск, треск, какого никогда в мире еще не слышали, то знайте, что это ударил германский гром. Тогда на немецкой сцене разыграется драма, по сравнению с которой

Французская революция покажется мирной идиллией. Придет день, и другие нации соберутся вокруг Германии, словно зрители в амфитеатре, чтобы наблюдать великий бой гладиаторов». Понятно, что в силу исторической отдаленности Гейне были неведомы условия версальского мира, на которые ссылаются многие исследователи (в том числе и Е. Кузнецов) для объяснения прихода к власти нацистов в Германии со всеми вытекающими последствиями — были и другие, более глубокие, корневые причины, но русские тут ни при чем. И действительно, тут я соглашусь с Е. Кузнецовым, — у В. Суворова концы с концами не сходятся, и мало кого может убедить его видение истоков войны, боюсь, даже заказчиков его текстов!

Понятно, что в мире не было армии, за исключением Красной, способной противостоять вермахту. Британская армия самоустранилась еще в Дюнкерке, французской не стало за несколько недель 1940 г. (10 мая начало кампании и 22 июня подписание капитуляции в Компьенском лесу, говорящая дата, не правда ли? Почему-то принято считать, что Гитлер напал на СССР в годовщину наполеоновского вторжения, но была, как мы видим, и более важная для Гитлера дата). Американская же армия, обладая самым мощным тылом в мире, не имела возможности массового десантирования войск и техники в условиях непосредственного соприкосновения с противником. Ждать появления ядерного оружия никто не мог, тем более никто не знал его эффективности. Кроме того, у вермахта уже была крылатая ракета «Фау-1» и баллистическая ракета средней дальности «Фау-2». Также проектировалась и межконтинентальная баллистическая ракета, атомный проект Германии вполне мог стать успешным, поэтому затяжка времени начала борьбы с Гитлером лишь только увеличивала неопределенность последствий войны. Вернемся собственно к войне.

Опыт зимней войны с Финляндией (по сведениям канала Viasat History) показал, что на первом этапе финские

войска предпринимали несколько попыток контратак наших позиций. В результате их потери оказались соизмеримыми с нашими в аналогичной ситуации. После доклада Маннергейму о них финским войскам было строжайше запрещено предпринимать какие-либо атакующие действия против Красной армии. Следовательно, при грамотно организованной обороне и при достаточной обеспеченности нашей армии в артиллерии и минометах, а это главные «враги» живой силы и техники, а отнюдь не стрелковое оружие, у Гитлера не было бы шансов на успех. Шанс ему давала только та организация подготовки к войне в СССР, которая теперь благодаря многим свидетельствам стала известна. Ставит также под сомнение правомерность утверждения, что Сталин тщательно продумал именно такое начало войны свидетельство его соратников, пришедших «возвращать его на царство» и говоривших после войны, что Сталин был напуган и ожидал ареста — вот это стратегия!

На деле же начало войны пошло совсем иначе, и причина, на мой взгляд, в массовой неготовности наших войск к деятельности, по сути противоречащей человеческому разуму, а потому требующей специальной подготовки и, что самое важное, формирования специальных управленцев — офицеров и генералов, которые когда-то считались элитой общества. Но давайте не будем претендовать на звание элиты, скажем только, что это должны были быть люди, хорошо знающие и умеющие то, что необходимо на войне. Первые дни войны как раз и показали то, что там, где были войска, управляемые подготовленными командирами, там никакой катастрофы не было, напротив, перспективы фашистов были плачевными. А войска, брошенные своими командирами, имевшие к тому же аналогичное немецкому вооружение или даже более мощное, были действительно принесены в жертву. Но кому или чему? Очевидно, что локальные успехи наших войск спасли тысячи жизней мирных жителей, но и

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

этим успехами не смогло воспользоваться верховное командование. Как известно, Генштаб в начале войны работал на платформе метро — за фанерной перегородкой, распоряжения войскам передавались с Центрального телеграфа — надежной связи не было (это тоже издержки перевооружения?). Известны исследования, говорящие о том, что у немцев не существовало военно-технической возможности уничтожить то количество самолетов и танков, которое мы потеряли в первые дни войны. Причина в отсутствии топлива и снятом вооружении (с самолетов). То есть нашлись люди на нашей стороне, которые «обеспечили» фашистам массовую сдачу военных и гражданских припасов. Понятно, что причиной такой сдачи было отчасти стремительное продвижение фашистов, но это было так лишь отчасти, и поэтому нельзя снимать ответственность и с себя.

Теперь о том, что такое отступление в нашем случае. Если в случае Северной Африки Роммель с Монтгомери «передвигали» фронт по пустыне, не принося в жертву мирное население в массовом порядке, то в нашем случае места боевых действий проходили по самой развитой и густонаселенной части страны и то неорганизованное отступление неизбежно отдавало наше мирное население в руки врага, заранее предупредившего нас о своих намерениях в отношении жителей нашей страны. Сделаю отступление: упомянутый канал Viasat History посвятил теме оккупации Франции отдельный фильм, из которого запомнились слова француза, пережившего ее. Смысл этих слов в следующем: немцы-то и во время оккупации были хорошими покупателями, платили исправно, и мы торговали с ними — это был всего лишь бизнес, уже потом, к концу войны, выяснилось, что у нас было такое «могучее» движение сопротивления. Не хочу приуменьшать память участников французского сопротивления — даже если бы там был лишь один участник, то и это бы заслуживало уважения, речь о другом.

Наш народ во всеуслышание отдавался Гитлером «под нож», а не бизнес делать, и оставлять его в руках явных палачей — это уже совсем другой уровень ответственности в сравнении с упомянутой Францией.

II

Если мы мысленно уберем из нашего жизненного опыта эмоциональное восприятие ценностей... если для нас не будут представлять ценности человек, человеческая жизнь и человечество, то самый безукоризненный аппарат нашего интеллекта останется мертвой машиной без мотора.

Конрад Лоренц

Теперь давайте оценим масштабы того «малого», что было принесено в жертву (кому и во имя чего?). За первые шесть месяцев войны только пленными мы потеряли по разным оценкам от 3 до 4 млн человек. А если учесть убитых и пропавших без вести, то цифра уходит за 4 млн. Германия за всю войну, длившуюся для них шесть лет, потеряла, по разным оценкам, от 4,2 до 4,8 млн военнослужащих, то есть то же количество, которое мы потеряли за шесть месяцев. Причем наши люди были превращены в рабов и вынужденно работали на Германию, спасая ее женщин и детей от этой необходимости, чего не мог позволить себе СССР, — и женский и детский труд у нас был абсолютно необходим для Победы. Сравним это с «проблемами» Англии — одним из мотивов принятия на вооружение в 1942 г. бомбардировщика Де Хевиленд «Москито» был избыток рабочей силы в мебельной промышленности Англии (!) — это был деревянный самолет с рекордными характеристиками. То есть английское руководство искало, чем занять свободную рабочую силу! Нам бы тогда их проблемы! То есть мы косвенно увеличили трудоспособное население Германии за свой счет и сохранили ее генофонд (Германия использовала порядка 18 млн иностранных рабов!).

Захваченные материальные ценности, выдвинутые максимально к гра-

нице, тоже работали против нас. Бензин горел в авиа- и танковых моторах нацистов, дизтопливо, предназначенное для наших новых танков и артиллерийских тягачей, ценилось еще больше, так как если бензин нацисты научились синтезировать из угля, то дизтопливо производилось из нефти, а это был строго лимитированный материал для них. И именно в этом причина того, что на немецких танках были бензиновые моторы — они просто не могли себе позволить подобной роскоши, как дизель. Понятно, что родина Р. Дизеля, и по сей день производящая лучшие дизельные двигатели, вполне могла бы создать и танковый. Но заправлять его было бы нечем, а подводному флоту дизтопливо было позарез необходимо, так как альтернативы ему на тот момент не было. Поэтому наше дизтопливо пошло на заправку подводных лодок противника, топивших в числе прочего и конвои с военной помощью для СССР.

Уже к 10 июля 1941 г. гитлеровцы продвинулись в глубь нашей территории: на западном направлении — на 450–600 км, на северо-западном направлении — на 450–500 км, на юго-западном — на 300–350 км. То есть была захвачена большая часть экономически развитой территории нашей страны, разрушены десятки тысяч сел, сотни городов, наши лучшие предприятия и, что немаловажно, жилой фонд! И без того скудный.

Сделаю небольшое отступление. Как-то разговаривая с англичанином, я обмолвился, что живу в старом доме пятидесятилетней давности, на что он, несколько удивившись, ответил, что в Англии трехсотлетний дом считается «еще не старым»; понятно, что речь идет о каменных домах. Так вот много ли было у нас тогда каменных домов, тем более трехсотлетних?

То есть на протяжении веков наши люди жили в крайне скромных условиях и строили жилье сами, кто как и из чего мог. И это жилье было уничтожено совместными усилиями противоборствующих сторон (а ведь жилищная проблема России до сих пор

еще не решена). Для иллюстрации будет уместна выдержка из распоряжения Сталина от 13 ноября 1941 г. руководству Ленфронта: «...при продвижении вперед не задаваться целью взять тот или иной населенный пункт вроде 1-го городка Синявино и т. д., а поставить себе задачу разрушить до основания населенные пункты и сжечь их, похоронив под ними укрывающиеся немецкие штабы и части. Откиньте всякую сентиментальность и разрушайте дотла все населенные пункты на вашем пути».

Что же остановило гитлеровцев? А то беспримерное мужество наших советских людей и в военной форме, и гражданских. Сами немцы говорили, что в Первой мировой русские так себя не вели. Ф. Гальдер записал в своем дневнике, что «...кампания в России закончена за две недели». И буквально все говорило за то, что не вынести такого удара никому. Но на вере и воле наш народ выстоял! В первые же дни войны были совершены авиатараны, тогда же происходили и танковые. Танки с израсходованным боекомплектом или с поврежденной пушкой шли на таран, приводя противника в замешательство иррациональностью своих действий, и это замешательство приводило к оставлению нацистами техники и губительному для них бегству. Наш народ упорно не становился на колени перед врагом. Во что же это обошлось нам?

III

Следующая трагедия после проигранного боя — выигранное сражение!

Герцог Веллингтон

(в том числе и генерал-фельдмаршал
Русской армии с 1815 г.)

Общие потери военнослужащих со стороны СССР — около 9 млн, это около 40% от потерь всех воюющих стран. И это притом, что наше население составляло тогда лишь 10% от общего. Потери мирного населения

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

СССР — около 18 млн человек, а это треть общих потерь всех воюющих стран (62 страны из 73 существовавших на тот момент так или иначе участвовали в войне). Приведенные цифры, судя по всему, несколько занижены, так как сейчас называется цифра общих потерь СССР — 28 млн. Материальные потери оцениваются так: СССР — 600 млрд долларов, США — 350 млрд долларов, Великобритания — 150 млрд долларов. А страны «оси зла» потеряли: Германия — 300 млрд долларов, Италия — 50 млрд долларов и Япония — 100 млрд долларов. То есть материальный ущерб СССР несравнимо больше, чем у кого-либо в абсолютном исчислении. У меня нет цифр «стоимости» упомянутых стран на то время, чтобы оценить относительные потери, но совершенно очевидно, что в относительных цифрах наши потери будут еще более трагичны. Есть такая пословица: «Мера щедрости определяется не тем, сколько дал, а тем, сколько оставил себе». Так вот, а сколько мы оставили себе? И это называется он «пожертвовал малым»?

Возвращаясь к людским потерям, надо сказать и о том моральном надломе, принесенном страшной войной. В огне войны сгорели носители той великой идеи, которая за короткое межвоенное время вернула страну не только в мировые лидеры, но и давала перспективы всему человечеству на более разумное и человеческое будущее. Вспомним финал замечательной советской песни «Звезды милой Родины»:

...вы зажглись над миром ради всех людей —
Звезды золотые Родины моей!

Не случайно после войны пошли разговоры о мирном сосуществовании. То есть само «существование» стало вдруг приемлемо и для нас. Разговаривая с одним иностранцем, услышал, что мы (иностранцы) смотрели за вами (за СССР) с интересом, что же у вас получится? И были весьма разочарованы, что вы отказались от своего пути и стали «как все». Да, наш народ ге-

роически восстановил страну и создал новые города и заводы, но энтузиазм тридцатых уже не повторился — он был сожжен в войне. Послушайте советские песни. По ним слышно изменение настроения страны! Знаменитая песня Шаинского «Вместе весело шагать по просторам» на фоне «Эх, хорошо в стране советской жить!» уже очевидно упадническая! Но в песнях как раз есть и указание на выход — ВЕРА! Помните: «Верю в тебя, дорогую подругу мою, — эта вера от пули меня темной ночью хранила». Вера, дополненная теми социальными преимуществами, которыми обладало наше государство, и есть выход из нашего сегодняшнего положения.

В школе нам рассказывали о казни партизан нацистами. Так вот один из повешенных партизан оказался бывшим спортсменом и напряжением мышц шеи он сохранил позвоночник от разрыва, поддерживал минимальное дыхание и кровообращение вплоть до ухода палачей, выжил и вернулся в строй. Так и наша страна — выжила в невыносимой ситуации!

В армии есть такой термин — «труп, завернутый в тулуп» — это часовой на посту. Не знаю как сейчас, но в советское время часовые грешили тем, что пришивали петельки к воротнику тулупа, а на посту вбивали гвоздь и после ухода разводящего подвешивали сами себя за шиворот на гвоздь и спали в положении стоя с оружием, не вызывая ни у кого беспокойства. Согласитесь, что подход принципиально разный — один в безнадежной ситуации выживает и выполняет долг, другой в ситуации выполнения долга «вешает» себя, саботируя его. Вот эта самая усталость и расслабленность начинается затем сквозить и в бардовских песнях 60-х гг. с их комфортной душевностью, так приятно дополняемой рюмкой коньяка, а также папироской.

Теперь о «стратегических преимуществах» или об итогах войны. Был ли доволен Сталин достигнутым? Известно его высказывание в начале войны: «Ленин нам оставил государ-

ство, а мы его прос...али!» Сталин был веским человеком и слов на ветер не бросал. Понятно, что в конце войны его риторика изменилась. Но День Победы при Сталине широко не отмечался — с 1948 г. его вообще сделали рабочим днем, — не было такого праздника! Только в 1965 г. День Победы занял свое достойное место в календаре. И самое главное, СССР стал готовиться к новой войне! Так был ли заключен мир на условиях СССР? Ну и самый важный и печальный итог: в исторически короткий промежуток времени нашей Великой страны не стало. И разговор о жертве и об итогах войны находит свой главный ответ, главный итог войны — право СССР на равное и полное существование утрачено. А, как я утверждал выше, СССР и только СССР мог освободить и освободил-таки планету от нацизма ценой своих огромных потерь. То есть мир воспользовался нами в полной мере, а через некоторое время и сам СССР, подписав перед виртуальным победителем беловежскую капитуляцию, вернулся в капиталистический лагерь в колониальной роли. Но ведь с утратой СССР весь мир запустил себя «на новый круг» войн, конфликтов и кризисов!

Подводя итоги, хочу привести некий образ для объяснения своей позиции. Есть земля, почва (это культура), на ней глубоко укоренившись извилистыми корнями (это история), стоит могучий ствол (это народ); огромная крона дерева (это наша территория) воспринимает питательные соки от народа, возделывающего ее, и от Солнца, питающего через крону и ствол и почву. Так вот, сложная и извилистая история (корни) естественна как для дерева, так и для народа. Предлагаемый лакированный вариант Сталина, сформулированный Евгением Кузнецовым, напоминает карандаш, который легко входит в землю и так же легко выходит из нее. Вариант, предлагаемый либералиссимусами (Сванидзе, Млечин) под видом гуманизма, и вовсе отрицает нашу историю как нечто целое. По сути, они предлагают

просто отбросить ее и начать жить заново с чистого листа.

В упомянутом выше образе это равноценно тому, чтобы сделать некий амнезирующий укол в корневую систему могучего дерева, которое при такой обширной кроне (территории) не сможет жить без мощной корневой основы. Понятно, что без корней или с ослабленными корнями дерево не сможет питать свою крону, и она рано или поздно может упасть к чьим-то ногам. Я не думаю, что упомянутые выше люди хотят этого, но я призываю к обсуждению нашей истории без идеализации, но и без нигилизма.

Образ Сталина и история тех великих лет не случайно так актуальны для нас, и тем важней подробно и объективно разобраться в этих вопросах. Возможно, нам недостает информации и о прошедшем и, самое главное, о будущем, чтобы в полной мере оценить как негативное, так и конструктивное наследие той эпохи. Мы лишь знаем, что это был уникальный опыт, и без личности Сталина полностью оценить его не удастся.

Постскрипtum

Повторно прочитав статью Е. Кузнецова, решил все-таки довести разговор до конца и поговорить о «мелочах», которые первоначально думал опустить. Безо всякой иронии могу согласиться со словами автора «в школе-то не учили», но лишь в свой личный адрес и в адрес вышеприведенной статьи, не претендующей на научность, а являющейся лишь изложением точки зрения.

Да, Сорбонн не оканчивал, Гегелей не «кантовал» — чего уж тут возражать! Но автор противоречит сам себе, ссылаясь на народное мнение в передаче «Суд времени» — то есть в «Суде времени» народ-то вдруг ученый (не путать с котом!), а в ином случае — «в школе-то не учили»? Так получается?

Дальше, с. 151: «...в Рапполо (пригород Генуи)», пригород Генуи и по сей день зовется Рапалло (одно «п» и

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

два «л» — Rapallo), может, автор перепутал этот населенный пункт с пригородом Петербурга Рапполово, но там никаких переговоров не велось, так кажется.

С. 155: «...оставляя в тылу померанцевскую группировку фашистских войск» — я бы на месте немцев обиделся. Померания — это название местности, по которой и была названа группировка — Померанская (если быть точным, то Восточно-Померанская), а померанец — это карликовое цитрусовое растение или карликовая же собачка, может, тут личное отношение к фашистам, но группировку лучше называть так, как оно и положено.

Та же страница, цитата из знаменитой песни Б. Окуджавы ошибочна. На самом деле: «И значит, нам нужна одна победа, одна на всех — мы за ценой не постоим!»

С. 156: «Капитуляция Японии была подписана на американском авианосце» — теперь за американцев обидно, ведь звался этот «авианосец» — линкор «Миссури»! Понятно, что, несмотря на то, что и тот и другой корабли, но они при этом принципиально разные — ведь велосипед и танк тоже транспортные средства и имеют много чего общего, но путать их все-таки не стоит. Так вот, капитуляция Японии была подписана на американском линкоре «Миссури». Корабль довольно интересный, участвовал в заключительных операциях Второй мировой войны (спущен на воду в 1944 г.), а закончил свой боевой путь участием в 1991 г. (!) в операции «Буря в пустыне». Помимо запуска «Томагавков» в своей последней операции корабль использовал и орудия главного калибра; для корректировки его огня, правда, использовались беспилотники. Звук этих орудий, по словам американских солдат, был лучшей моральной поддержкой для них (а орудия-то из 1944 г.!). Не надо обижать заслуженный корабль, который стоит сейчас в Перл-Харборе в качестве музея!

Та же страница: в абзаце, посвященном Потсдамской конференции, говорится что-то не совсем понятное (прошу прощения за длину цитаты): «...победу-то над Гитлером одержала Красная армия. А США, Великобритания и присоединившаяся к ним (по предложению Сталина) Франция в лице генерала де Голля были только “свадебными генералами” на этой победе (в политическом смысле)». Очевидно соединение разнокачественных понятий: Красная армия, США, Великобритания и генерал де Голль как лицо Франции! С одной стороны, речь идет о победе, но каково говорить о победе Франции «в лице генерала де Голля»? — не круто ли?

Если речь идет о конференции, то ни упомянутый генерал, ни Франция участия в ней не принимали (хоть речь о Франции и шла), так как вообще не были приглашены и были ознакомлены с решениями глав держав-победительниц уже после принятия и подписания оных. Выходит первое — де Голль выиграл войну за Францию своим лицом и по предложению Сталина, еще и «свадебным генералом»! Явный перебор!

Можно предположить, что автор имел в виду то лидерство генерала де Голля во французском Сопротивлении, тот договор, подписанный им и Сталиным перед Победой в Москве, который возвращал Францию в круг мировых держав и безусловную заслугу Сталина в этом вопросе. Но из авторского контекста этого не следует. Попутно замечу, что представитель Франции в лице главнокомандующего французской армией генерала Делатр де Тассиньи (варианты написания имени разные) подписал Акт о безоговорочной капитуляции Германии лишь как свидетель. 5 июня 1945 г. он уже в качестве полноправного участника подписал Декларацию о поражении Германии и принятии верховной власти в стране правительствами СССР, США, Великобритании и Франции.

Евгений Мюллер

Жестяной ковшик

(рассказ)

В тот год я почти весь сентябрь проработал на стройке на самом краю города. А можно сказать — на краю степи, потому что сразу за бетонными блоками ограды начиналась и уходила в никуда желто-белесая пустота, в солнечные дни дрожавшая вдали раскаленным воздухом, а ночами, которые когда-то в народе называли воробыиными, полыхающая по всему горизонту страшными заревами бушующих гроз. Правда, пока что вся стройка представляла собой лишь глубокий котлован, одна стена которого, со стороны степи, была вырыта почему-то совершенно отвесно, словно это был последний рубеж, дальше которого степь в себя уже не пускала. Я должен был выносить оси для разметки фундаментов, давать отметки под бетон, делать съемки. Чтобы поместиться где-то с приборами и иметь возможность чертить, мне отдали ключ от маленького домика, бывшего прежде постом у разъезда железной дороги, теперь уже не существующей. Остатки шпал все еще торчали над краем котлована.

Я долго крутил ключ в заржавевшем замке, а когда вошел, первым делом открыл окна, чтобы впустить свежий воздух, давно уже, видно, не попадавший в эту дверь. В домике было всего две комнатки и нечто вроде предбанника, служившего еще и кухонькой. Тут стояли простая чугунная печка да стол с водруженным на него ведром. Рядом на гвоздях висели две кружки и ковшик. В комнатах было по железной, наверно солдатской, кровати, в одной — шкаф, в другой — столик у окна и простая вешалка на стене, в подспорье которой и здесь торчало несколько гвоздей. Везде было неметено, обои в одних местах свисали клочьями, в других — завивались у пола, и в первые дни пахло мышами. Но печка топилась замечательно, и скоро запах ее и наваленных для просушки обрезков сосновых досок наполнил домик.

Рабочий, которого дали мне таскать рейку, как только делался мне не нужен, чуть не бегом спешил скорей на автостанцию. Я же, особенно после дождливого дня, устав от лазанья по глинистым обрывам и мокрым опалубкам в тяжелых, облепленных грязью сапогах, ощущая в холодных, покрасневших, кажется, насквозь мокрых пальцах каждую ссадину, я, сгрузив в угол прихожей футляр с теодолитом, треногу и рейку, в один миг порой решал, что домой не поеду, а хочу только одного — напиться горячего, крепкого чаю возле раскаленной, постреливающей углями печки и растянуться потом на этой низкой, самой что ни на есть простецкой кровати. И в тишине, в подаренной мне на время пустоте этого маленького дома лежать и слушать, как нет-нет треснет уголек в печи, как что-то сдвинется само собой в за-

валенном мной углу, обретая свое, ненапряжное положение — как и я на этой кровати, косо уткнувшейся в пол ноги-прутки. А то наоборот. Мягко светило и так же мягко, как только на исходе лета, грело спускающееся солнышко, тысячи красных, в черную крапь жуков вылезали на теплые, до стального блеска промытые дождем и просушенные ветром и солнцем доски в оградке махонького палисадника у дома, дурманили тонким, какой только под вечер бывает, ароматом бесчисленные бело-розовые вьюнки. И тогда я неспешно бродил по заброшенным и чем только не замусоренным окрестностям котлована и находил то заржавленную, спеленутую тем же вьюнком, поваленную набок железнодорожную стрелку, то забытую шпалеру чудных сосновых досок, надежно скрытых от взгляда дымным шишкочерьем лебеды, а снизу — вот это силушка! — чуть ли не приподнятых прущими из сырой здесь земли огромными, бог весть какого названия грибами. И далекими казались тогда не только сам город, но даже автобусная станция в километре от котлована, с которой можно было до него, до города, доехать.

В один из таких вечеров, уже темных, когда на крыльце одному, если долго стоишь, делается тревожно, и не успеть, кажется, до приближенья какой-то немой, неясной угрозы шагнуть до двери и закрыть ее за собой (а как успеешь, так сам удивишься, позабавишься этим страхом), что-то по-настоящему стукнуло снаружи по крыльцу, и одновременно со скрипучим открытием двери и растущим желтым клином на ней от горящей снаружи лапочки услышал я голос человека, явно смущенного, что беспокоит в такой час.

— К вам можно?

Трудно сказать, кого я мог ожидать или не ожидать увидеть на пороге этой комнатки, да еще почти ночью, но появление человека в таком же огромном брезентовом плаще, какой висел сейчас на гвозде в двух шагах от меня, с бидоном теодолита за одним плечом, треногой за другим и сложенной пополам трехметровой рейкой в руке поразило меня. словно это другой я пришел к самому себе.

— Вы меня простите, ради бога. Я из треста. Мы тут целый день ходы гоняли да съемки делали, а под вечер засиделись немножко, знакомых-то, слава богу, хватает, а мне с утра еще одну работу начать да кончить. Вот мне и сказали — ночуй, если хочешь, в домике, там к тому же вроде кто-то из ваших сегодня тоже остался. Не возражаете? Но вы мне что-то незнакомы. Недавно тут?

Я вспомнил, что действительно видел сегодня человека, маячившего то там, то тут с расставленной треногой теодолита возле гор вынутой из котлована земли, которые высились метрах в двухстах от него и начали уже зарастать кустарником.

— Именно, именно, именно, — подтвердил мои слова об этом незнакомце. — Их самых и обмеряли. Видимо, вывозить собрались, так что потребовался расчет, сколько ее тут есть, в кубах. Так вы не возражаете? Ну и чудненько. Павел Терентьевич меня зовут. Можно просто Павел.

Он уже снимал свой плащ, пристроил его на гвозде возле двери в кухоньке, потом расстегнул пиджак, достал из нагрудного кармана клетчатой фланелевой рубашки расческу, причесался, ища глазами какой-нибудь кусок зеркала на стене, но и так вполне довольно обдул

расческу и засунул ее обратно в карман. Потом он снял очки и опять, уже по-новому, осмотрелся вокруг.

— Богом забытое жилище! — произнес он, оглядывая стены. — Но тепло, — и он протянул руку к печке и провел ею вдоль нее, сгибая и распрямляя пальцы. У его высокой фигуры было странное свойство откликаться — движением плеч, шеи, неожиданным поворотом головы, всего туловища — на каждое новое возможное впечатление. Словно все, что находилось вокруг, было ему незнакомо, и от всего он ждал чего-то для себя. Ему было под пятьдесят, был он сутул, что и не могло быть иначе при его высоком росте и необходимости постоянно таскать на спине и плечах хоть и невеликие, но тяжести. Большие, чуть навывкате глаза его с готовностью подставлялись под ваш взгляд, но сразу же защитно щурились. Волосы он зачесывал назад, отчего лицо его при таком его взгляде казалось еще более открытым. Иногда он вдруг словно что-то слышал, быстро двигал головой как бы на этот звук, но тут же снова возвращался в прежнее положение — никакого звука-то не было. Был он очень смугл — не наружной, а глубоко, при всякой погоде проевшей кожу загорелостью и обветренностью.

— Хотите чаю? — предложил я. — А то еще можно вон суп в кружке заварить.

— Нет-нет, спасибо. Напитый и наетый. Не беспокойтесь. Я сразу, пожалуй, на тюфяк. Плащом накроюсь, да и то разве потом. У вас тепло, погода сегодня тоже сухая, хорошая. Хорошо!

После этих слов он мог бы действительно идти, чтоб устроиться в соседней комнате, но какое-то время еще постоял, оглядываясь вокруг.

Обычно, когда я лежал в темноте, ни двери, ни стен я почти не видел. Сейчас же сквозь щель между верхом двери и косяком слабо сочился свет. Это Павел Тереньтич, наверно, не до конца прикрыл дверь в своей комнате. Я слышал, как под ним проскрипела железная кровать — такая же, как у меня. Но свет он не гасил — может, читал. Видя непривычный косой лучик над дверью, я испытал вдруг если не ревность, то легкую досаду: словно я имел какие-то права на этот дом, о существовании которого еще недавно не знал и который скоро должен был навсегда покинуть.

Наверно, я все же заснул, но скоро проснулся и опять уставился на клинышек света над дверью.

В первые дни моего пребывания в этом домике я хотел попросить в прорабской электроплитку. Но непривычная и сразу приворожившая возня с печкой, ее живое присутствие, удивительная способность, не мешая, порой занять — отогнали эту мысль. Лишь в особо теплые вечера и ночи, какие еще бывают в сентябре, я вспоминал о своем первоначальном намерении, когда мне приходилось открывать окошко, чтобы было чем дышать в нагретой за день, да еще, случалось, перетопленной комнате.

Вот и нынче. Было жарко, душно, да еще клинышек света над дверью все не гас. Я скосил взгляд на стол, но кружки с водой, которую я обычно ставил на ночь, не было. Я поднялся, вышел в кухню, и, довольствуясь светом, проникающим сквозь щель над дверью теперь моего соседа, взял ковшик и черпнул воды из ведра. Она была такой теплой, что я с трудом сделал несколько глотков. Дверь в соседнюю

комнату приоткрылась, и я увидел Павла Терентьевича, высунувшего голову и окидывающего все вокруг этим своим каждый миг словно востроенным взглядом.

— Тише ковшиком-то гремите, Бога разбудите.

Я сначала не понял его. Хотел переспросить, но он, увидя это сразу по моему лицу, ответил:

— Бога, Бога. Или вы что думаете, это такой малый уж звук, пустым-то ковшиком да о ведро? Малых звуков вообще не бывает. Это для вас он малый, а для...

Наверно, я смотрел на него так, что он осекся, и, уже стоя весь на этой маленькой кухоньке, чуть отставив голову назад, окидывал меня и все вокруг уже знакомым мне взглядом.

— Тоже не спится? Может, все-таки чаю? — теперь он предложил его мне, и хоть я чувствовал, что сон лишь на время ушел от меня, я согласился.

Уселись мы у него. Странное дело, странная ночь! Теперь это я оказался в гостях, так и тянуло сказать, в своем доме. А гость мой сидел, наоборот, как хозяин — удивительно у него это получилось, само собой. Он отпивал небольшими глотками чай, едва прикасаясь губами к краю кружки, словно она была горячее, хоть чай уже почти остыл. И говорил:

— А все имеет свой предел. Вот как этот чай колеблется вблизи ободка на краю кружки, боясь и стараясь не приблизиться к нему, потому что за ним — его исчезновение, так и любая вещь, даже звук. Ничто не живет без ощущения своего предела и все этого предела опасается и сторонится. Но не всякий предел есть конец. А есть общий предел. Хотя каждая вещь может существовать, да вдруг исчезнуть и вне этого общего предела. А исчезнув, вдруг снова объявиться. Но это пока, до наступления предела окончательного. Вот про Бермудский треугольник в журналах опять стали писать. Исчез корабль — и вдруг появился. В другом месте совсем. Отчего это? Да забыт он был на время, корабль этот, забыт, а потом снова вспомнился, вот и увидели его. А что чуть другим его уже увидели... Так разве вы, когда, ну, скажем, стихотворение какое-нибудь, которое еще в школе учили, и вдруг — ну так бывает — про себя или по случаю его вдруг произносите, то ведь порой, пусть в мелочи, но перевернете его чуть. А тут — корабль! Сколько там на нем всего! Попробуй-ка, упомни. Заклепок-то одних! Это вам не пять или шесть четверостиший. Да и то он его почти целиком все равно вспоминает.

— Кто вспоминает? — остановил я его, мало понимая из того, что он говорил.

— Как кто? Бог! Вы что, на самом деле, еще не понимаете? Все — сон, просто сон, Бога сон. Только когда я это понял, я понял вообще все. Все неясности, меня когда-то поражавшие, все эти вопросы, которые еще в юности с товарищами обсуждали, а главное, все эти события — все стало казаться мне теперь простым и понятным перед этой тайной-отгадкой. Все есть сон! Сон Бога! Только это, между прочим, и объясняет, например, откуда все взялось. Не было ничего, не было, и вдруг — нате вам, чуть не все сразу — и сгустки какие-то, и вода, и минералы. Ученые об этом что говорят? Ну взорвалось, ну соединилось, ну разлетелось, ну образовалось. Теперь еще все, мол, и расширяется.

Да какая разница! Может, так это все и есть. Пусть себе расширяется. Но первое-то самое, что взрывалось, потом сжималось, а теперь расширяется — откуда? Старо, скажите? Правильно! Старо! Только ведь от того, что все это старо, еще не значит, что все это неверно. А вот если все это ему снится — то тогда и вопрос, из чего это все взялось и сделано, — сам собой отпадает. Потому что сны — они не из ничего. Да... К началу-то, впрочем, все к правильному пришли: без Бога-то все равно — никак. Только тут сразу ошибку при начале и сделали. А почему, знаете? Хе-хе... *Быть* — захотелось. Да-да. Очень захотелось — быть. Не сниться только, а — быть. Независимо ни от чего, просто. И это, впрочем, совершенно понятно и извинительно. Помните Гамлета? Вот он-то как раз о главном и задумался. Шекспир то есть. Но опять не заметили, да и он сам, приблизившись, отшатнулся от догадки-разгадки. А ведь принц-то именно об этом и думает в монологе своем знаменитом. Будут сны, если умрешь, или не будут? Потому как если не будут, то и тебя, значит, не будет. Молодец принц датский, догадался! Да мало того — он-то, Гамлет, еще и глубже забрал: а какие именно будут сны? А ну как такие, такое бытие то есть, что и не надо? Кстати, Свидригайлов у Достоевского тоже до этого додумался.

Невозможно передать то удовольствие, с каким смотрел на меня Павел Терентьевич, которое было розлито теперь во всей его фигуре: в вытянутых вперед скрещенных ногах, руках, как после тяжелой работы отброшенных на колени; про недопитую кружку, поставленную на край стола, он давно забыл. Как и то, как светились его лицо, его глаза теперь, когда он поведал мне великую и открывшуюся ему тайну. И уже новый блеск возникал в его взгляде — как предчувствие вопросов, которые он ждал теперь от меня и как ответить на которые, судя по тому же блеску, он явно знал.

— Допустим, — сказал я. — Допустим, что все это, все вообще, только лишь снится... некоему Богу. Хорошо. Но почему, как это возможно, что все это снится в таком разно- и многообразии? А главное, извините меня, в таких подробностях и вариантах? Ну, приснилась бы Богу, скажем, Африка. Замечательно! Чудный сон! Со всеми там саваннами, львами, жирафами... народами, масками, да пусть даже с каждой отдельной морщинкой на хоботе у слона. Но ведь одновременно ему — вы вообще можете себе это представить? — одновременно ему снятся еще... ну, например, птичьи базары где-нибудь в Заполярье.

— Да, да, и не просто, так сказать, крупным планом, — обрадованно подхватил мои слова Павел Терентьевич, — а с каждой, извините, метиной птичьего помета на скалах. С каждой, понимаете? Как это все можно себе представить? Вполне резонный вопрос. Но ведь снится-то все это Богу, а не нам с вами, малым сим, согласны? А вот слушайте. Однажды в детстве, давно то есть, мне приснился удивительный сон. Удивительный, но, в общем-то, довольно обычный. Вхожу я, значит, в какой-то магазин. Впрочем, не в какой-то, а магазин этот ювелирным оказался. Вхожу и начинаю внимательно, нагнувши голову над прилавками, рассматривать все, что там лежит. А там много чего лежало, ох, как много. Да и витрин-то разных тоже сколько было! И простые, горизонтальные и наклонные, и в виде фонарей таких,

в которых стекла, как лепестки, от центра расходятся. А кроме как на витринах, так еще добра разного и на полках, и на полу даже много стояло — подсвечников огромных, кальянов, скульптур из камней, видимо, полудрагоценных да из бронзы. Но больше всего — везде, везде, куда ни посмотрю, к чему не нагнусь — бесчисленное множество колец, перстней, ожерелий, браслетов, цепочек всяких было разложено. И все это — в вычурных, фантастически разнообразных узорах, гравировках, с самыми разными, названий каких даже не знал и не знаю, драгоценными камнями, каждый с бесчисленными гранями. Устал я от этого сна — ужас как. Хоть голову себе отрывай. Никогда в жизни таким усталым не просыпался.

Павел Терентьевич отхлебнул из кружки чаю и осторожно поставил ее обратно на стол.

— Ну и что, скажете вы? — продолжил он. — А то, что хочу сказать вам главное. Никогда в жизни до этого сна ни в одном ювелирном магазине я не был. В городке нашем, хоть он и был районным центром, их просто не было. Родители мои тоже люди были самые что ни на есть простые, колец-то обручальных и то, кажется, я у них не помню, какие уж там перстни и ожерелья. Так откуда же тогда в голове моей все это вдруг взялось? Фантазия? Но ведь с такой фантазией художником, наверно, становиться надо было, тем же ювелиром, чтоб завитушки все эти на золоте да грани на камнях воплощать. А я только схемы убогие — и то с трудами чертить научился. Так значит, все это множество и разнообразие даже в мою убогую голову вложить как-то можно. В мою жалкую несчастную голову. Так что о Боге-то говорить! Да ему это все, может, только так, в одно мгновение, невзначай вдруг привидеться может.

— Все это как бы понятно и сойтись может, — сказал я, глядя на Павла Терентьевича, я чувствовал, уже усталыми, вряд ли годными к такому разговору глазами. — Только Бог... он ведь все же Бог. И наверно, сны ему должны сниться какие-нибудь там... величественные, красивые. Что ж они у него такими беспокойными часто бывают? Ну, снился бы ему там век какой-нибудь золотой, природы роскошь. А то... Сами сообразите: смуты, войны, катастрофы, аварии, землетрясения... Чего ради, ему-то?

— Может, вы и правы, голубчик, может быть, и правы... Только кто знает... Ведь как там сказано, в Писании — «по образу и подобию»? Ну так вот! Ну, как и он, раз мы по его образу и подобию, ну как и он как-нибудь там... болеет, по-своему, конечно, иногда, или спит просто дурно? Ну, как лихорадка какая-нибудь иногда у него бывает? Вы-то сами, как затемпературите, чего только во сне не увидите, правда? Кошмары, бред, несуразицы всякие, да? Порой припоминаешь, а потом все это — так странно и тошно делается... А ну как и у Бога что-нибудь такое порой, с ним то есть, происходит? И тогда Освенцимы эти, битвы народов, землетрясения да наводнения — не горячий ли это бред уж как-нибудь там заболевшего Бога? Вам-то в бреду что видится? Ужас что подчас, не так ли? А почему же у него такого быть не может? Вот вам тогда и войны, и катаклизмы. Да что они! Ссора простая в семье — а нездоровится просто Богу в это время, и все. А отсюда и теперь уже самое главное.

Павел Терентьевич встал, подошел к низенькому маленькому окошку и, проведя ладонью по стеклу, всмотрелся в темноту.

— Замечали ли вы, — он так и стоял у окна, глядя хоть все еще на него, но уже весь, даже глазами находясь в своих мыслях, — что порой, перед пробуждением, сон ваш начинает как-то мешаться, комкаться? И все потому, что проснуться вам, собственно говоря, надо. И будильник уже звенит, и за плечо кто-то вас уже трясет. И все в вашем видении комкается, комкается, а разбудили вас совсем — и нет его, сна! Вот я и думаю. По аналогии то есть. Все эти смуты, войны, революции, волнения, переселения народов, бедствия, обвалы, вулканы, падения там чего — ведь все это Богу скорее всего тогда снится, когда он... пробудиться готов. И как мы просыпаемся, когда наш смутный, тревожный, кошмарный сон совсем уж становится неумоготу, так и Бог. Чем смутней, чем ужасней и кошмарней сон его становится, тем ближе, значит, он к пробуждению. И не приведи тогда Господь, не приведи Господь... Разбудим мы его когда-нибудь сварами нашими, междоусобицами нашими, заиграемся, расшумимся — и лопнет, разлетится сон его благословенный, и не только нас, а ничего тогда уже не будет. Ни-че-го! Ничего нет для нас страшной пробуждения Бога! Вот — истина. И поэтому, — он вдруг приблизился ко мне своими большими, открытыми, как у ребенка, глазами, — и поэтому тихо нам надо жить, тихо, очень тихо. Ковшиком своим и то сон его можете порушить. Понятно? Не шуметь надо, обходиться друг с другом по-хорошему, по-тихому надо. Приникать к друг другу надо — мы же мягкие, все из мягкого сделаны, чего же нам греметь-то так пред благим и много терпящим в благословенном забытии своем создателем нашим? Да хранится его покой, его спокойствие и благодать. Да благ и славен будет сон его. Знаете, выражение такое есть: заснул сном праведника. Замечательное выражение! Так кто же самый большой праведник, как не Господь? Так сном этим и должен он, храня нас, свой вечный покой услаждать. Так что тише живите, **тише**. И все хорошо будет, все хорошо.

Утром Павел Терентьевич уехал. Скоро закончилась и моя работа на котловане. Все там теперь, наверно, изменилось. Стоит ли еще этот домик, высятся ли горы земли, поросшие лебедой и нежно пахнущими бело-розовыми вьюнками? Или, приподнявшись на мгновение от ложа сна, Господь Бог, приоткрыв на миг веки, низверг все то, что я так случайно обрел и полюбил, в пучину небытия и забвения?

Полина Лиджиева

(г. Новосибирск)

Каждый человек имеет мать и отца, которые, в свою очередь, тоже имеют родителей. Это род. А еще род очень похож на дерево.

Каждый человек имеет свою Родину — это та земля, на которой выросло дерево.

Каждый человек приходит в этот мир с неопределенными понятиями. Они формируются у человека согласно той среде, где он живет. Это как благоприятные или кислотные дожди, которые будут орошать это дерево.

Поэтому лучше всего то, когда взгляды человека совпадают со взглядами его бабушки и его прапрадедушки. У меня общение с таким человеком вызывает чувство надежности, уверенности, что он не предаст тебя за чашку кофе. Это как дерево с хорошими корнями.

Сейчас очень легко некоторым навязать чужое мнение, лишь бы оно было креативно. А вот мне это кажется, что такой человек уже не будет деревом, а так, сорняком, перекаати-поле.

И напоследок...

Вот и эта война некоторыми пересматривается. Я хочу предложить рассказ о той войне по воспоминаниям людей, которым я верю, потому что это моя бабушка Самойлова Ирина Сергеевна и прабабушка Саломатова Елизавета Владимировна. Благодаря заметкам Елизаветы Владимировны написала я свои рассказы. Я постаралась быть очень точной в передаче каждого эпизода той войны.

Здесь города не будет

Перед войной моя бабушка с ее мамой жили в Красных Стругах. Город, по ее детским воспоминаниям, был очень красивый и зеленый. Дом, в котором они жили, был еще дореволюционной постройки. Там проживало несколько семей военнослужащих. На праздниках собирались все родственники: тетя Нина с сыном Володей из Ленинграда, тетя Зоя с дочкой Верой из Ерцево, дедушка Володя и бабушка Катя из села Полново. Все очень музыкальные были. У них самих не было пианино, только гитара, но у соседа был рояль. Правда, на нем никто не умел играть, кроме нашей семьи. Послушать же, как поют и играют сестры Зиновьевы, собирался весь дом. Обычно кто-то из сестриц садился за рояль, а дедушка аккомпанировал на гитаре. Пели так, что никто не хотел уходить. Потом детей укладывали спать и начинались танцы. Моя бабушка и ее двоюродная сестра завидовали своему двоюродному брату. Ему, как большому, доверяли менять пластинки.

Конечно, это воспоминания детства, которые всегда кажутся лучше, чем было на самом деле. Как бы там ни было, из-за войны у бабушки жизнь разделилась на два периода: до войны и после.

Война... Все вдруг изменилось. Все потухло: и закат, и зелень, и глаза мамы. Все замолчало: и птицы, и смех, и раскаты грома. Только

голос Левитана звучал по радио «...сегодня после упорных боев был оставлен город... оставлен... оставлен...», и так день за днем. Человек не может сразу понять размеры постигшего его несчастья. А вдруг пронесет, а вдруг, а вдруг... Ведь «Красная армия всех сильнее, и танки наши быстры». Дни шли, а писем с фронта не было. Отец на фронте, брат ушел, пририсовав себе года. Что будет, что будет?

Казалось, ничего не изменилось. Большая светлая комната. Громадный шкаф с книгами, журналы дореволюционного издательства «Нева», комод, на котором фотографии в рамке. Здесь она еще маленькая, а папа с мамой молодые. Она и сейчас помнит, как фотограф их усаживал, как отец шутил, а мама призывала их к порядку. Где же папочка? Что с ним? Вот уже немцы заняли Полново. Там бабушка Катя, а дедушка с тетей Ниной в Питере. Ей там сейчас тоскливо.

Вот ходики на стене тик-так, тук-тук, тик-так, тук-тук. Кажется Ирочке, так будет вечно. Ведь идут бои уже сколько времени, а их город стоит нетронутый. Вот вчера наши сбили немецкий самолет. Летчик презрительно улыбался, глядя на всех. Чужой, немецкий летчик. Наши летчики тоже всегда улыбались, но широко и открыто.

Влетает мама:

— Ирочка, собирайся, сейчас, сейчас. — А выговорить ничего не может. — Собирайся.

— Куда?

— Едем в Новосибирск. Через полчаса отправление.

«Так. Портфель, учебники, документы и новое пальто Сережи. Как же Сереженька без пальто будет ходить, когда придет? Как же без учебников Ира будет заниматься?»

Поезд. Точнее товарняк, в который набилось столько народу, что ужас! Не встать, не сесть. Поехали.

— Мама, да скажи ты, наконец, что случилось? Почему мы ничего не взяли?

— Ирочка, мне наш сосед сказал, что у того сбитого летчика обнаружили план сражения. Немцы обходили стороной не для того, чтобы оставить город, а у них по плану здесь города не должно быть. Здесь города не будет!

— Мамочка, как не будет?

Тишина в вагоне, только совсем маленькие ребятишки плачут. Вдруг вой, взрыв и еще раз взрыв. Вагон остановился. Немцы. Надо в лес, в овраг.

Только из вагона свист, вой, казалось, с неба падает огонь. Спикировал немецкий самолет так низко, что лицо летчика можно было разглядеть. Совсем мальчишка. Смеется. Ра-а-аз! И повалились мамочки с детьми на землю. Ирочку своим телом от пуль закрыла ее мама. Пролетел. Кто-то поднялся и побежал, а кто-то и нет.

И снова опять самолет летит, и опять мама закрывает своего ребенка своим телом. И опять не все поднялись.

До того лесочка с оврагом чудом доползли Ирочка с мамой. Там другие дети с мамами. Только через какое-то время выглянули из оврага. Оставаться здесь нельзя, надо идти. Пошли. Дошли до какого-то полустанка небольшая горстка женщин и детей. Поместили опять в такой же товарняк и отправили в далекий Новосибирск. Только доехав до Перми, Елизавета Владимировна очнулась от шока.

— Ира, выходим. Здесь Зоя Вячеславовна, твоя бабушка живет.

К начальнику поезда:

— Можно нам выйти на этой станции?

— А куда?

— У нас здесь родители мужа живут.

— Хорошо, записываю адрес. Так... Саломатова Зоя Вячеславовна и ее сын Саломатов Владислав Николаевич, муж Саломатов Николай Антонович. Распишитесь. Все, счастливо оставаться.

Звякнул звонок, поезда, потихоньку набирая ход, пошел в далекий, незнакомый и поэтому страшный Новосибирск...

Если бы человек мог предвидеть будущее, то, наверное, Ирочка очень удивилась бы, что туда все-таки доедет.

И не только она, но и еще тридцать молодых специалистов, в том числе и ее любимый муж. Это будет уже другая страна. Мирная.

И родится у них дочь, и у дочери дочь, которая пишет эти строки и которая мечтает стать архитектором-реставратором, чтобы залечить раны, которые нанесла война, не оставив на земле целых городов.

Бог есть!

Мои прабабушка и прадедушка очень друг друга любили. Молоденькой девушкой приехала прабабушка по распределению из Ленинграда в Нижний Тагил. Красивая, грациозная, французский как русский, и тебе на пианино, и на гитаре. Ну, в общем, из «бывших». Естественно, сразу же попала в «свой круг», тоже из «бывших». Она из очень богатой купеческой семьи, а он — из дворянской семьи. В общем, влилась она в тамошний круг сразу. Ухажеров, поклонников множество. Лизи, Лизавета, Лизонька. Но выбрала Лизи самого скромного да еще на четыре года моложе ее — Сереженьку. Как водится, благословили молодых семейной иконой Казанской Божьей Матери, и зажили они счастливо. Все хорошо, но Лизавета была искренне верующая в Бога, а Сергей просто что так принято. Но по этому вопросу никто друг другу в душу не лез, поэтому и жили счастливо. Родная пара, и полное согласие в семье. На фронт Сергея Николаевича забрали еще в финскую, потом он был комендантом Тарту. Жена и дочь в Красных Стругах.

И вот война. Воевал на Ленинградском фронте. Его часть попала в окружение. Очнулся в темноте. Долго не мог понять, что с ним. Потом сообразил, что засыпан, заживо погребен. Сам чудом полуживой, рядом мертвые товарищи. Где попросить помощь? Долгая мучительная смерть. Он вспомнил жену, дочь. Тоскливо стало ему. Сейчас его муки закончатся, а Елизавета как же без него? Трудно им будет. Вспомнил, к Кому всегда обращалась его жена в то смутное время.

И он начал молиться. Молиться так, как молится человек перед лицом смерти.

И был услышан. Начал кто-то разгребать землю над его головой.

И оказались это монахи-чернецы.

И они положили его на носилки и понесли. Идут, а сами молчат, не говорят ни слова.

И когда луч прожектора освещал местность, то монахи клали его на землю, а сами телами своими закрывали.

И Сергей стал просить их бросить его, чтоб сами спаслись, но они его не слышат, только идут себе. Все в черном, бороды длинные.

И так донесли его до госпиталя и скрылись.

И никто не знает, кто это был: то ли действительно монахи, то ли ангелы, посланные по молитвам Сергея, но только от места его «захоронения» до дверей госпиталя было двести с лишним километров, двести из которых были заняты немцами.

И вот уже в шестидесятых годах, будучи в Новосибирске, когда ему вручали медаль «Битва за Ленинград», он вдруг повернулся к своей любимой жене и сказал: «Знаешь, Лиза, а Бог есть».

Подвиг разведчика

Военный корреспондент всегда что-нибудь хочет описать что-то необыкновенное. Хотя само понятие «война» — это уже необыкновенно.

Необыкновенно, что враги на твоей земле хозяйничают так, как им вздумается, убивают и уничтожают самое тебе дорогое. Поэтому все от мала до велика хотели защитить свою Родину от захватчика. Военкоматы были переполнены добровольцами. Среди них был и мой двоюродный дедушка Елецкий Владимир Сергеевич. Но не было ему 18 лет, и завернули его обратно. И так ему обидно стало, что решил-ся он схитрить. Нарисовал из циферки «16» «18». Вот и все. Попал в роту разведчиком.

Вызывает как-то его командир и говорит: «Елецкий, завтра тебе на задание, хоть ты и самый молодой, но смысленный. Да еще немецкий язык знаешь. Иди готовиться». И уже мягче: «Володька, ты хоть матери письмо напиши поласковее». Понятно, так командир говорит, когда не уверен, вернется ли его разведчик обратно.

Ну, как полагается, комсомольское собрание напоследок: «Если не вернусь, считайте меня коммунистом».

Маме письмо в Ленинград отправил, а наутро ушел... И ни слуху ни духу. Неделя проходит, вторая. Тут немцы вокруг подступают, а здесь как-то тихо. Не нравится все это командиру. Погиб, наверно, Володя. Послали «похоронку». Получила моя двоюродная бабушка Елецкая Нина Владимировна похоронку на сына, что героически погиб, выполняя задание.

А через несколько недель прибегает к ней ее папа и с порога: «Ниночка, жив наш Володька! Жив!» и газету протягивает. Там статья: «Подвиг разведчика». А в статье тот самый корреспондент пишет, что есть такой парень, который — слава земли Русской. Месяц на дереве у немцев в тылу просидел. Все видел и слышал, очень важные данные добыл и живой вернулся. Вот тебе и самый молодой.

После войны он вернулся к своей маме Елецкой Нине Владимировне и ей на радость, да и стране на пользу. Стал таким ученым, что первый спутник земли по его разработкам в космос полетел...

Мусенька — боец № 1

Это было в госпитале, где моя прабабушка Саломатова Елизавета Владимировна была фельдшером. Немцы уже отступали, но, пятясь назад, выпускали свое ядовитое жало на все, что было.

Красная армия своя, народная, освобождая землю, тут же помогала населению отстраивать новое жилье. Быстро восстановив сельскую больницу, пострадавшую от немецкого снаряда, бойцы бросились вслед за врагом, доверив своих раненых товарищей рукам заботливых женщин. Война шла в нескольких километрах от села, но с каждым днем удалялась все дальше. Там шли бои, а здесь уже налаживалась мирная жизнь. Все население пришло на помощь госпиталю. Не хватало бинтов. Женщины несли свои скатерти, платья, простыни, разрезали на полосы, сшивали их вместе, получались «бинты». Потом их использовали много-много раз. Во дворе стоял большой чан, в нем их кипятили, выжаривали на солнце, а затем проглаживали тяжеленным утюгом. Бойцов постоянно переодевали во все чистое, меняли белье, мыли и скоблили полы от крови. Проветривали помещения. Вроде бы все стерильно.

Не тут-то было. Пришли крысы. Да, именно пришли. Они шли строем не только никого не боясь и не таясь, они шли на раненых и беспомощных бойцов. Растерзать, съесть человека. Они шли на кровь.

Медицинский персонал каждую ночь дежурил в палатах. Свет не выключали ни в палатках, ни в ординаторских.

Принесли кошку. Крысы ее съели и хотели еще. Вторую тоже съели. Третья спряталась в кровати у бойца. Тогда медики обратились к пожилой женщине, зная, что у нее кошка-крысолов.

Появилась Мусенька. Черная кошечка в белых «перчатках» и «чулочках». Она уверенно, но грациозно пошла по палатам. Что-то было в этой кошке такое, что сразу у всех возникла уверенность, что мы победим. Но Мусенька превзошла все самые смелые ожидания. Она оказалась не только охотницей, но еще и великой актрисой. Как только «крысиная армия» по привычке своей безнаказанности пошла в наступление, кошка медленно, не торопясь, повернула голову и посмотрела людям в глаза: «Смотрите и запоминайте!» Крысы толпой бросились на кошку, но уже через несколько минут был первый трофей: лежали две дохлые. Никто даже не понял, как это произошло. Еще атака — и еще две. Не давая крысам опомниться, Мусенька перешла в «контрнаступление». И что тут началось! Крысы с криком: «Спасайся, кто может!» бросились врассыпную. Ну не тут-то было. Мусенька на бешеной скорости гналась за крысой. По стенам, по людям. Есть. Следующая. Бойцы, укрывшись одеялами так, чтоб оставались одни глаза, следили за боем.

Наутро главный врач увидел, что перед его кабинетом выложены в ряд дохлые крысы, а Мусенька сидит рядом. Их оказалось пятнадцать!

Мусеньку поставили как бойца на довольствие. Стали выдавать молоко, которое полагалось только тяжелораненым. Сами бойцы были готовы поделиться всем со своей любимцей. Ведь она же не только каждую ночь избавляла их от крыс, но устраивала настоящий цирк.

Причем дальше порога госпиталя Мусенька на бой не выходила. И сложился между животным и людьми немой договор. Она уничтожает крыс, а они смотрят и восхищаются ею. Так Мусенька внесла свою лепту в победу.

Танечка

Красная армия освобождала свою землю, и чем дальше двигалась на Запад, тем страшнее вскрывалась правда о войне. Больше всего поражали зверства немцев над мирным населением. Особенно, когда это делали те люди, которые по профессии своей должны были оказывать помощь нуждающимся в ней. Это медики. Врач всегда давал клятву Гиппократу быть верным своей профессии, а не идеалом.

На квартире, где жили сотрудники госпиталя, была и моя прабабушка. Она обратила внимание на милую грустную девочку, которая не играла, не бегала, только с удовольствием рассматривала книжки. Елизавета Владимировна спросила свою квартирную хозяйку, не хочет ли она, чтобы ее доченьку подлечили в госпитале. Женщина сказала, что очень благодарна за это и готова день и ночь стирать, гладить белье раненым бойцам. И рассказала следующее.

Здесь, в Крыму, в их небольшом городке, немцы устроили реабилитационный центр для больных и раненых солдат вермахта.

Для восстановления сил использовали наших детей. На глазах матерей отбирали их детей в центр и сортировали по «надобностям». Потом растерзанные тела выбрасывали в яму. Кровь у ребенка брали два раза. Сначала половину, а потом оставшуюся половину.

Вот однажды она шла ночью по дороге домой. Перед ней затормозила легковая машина. Из нее вышел немецкий офицер в форме СС. На руках он держал спящего ребенка. Эта была чудесная белокурая девочка трех лет. Кудряшки на волосах, ротик полуоткрыт. Офицер молча сунул ребенка обомлевшей женщине и, резко развернувшись, сел в машину и уехал.

Что толкнуло его на этот шаг — спасти от верной смерти Танечку?

Об этом никто и никогда уже не узнает. Да это и неважно. Важно то, что она осталось жива, и этому офицеру ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ было не чуждо.

Надежда

Первые месяцы войны отступала наша армия, оставляя целые деревни и города. А немцы все шли и шли на Восток. Гордые, веселые. Как на пикник шли. Практически не встречая сопротивления. Попадали наши части в окружение. А понятия были устаревшие. Проиграл — складывай оружие. Вот и складывали. Не знали еще тогда, что у немцев пощады нет. Погнали людей на Запад. Те, кто мог, убегал от немцев еще в дороге в ближайшие леса. Там такие беглецы объеди-

нялись по интересам. Кто просто прятался от войны, а кто пытался прорваться к своим. Оружия брошенного было в лесу предостаточно. Поэтому выбор был, с кем идти и куда идти. В деревнях немцы начали устанавливать свою власть. Проводились агитации, что Красная армия разбита и теперь будет здесь и всегда Великая Германия. А сейчас нужно всем работать. Arbeiten, arbeiten, arbeiten.

Ну а чтобы легче было разъяснить это недочеловекам, нужен был переводчик. Вот и искали тех, кто знал немецкий язык. А еще вербовали себе ищеек среди местных жителей, кто был советской властью обижен или недоволен. Из всех, кто хотел с этой властью почитаться. Действительно, были люди, которые считали, что немцы сейчас же их отблагодарят. Например, на Украине. Но скоро разобрались, что к чему. Поэтому советское командование оставляло в тылу врага партийцев: секретарей комсомольских и партийных организаций для проведения в тылу врага диверсий, для освобождения пленных красноармейцев, попавших в окружение. Да и много того, что на первый взгляд незначительно, а все равно хоть на один день, но задержит движение немцев на Восток. Чтобы лучше знать, что немцы завтра предпримут, нужен разведчик, свой человек при штабе. А где найти такого человека? Чтоб свой был наверняка и подозрение у немцев не вызвал. Вот и искали среди тех, кого сами когда-то обидели.

В одном из сел ставку сделали на Надежду Михайловну Сакк. Сама дворянка, муж — обрусевший немец. Они были высланы из Ленинграда в белорусскую глубинку. Муж умер, Надежда Михайловна преподавала в школе немецкий язык.

Когда немцы вошли в село, им сразу же стало известно, что Надежда Михайловна знает немецкий язык. Вот так она была внедрена в переводчики. «Разбойники» были в лесах, поэтому в их село поставили часть СС. В ее маленьком, но самом чистом домике расквартировали полковника СС. Он в комнате, она на кухне. Каждый раз, проходя мимо нее, говорил: «Guten Tag!» и шел дальше в свою комнату. Утром выходит, говорит: «Guten Morgen!» и на службу. Днем Надежда Михайловна всюду успевала, то там с фашистами нужно быть, то там. Вот и косились бабы на Надежду, что это она с немцами якшается, хотя многих она спасла от виселицы.

Не знали они, что передает уже пожилая женщина сведения партизанам, без которых они и действовать не смогли бы.

Однажды сидит на своей кухне Надежда Михайловна и альбом свой семейный рассматривает. Мимо, как обычно, немец с холодной миной проходит. «Guten...» И вдруг как другой человек перед ней за секунду стал. Пальцем тычет в альбом и на чистом русском языке кричит: «Это кто? Это кто?». — «Это мой муж», — отвечает ошеломленная учительница. «Это мой учитель в университете. Это он! Это он!» Оказалось, что не немец он, а русский, бывший самый блестящий любимый ученик мужа Надежды Михайловны. Во время Первой мировой войны был призван на фронт. Естественно, как офицер. Там, на фронте, и застала его революция. Видел, как солдаты бежали и оставляли свои окопы. Позорный Брестский мир. Большевики. Разруха, голод, пьяные толпы с красными флагами. Разграбленные

дома. И митинги, митинги, митинги. Не принял этот кошмар. Вместе с остатками Белой армии был вынужден эмигрировать. Здесь, в России, остались двое детей, жена умерла. Вот он и идет мстить большевикам. Ну что тут сказать! Долго они проговорили под лампадой перед иконой Божьей Матери. Убедила все-таки. Как бы ни велико его горе, как бы ни дорога ему потеря и детей и Родины, которую он любил, как бы он ни скорбел, что его карьера великого ученого погибла, все равно идти на свое Отечество нельзя. Нельзя идти не только против своих детей, но против своих предков, которые всегда защищали свою землю от захватчиков. Фашисты же несут смерть каждому, который здесь живет, а на него самого смотрят как на временный подсобный материал. Дети же его явно выросли в детском доме, хоть и с новой идеологией, но со старым патриотизмом.

И наверняка женились, родили детей.

И наверняка воюют против оккупантов, защищая своих детей.

Через сутки он подошел к ней, поцеловав руку, сказал: «Вот, пришел к вам проститься. Я жил надеждой отомстить за детей. Теперь ее у меня нет. Вы ее отняли».

Через год пришли наши. Все радовались освободителям! Смеялись. Все участвовали в этом веселье, кроме учительницы немецкого языка. «А-а, дождалась немецкая с...а! Кончился твой праздник».

Итак, завтра на допрос. Ее будут бить, истязать и повесят те, для которых она столько сделала. Нет, она не сможет это вынести. Партизаны далеко, кто сможет подтвердить, что она не из тех, кто пособничал немцам? Кто?

И решила она повеситься. Закрыла дверь, сделала петлю, вдруг... Стук в дверь. «Надежда Михайловна, откройте дверь. Это я — ваша Ксюша». — «Зачем я тебе, иди на праздник». — «Я вам, Надежда Михайловна, картинку принесла», — отвечает ее любимая ученица. «Уйди, приходи завтра, я моюсь», — отвечает ей учительница, стоя на табуретке с петлей на шее. «Хорошо, я приду завтра, но картиночку я вам под дверь просуну».

И вот видит Надежда Михайловна, что из-под двери появляется Христос, протягивающий руку утопающему грешнику. Вот тут и произошло отрешение. Что ж она делает! Нельзя терять надежду на Бога. Всю ночь она простояла на коленях, молясь перед святым образом.

Утром за ней пришли... Те, которых она ждала. Партизаны, вместе со своим парторгом, который уже сам разговаривал с односельчанами и разъяснял им, КТО ТАКАЯ НАДЕЖДА!

Комментарий редакции. Предлагаемые ниже работы о Г. Распутине подготовлены по просьбе редакции журнала. Фигура этого человека до сих пор вызывает нескончаемые споры. С другой стороны, в ней, как в зеркале, уже легко усматривается противоречивость самого русского сознания, часто неспособного видеть и понимать очевидные, но сложные по смыслу явления. То есть русский ум странным образом порой умудряется видеть то, чего и нет вовсе и тут же совсем не видеть того, что вполне существует. Иначе говоря, в разумном или достоверном восприятии этой исторической личности, видимо, и кроется избавление всех нас от навязчивых чар любви к «черному пиару», немотивированным выдумкам, которые и поныне отравляют нашу жизнь, превращая ее в несчастное бытие без какого-либо достойного будущего. Полагая, что данные публикации внесут свою лепту в упомянутое выше *национальное прозрение*.

Вадим Петров

ГРИГОРИЙ РАСПУТИН: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ БИОГРАФИИ

Была война. Была Россия.
И был салон графини И.,
Где новоявленный Мессия
Тянул холодное Аи.

Его пластические позы
Вне этикета, вне оков.
Смешался запах туберозы
С ядреным запахом портков.

*Стихотворение времен Первой мировой войны.
Цитируется по памяти, автор неизвестен.*

О том месте, которое занимает тема Распутина в мировой литературе, хорошо сказано, например, в книге А. П. и Д. А. Коцюбинских: «Сегодня Григорий Распутин — такой же фирменный знак России, как Великая русская литература или Великая русская революция. Распутина знают. О нем снимают фильмы. Пишут книги. О нем поют. Его именем называют магазины, рестораны и горячительные напитки. О нем спорят. Отечественные СМИ то и дело ищут — и успешно находят — очередных кандидатов в “Распутины наших дней”».

Мировая распутиниана регулярно пополняет свой библиографический список огромным числом газетных, журнальных и энциклопедических ста-

тей, а также изрядным количеством брошюр и книг.

Но странное дело: несмотря на жар, многословность и продолжительность дискуссий о Распутине, не только исторический феномен “рокового старца”, но даже сама его личность не становятся в итоге ни на йоту более понятными, чем на рубеже 10–20-х годов прошлого века, когда распутинская тема переживала период первоначального информационно-аналитического накопления.

Создатели “новых версий” в большинстве случаев либо используют старые — “хрестоматийные” — мифы о “последнем временщике последнего царя”, либо пытаются конструировать оригинальные гипотезы, главной и за-

частую единственной опорой которых является художественное воображение их авторов.

Основная причина такой — тупиковой в историографическом плане — ситуации заключается в том, что распутинская тема, несмотря на всю ее очевидную значимость, по сей день воспринимается профессиональными историками как своего рода “закуска” или “клубничка”, недостойная претендовать на роль серьезного монографического блюда» [1].

Как можно видеть из процитированного источника, тема Распутина является очень многогранной и, следовательно, объемной. Поэтому в предлагаемой вашему вниманию статье мы будем рассматривать только два небольших аспекта из богатой событиями жизни Григория Ефимовича Распутина, сведения относительно которых широко известны в литературе. Это его так называемое «Предсказание», а также эпизод, который обычно именуется как «скандал в московском ресторане “Яр”».

Уже более ста лет Распутина большое количество людей считали и считают эталоном предсказателя будущего. В начале XXI века, когда от Распутина остались только одни воспоминания, можно «без гнева и пристрастия» сделать попытку разобраться в его возможностях и его прегрешениях, если таковые действительно были. По этому поводу можно провести небольшое расследование, которое, как можно надеяться, прояснит некоторые моменты.

Приведем в качестве примера письмо, известное как «Предсказание Распутина Царской Семье» или «Предсказание Распутина Николаю II». Это письмо уже более 90 лет мусолится различными авторами в качестве доказательства особого провидческого дара Распутина, точно предсказавшего не только свое убийство, но и трагическую гибель Царской Семьи. Вот как описывается его появление: «Позже, в 1916 году, Распутин диктовал другое, похожее пророческое послание, озаглавленное: “Дух Григория Ефимо-

вича Распутина-Нового из села Покровского”: “Я пишу и оставляю это письмо в Петербурге. Я предчувствую, что еще до первого января я уйду из жизни. Я хочу русскому народу, Папе, русской Маме, детям и Русской Земле наказать, что им предпринять. Если меня убьют нанятые убийцы, русские крестьяне, мои братья, то тебе, Русский Царь, некого опасаться. Оставайся на твоём Троне и царствуй. И ты, Русский Царь, не беспокойся о своих детях. Они еще сотни лет будут править Россией. Если же меня убьют бояре и дворяне, и они прольют мою кровь, то их руки останутся замаранными моей кровью, и двадцать пять лет они не смогут отмыть свои руки. Они оставят Россию. Братья восстанут против братьев, и будут убивать друг друга, и в течение двадцати пяти лет не будет в стране дворянства. Русской Земли Царь, когда ты услышишь звон колоколов, сообщающий тебе о смерти Григория, то знай: если убийство совершили твои родственники, то ни один из твоей Семьи, т. е. детей и родных, не проживет дольше двух лет. Их убьют. Я ухожу и чувствую в себе Божеское указание сказать Русскому Царю, как он должен жить после моего исчезновения. Ты должен подумать, все учесть и осторожно действовать. Ты должен заботиться о твоём спасении и сказать твоим родным, что я им заплатил моей жизнью. Меня убьют. Я уже не в живых. Молись, молись. Будь сильным. Заботься о твоём избранном роде. Григорий”. Арон Симанович, секретарь Распутина, говорит, что отнес письмо Императрице. Хотя она никак прямо не отреагировала на его содержание, Симанович говорит, что она попросила не показывать его Царю, вероятно, боясь, что оно может негативно сказаться на его душевном спокойствии, особенно в то время, когда он был полон забот о событиях на фронте. Симанович говорит, что он вручил письмо на хранение митрополиту Питириму и уверяет, что после убийства Царской Семьи письмо было ему возвращено вместе с другими записями

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Распутина. Бернард Парес, известный английский писатель и историк, вспоминает, что видел фотографию этого письма в 1934 году в Париже» [2].

При ознакомлении с текстом пророчества, авторство которого приписывается Распутину, возникает ряд вопросов. Каких российских «бояр» начала XX века мог обнаружить хоть Распутин, хоть кто другой, в конце концов, не очень и важно. Мы вполне можем допустить, что недостаточно грамотный Распутин называл «боярами» тех представителей правящих кругов, которые по своему положению были выше многочисленных российских дворян. Уверенность в том, что о его смерти монарху сообщает непременно «звоном колоколов», а не обычной телеграммой, также можно было бы отнести на счет склонности Распутина к впечатляющим метафорам. Не будем обращать внимания на странное выражение «русской Маме», хотя у некоторых лиц оно может вызвать ассоциации с выражением «к такой-то матери». Есть гораздо более серьезные соображения. Почему документ столь большой важности Распутин не сам лично вручил Николаю II, а доверил отнести секретарю Симановичу? А последний взял да и не доставил такое важное письмо адресату. А вручил письмо Императрице. Императрица же, в свою очередь, документ такой важности не стала хранить у себя, а почему-то отдала назад Симановичу. А сам Распутин тоже не удосужился поинтересоваться у Царя о впечатлениях от предсказания. Все эти приключения письма с предсказанием такой принципиальной важности представляются весьма странными.

Следующее соображение. Распутин пишет принципиально важные для Царской Семьи и страны указы: «Я хочу русскому народу, Папе, русской Маме, детям и Русской Земле наказать, что им предпринять», «Я ухожу и чувствую в себе Божеское указание сказать Русскому Царю, как он должен жить после моего исчезновения». Отлично. Посмотрим, каковы же советы

Распутина, которые должны спасти Царскую Семью и облагодетельствовать государство. Всего в тексте «пророчества» можно обнаружить шесть советов. Первый совет. «Ты должен подумать, все учесть и осторожно действовать». Совет, что и говорить, действительно бесценный. До такого способа действий хоть Николаю II, хоть Александре Федоровне, а уж любому из министров и подавно никогда и ни за что на свете самостоятельно не додуматься. Совет второй. «Ты должен заботиться о твоём спасении». Тоже очень ценно. Правда, хорошо было бы еще и указать путь или пути спасения. Ведь из текста непонятно, идет речь о физическом или, наоборот, о сугубо духовном спасении. Причем никого другого из Царской Семьи, очевидно, спасти не обязательно. Совет третий. «Ты должен сказать твоим родным, что я им заплатил моей жизнью». Тоже весьма интересно. Но непонятно, кому сказать: то ли Александре Федоровне, цесаревичу Алексею и дочерям, то ли, наоборот, тем императорским родственникам, которые, по Распутину, являются одними из многочисленных кандидатов на амплуа исполнителей предстоящего в недалеком будущем убийства? А главное, зачем это говорить? Что эта информация, доведенная до сведения «родных», может изменить и на что повлиять? Четвертый совет. «Молись, молись». Ценно, но непонятно. Неужели Распутин считал, что до этого совета Николай II не молился? Или высказывал намерения после смерти Распутина отказаться от обычной молитвы? Совет пятый. «Будь сильным». Неужели до этого откровения Распутина все ближайшее окружение Николая II советовало ему быть исключительно слабым? Шестой и последний совет. «Заботись о твоём избранном роде». Так и видится, что до этого Николай II не обращал на свою семью никакого внимания и не заботился о ней. Либо же заботился, но намеревался после смерти Распутина прекратить всякую заботу о семье. Такого рода советов без особого напряжения умственных сил способен во

множестве надавать первый встречный, и выполнять их будет очень легко. Правда, вряд ли даже строгое исполнение подобных наказов может гарантировать что-либо. В особенности оказать сколько-нибудь эффективное противодействие разнообразным политическим опасностям. Кроме того, если автора письма убьют «твои родственники», то все наставления сразу теряют смысл. Ведь в этом случае «ни один из твоей Семьи, т. е. детей и родных, не проживет дольше двух лет», какие бы дальнейшие меры Николай II не предпринимал.

И в довершение. Из письма в целом можно сделать вывод о том, что никакой «магической силы» у Распутина не было. Иначе как объяснить тот факт, что Распутин, заранее зная, что на него готовится покушение, допустил свою смерть? Причем он сам не мог предвидеть, кто именно будет его убийцей: то ли «нанятые убийцы, русские крестьяне, мои братья», то ли некие абстрактные «бояре и дворяне», то ли «твои родственники», то есть родные императора Николая II? И если уж Распутин не мог спастись даже от предвидимой им собственной гибели, то какие могли быть основания верить, что он своими предсказаниями и указаниями сумеет предотвратить будущие неприятности Царской Семьи?

Но нужно допустить и другой случай. Если бы кто-то принял это послание за истину и поставил себя на место Николая II, то такому человеку, очевидно, мог бы представиться единственный путь спасения. Причем в строгом соответствии с письмом. Необходимо было как можно скорее, пока не появились убийцы из числа «бояр и дворян» либо «родственников», сработать на опережение. И поручить кому-нибудь из доверенных лиц подыскать людей, соответствующих признакам «нанятые убийцы, русские крестьяне, мои братья». А потом сделать так, чтобы уже эти исполнители и совершили убийство Распутина. Таким образом, с неизбежностью должна будет сбыться как раз именно та часть предсказания, в которой и

говорится: «Если меня убьют нанятые убийцы, русские крестьяне, мои братья, то тебе, Русский Царь, некого опасаться. Оставайся на твоём Троне и царствуй. И ты, Русский Царь, не беспокойся о своих детях. Они еще сотни лет будут править Россией». Государство будет в полной безопасности и все останутся довольными, кроме, разумеется, Г. Е. Распутина. Если же говорить серьезно, то такой неочевидный и парадоксальный вывод из «предсказания Распутина» может свидетельствовать лишь о его фальшивости.

Таким образом, подробное изучение «предсказания» позволяет сделать следующий вывод. Скорее всего, оно является именно фальшивкой, состряпанной задним числом, вероятно, упомянутым Симановичем или кем-то из его ближнего круга.

Вот еще одно предсказание Распутина. «Распутин всегда предчувствовал, что умрет насильственной смертью. Он часто говорил с глубоким убеждением в голосе: “Пока я жив, все будет путем, но после моей смерти потекут реки крови. Но с “Папой” и “Мамой” (так он называл Государя и Государыню) ничего не случится”» [3]. В какой степени сбылось это предсказание в отношении «Папы» и «Мамы», предоставим судить читателю, знающему историю. Ведь с «Папой» и «Мамой» после гибели Распутина произошли многие и многие неприятности.

Можно привести и такой пример. Вот отрывок из письма Александры Федоровны Николаю II. «Ц[арское] С[ело]. 7 сентября 1916 г. ... Хотя я и очень устала, все же хочу начать письмо сегодня же вечером, чтоб не позабыть того, что наш Друг мне сказал. Я передала Ему твой привет, и Он шлет тебе Свой привет и говорит, чтоб ты не беспокоился, что все пойдет хорошо» [4]. Зная дальнейшие события, можно оценить степень правильности предсказания Распутина. Что же именно «все» в дальнейшем «пошло хорошо»? Убийство самого Распутина через три с половиной месяца? Или отстра-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

нение Николая II от власти менее чем через полгода? Если это, по мнению Распутина, следует обозначить термином «все пойдет хорошо», то что же тогда, с его точки зрения, должно было пониматься, как «все пойдет плохо»?

Перейдем к вопросу о событиях, широко известных в литературе как «скандал в ресторане “Яр”». Начнем с их освещения генерал-майором Джунковским, до августа 1915 года занимавшим пост шефа, то есть главы Отдельного корпуса жандармов и по должности являвшегося товарищем (в современной терминологии, заместителем) министра внутренних дел. «Вернувшись в Петроград [судя по предыдущим записям в его мемуарах, 13 мая 1915 года. — В. П.], я нашел у себя целый ряд донесений о Распутине за последние месяцы, привожу некоторые из них. ...» [5]. Далее на страницах 552–553 тома 2 его мемуаров имеется довольно много донесений о Распутине, совершенно не относящихся к ресторану «Яр». Потом автор продолжает: «В последнем донесении из Москвы [в числе других автор воспоминаний в своей книге это донесение как раз и не приводит. — В. П.] я обратил внимание на недостаточное освещение поведения Распутина в загородном московском ресторане “Яр”, и потому приказал Департаменту полиции затребовать от Московского охранного отделения по сему поводу более подробные сведения. Это, очевидно, встревожило градоначальника Адрианова, который приехал ко мне в Петроград, кажется 15 или 16 мая, чтобы лично доложить о поведении Распутина в ресторане “Яр”, не решаясь это изложить письменно. Такое малодушие с его стороны меня крайне неприятно поразило. Выслушав его подробный доклад о возмутительном, непристойном поведении Распутина, и при этом в весьма подозрительной компании, я предложил Адрианову, приехав в Москву, письменно изложить мне все доложенное и прислать при письме. Это ему не особенно понравилось, но возражать он мне не мог и обещал ис-

полнить. После этого прошла неделя, а от Адрианова никакого донесения не поступило. Я послал тогда депешу с предложением немедленно прислать требуемое по делу Распутина. Наконец, я вынужден был командировать в Москву особое лицо с письмом, с тем чтобы градоначальник препроводил мне свой ответ с этим лицом, и только тогда я получил требуемое. Это было 27 мая. При этом Адрианов все же не решился написать что-либо от себя, а препроводил мне только подлинный рапорт пристава 2 участка Сушевской части подполковника Семенова о происшествии в ресторане “Яр”, без номера и без числа. Все это доказывает, как боялись все возбудить против себя неудовольствие этого проходимца и шарлатана». Здесь, по Джунковскому, выходит, что Адрианов должен был что-то написать «от себя». То есть написать о Распутине так, как будто бы он, Адрианов, лично присутствовал в ресторане «Яр» во время посещения его Распутиным. Тогда, если бы Адрианов написал что-то о Распутине, якобы лично виденное им 26 марта 1915 года в ресторане «Яр», то он бы попал «на крючок» к Джунковскому. Ведь благонамеренные чиновники стали бы подозревать, что Адрианов не просто так ночью находился в загородном московском ресторане, а, наверное, захотел попробовать «певичек». Враги Распутина стали бы подозревать Адрианова в том, что он специально приехал ночью в ресторан на поклон к Распутину. И в результате для всех окружающих Адрианов оказался бы в ложном положении. Рапорт подполковника Семенова гласил следующее: «Его превосходительству московскому градоначальнику. Рапорт. В ночь с 26 на 27 марта сего года в ресторан “Яр” приехал Распутин в компании с Соедовым, Решетниковой и еще какой-то молодой женщиной и вызвали в ресторан Кугульского [внизу страницы 553 имеется сноска: “Видный корреспондент московских газет (*Примеч. В. Ф. Джунковского*)”]. — В. П.]. Распутин приехал уже выпивши. Вся ком-

пания заняла отдельный кабинет, пригласили русский хор и заказали себе ужин. Распутин требовал, чтобы хор пел, заставляя плясать циничные танцы, сам плясал русскую, подсаживал к себе певиц и говорил с ними всякие двусмысленности, приглашая к себе на квартиру. Распутин, позволяя себе непочтительно упоминать имя императрицы, говорил: “Воображаю, как на меня злилась бы, если бы увидела меня сейчас”. Затем, показывая на свой кафтан, хвастал певицам, говоря, что кафтан ему шила сама императрица. Распутин вообще вел себя крайне цинично с самого начала, как только пришли певицы [сноска внизу страницы 554: «Далее полторы строчки зачеркнуто». — В. П.] говоря, что он всегда так знакомится с женщинами. За все платила бывшая с Распутиным молодая женщина, которую он заставлял платить и певицам. Распутин дал нескольким певицам записки, написанные им. В записках были различные изречения, например: “Люби бескорыстно” и т. д. Вся компания пробыла в кабинете около двух часов и уехала. Распутин всем объявлял, кто он такой. Подполковник Семенов» [6].

Далее Джунковский пространно повествует о своих дальнейших действиях. «Получив этот рапорт, я приказал уже лично начальнику охранного отделения в Москве подполковнику Мартынову, помимо градоначальника, подвергнуть его разработке по существу и выяснить участие в этом кутеже всех лиц, окружавших Распутину. Мартынов тотчас же исполнил данное ему поручение и донес следующее:

“Дополнительно собранными секретным путем сведениями выяснились те условия, при каких происходила поездка в марте сего года известного Григория Распутину в московский ресторан “Яр”, о каковой поездке было мной донесено ранее особым докладом.

В кругах московских дельцов средней руки, не брезгующих подчас делами сомнительной чистоты, давно вращается дворянин, занимающийся отчасти литературным трудом, Нико-

лай Никитич Соедов. Названное лицо, прожив давно имевшийся у него когда-то капитал, уже 25 лет живет в Москве без определенных занятий, занимаясь отчасти комиссионерством, отчасти литературой, и имеет знакомства в самых широких слоях Москвы. За это время круг его афер, естественно, сужался по мере того, как за ним упрочивалась репутация “темненького” человека, живущего подачками, мелкими займами и кое-какими перепадающими доходами, иногда не совсем из чистых источников. Литературный труд Соедова ограничивается уже давно участием в бульварной прессе и помещением изредка статей в “Петроградских ведомостях” с хроникой из московской жизни; в этих статьях Соедов постоянно не забывал упоминать в самом хвалебном тоне о действиях московской администрации, чем стремился быть, как он полагал, полезным и приятным лицом. В этом смысле он неуклонно пользовался каждым случаем, чтобы напомнить о себе московскому градоначальнику Свиты его величества генерал-майору Адрианову.

Будучи весной сего года в Петрограде, Соедов, рассчитывая на влияние и связи Распутину в высших сферах Петрограда, попал к нему как представитель прессы, познакомился с ним и сумел, видимо, заинтересовать собой последнего. Во время приезда Распутину в Москву в марте сего года Соедов немедленно явился к нему и принялся за проведение чрез Распутину придуманного им за это время плана принять поставку на интендантство солдатского белья в большом размере. Соедов, конечно, в этом деле рассчитывал не на непосредственное участие, а на комиссионерское [вознаграждение. — В. П.] и привлечение к этому делу лиц из сравнительно денежной среды, которые бы могли этим делом заработать деньги. Видимо, еще в Петрограде Соедов заинтересовал Распутину этим делом и обещал ему известный процент с него, если Распутин выполнит, благодаря своим связям, проведение этого дела в интендант-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

стве. Распутин, обещая поддержку, указывал на неизменное покровительство ему в этом деле, которое он рассчитывал встретить в лице высоких особ.

Самая пирушка у “Яра” была как бы некоторой, необходимой в таких случаях, обычной в московских торговых кругах “вспрыской” предложенного дела. Так как Соедов еще ранее предложил своему хорошему знакомому, также очень известному в московских широких кругах газетному дельцу Кугульскому участие в названном подряде, то он вызвал его к “Яру” на упомянутую пирушку, и Кугульский, в счет ожидаемых благ, дал известную денежную сумму на устройство кутежа.

У “Яра” компания заняла кабинет, куда были приглашены хористки, причем Распутин, вскоре придя в состояние опьянения, стал вести себя более чем развязно и назвал себя.

Немедленно весть о пребывании Распутина в кабинете у “Яра” и его шумное поведение вызвали огласку в ресторане, причем хозяин ресторана Судаков, желая избежать неприятностей и излишнего любопытства, стал уверять, что это не настоящий Распутин, а кто-то другой, кто нарочно себя им назвал. Когда, однако, это дошло до Распутина, то он уже стал доказывать, что он настоящий Распутин, и доказывал это самым циничным образом, перемешивая в фразах безобразные намеки на свои близкие отношения к самым высоким особам.

Что касается самого дела о поставке белья, то, судя по тем же данным, оно ожидаемого успеха не имело, так как Соедов выяснил в конце концов, что предложенная им цена не более разнится от цены, предлагаемой интендантством, по крайней мере, копеек на 25 в штуке (что-то вместо ожидавшихся 1 руб. 30 коп. — около 1 руб. с чем-то, точно цифры не удалось установить). Предложенная поставка белья, таким образом, расстроилась”.

Все эти факты, собранные о Распутине, показались мне вполне достаточными, чтобы составить на основании

их докладную записку и представить ее Государю, так как не высказать своему монарху правду о Распутине я считал для себя нарушением присяги, и мысль эта меня давно преследовала, я только ждал, когда накопится достаточный материал и представится случай для личного доклада. Материал получился, оставалось ждать удобного случая для доклада, каковой, благодаря возникшим в Москве беспорядкам, представился очень скоро.

Одновременно с перепиской моей с Адриановым по поводу поведения Распутина в Москве пришлось мне постоянно сноситься с Юсуповым, вследствие многочисленных жалоб, поступающих из Москвы по поводу тех или иных распоряжений Юсупова, касавшихся, главным образом, мер, принимавшихся им относительно иностранных подданных воюющих с нами держав» [7].

Прочитав эту длинную цитату, выделите в ней то, что касается собственного поведения Распутина, которое можно было бы с натяжкой признать предосудительным. Всего несколько строк. А основную часть донесения Мартынова, которое, заметим, было написано, судя по тексту воспоминаний Джунковского, до погрома в Москве, составили сведения о плане заключения договора на поставку белья. Как можно понять, основным мотивом посещения ресторана «Яр» компанией с Распутиным были соображения отметить планируемое заключение этого договора. Забегая вперед, скажем, что в дальнейшем Джунковский и Мартынов изменили документы таким образом, что данный мотив посещения ресторана вообще не упоминался.

Теперь взглянем, как же происходила трансформация сведений о событиях в ресторане «Яр».

«...через десять недель после посещения Распутиным Москвы на имя Джунковского поступило письмо от начальника Охранного отделения Москвы.

На бланке начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве:

“5 июня 1915 г. № 291834

Совершенно секретно

Личное

Его превосходительству г-ну товарищу министра внутренних дел, командующему отдельным корпусом жандармов (Джунковскому).

По сведениям Пристава 2 уч. Сушевской части г. Москвы подполковника Семенова, 26 марта сего года, около 11 час. вечера, в ресторан “Яр” прибыл известный Григорий Распутин вместе с вдовой потомственного почетного гражданина Анисьей Ивановной Решетниковой, сотрудником московских и петроградских газет Николаем Никитичем Соедовым и неустановленной молодой женщиной. Вся компания была уже навеселе. Заняв кабинет, приехавшие вызвали к себе по телефону редактора-издателя московской газеты “Новости сезона”, потомственного почетного гражданина Семена Лазаревича Кугульского и пригласили женский хор, который исполнил несколько песен и протанцевал “матчиш” и “кэк-уок”. По-видимому, компания имела возможность и здесь пить вино, так как опьяневший еще больше Распутин плясал впоследствии “русскую”, а затем начал откровенничать с певичками в таком роде: “Этот кафтан подарила мне “старуха”, она его и сшила”, а после “русской”: “Эх, что бы “сама” сказала, если бы меня сейчас здесь увидела”. Далее поведение Распутина приняло совершенно безобразный характер какой-то половой психопатии: он будто бы обнажил свои половые органы и в таком виде продолжал вести разговоры с певичками, раздавая некоторым из них собственноручные записки с надписями вроде “Люби бескорыстно”, прочие наставления в памяти получивших их не сохранились. На замечания заведующей хором о непристойности такого поведения в присутствии женщин Распутин возразил, что он всегда так держит себя пред женщинами, и продолжал сидеть в том же виде. Некоторым из певичек Распутин дал по 10—15 руб., беря деньги у своей молодой спутницы, которая затем оплатила и

все прочие расходы по “Яру”. Около 2 часов ночи компания разъехалась.

Об изложенном вследствие телеграфного приказа от 31 минувшего мая за № 1330 имею честь донести Вашему Превосходительству.

Полковник Мартынов”.

Через два дня тот же полковник направляет Джунковскому еще одну бумагу.

На бланке начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве:

“7 июня 1915 № 300768

Совершенно секретно

Лично

Его Превосходительству г. товарищу министра внутренних дел, командующему отдельным корпусом жандармов. В дополнение к донесению моему от 5-го сего июня за № 291834 имею честь представить при сем Вашему Превосходительству одну из собственноручных записок Григория Распутина, из числа розданных им певичкам женского хора ресторана “Яр” при посещении им этого увеселительного заведения 26 марта сего года. Записка написана карандашом на обрывке листа писчей бумаги и крайне неразборчива по малограмотности ее автора, но, по-видимому, читается так: “Твоя красота выше гор. Григорий”.

Полковник Мартынов”.

К этой бумаге приложен конвертик с запиской на обрывке листа, почерк которой очень отдаленно напоминает почерк Распутина, а при внимательном рассмотрении мало похожий на него.

И все. Больше по этому делу никаких документов нет. Только две бумажки и плюс еще разные домыслы Мартынова по поводу событий.

Ни показаний свидетелей, ни протоколов допросов. В документе ссылаются на певичек и служащих ресторана “Яр”, но из них никто не допрошен.

Нет показаний ни Решетниковой, ни Кугульского, ни Соедова. Их просто не было.

То есть кроме рассказа некоего пристава 2-го уч. Сушевской части подполковника Семёнова, который знает это со слов других «неизвестных лиц», нет ни одного свидетельства, ни одного доказательства, кроме «записочки».

Я ее верчу в руках, рассматриваю со всех сторон. Даже если это и не подделка (а скорей всего, что подделка, я много видел записок с почерком Распутина, это самая непохожая), каракули написаны на ней так неразборчиво, что их можно трактовать как угодно. Например, ее можно прочитать и так: «Твое прошение вышли скорее». Потом опять же, если она изъята у какой-то певички, почему не указана фамилия, почему нет ее показаний?

Дело, еще не расследованное, предается широкой огласке в печати, обрастая там массой еще более фальшивых и неприличных подробностей» [8].

Попробуем разобраться в двух приведенных выше письмах полковника Мартынова на имя Джунковского. Начнем с первого письма, датированного 5 июня 1915 года. Действительно, в письме не указывается ни одной фамилии лиц из числа персонала ресторана «Яр». А ведь фамилии участников происшествия полиция могла очень легко установить хотя бы через владельца ресторана. Допустим, что «певички» могли часто меняться и всех их было не упомянуть. Но, по крайней мере, кто была «заведующая хором» вечером 26 марта, руководство ресторана должно было бы легко вспомнить. Потом полковник Мартынов приводит слова, якобы сказанные Распутиным. Напомним их. «...затем начал откровенничать с певичками в таком роде: “Этот кафтан подарила мне “старуха”, она его и сшила», а после “русской”: “Эх, что бы “сама” сказала, если бы меня сейчас здесь увидела». Если Распутин под «старухой» и «самой» имел в виду Александру Федоровну, то Мартынову следовало привести хоть какие-то сведения об этом. А если имелась в виду какая-то иная женщина или две женщины, также следовало бы написать, кто, по мнению автора, мог

являться ими. Но Мартынов этого не сделал. Уместно вспомнить такой анекдот. «Берия ведет арестованного Рокоссовского. Сталин спрашивает его: “Товарищ Берия. За что арестован Рокоссовский?” Берия: “Он сказал: “Усатая сволочь!”» Сталин в свою очередь спросил Рокоссовского: “Кого вы имели в виду?” Рокоссовский в ответ: “Конечно, Гитлера, товарищ Сталин!” Тогда Сталин спросил Берия: “А вы, товарищ Берия, кого имели в виду?”». Очевидно, с этих позиций могли бы оцениваться Николаем II и слова Распутина, якобы сказанные им относительно «кафтана», «старухи» и «самой». Как следует из первого письма полковника Мартынова, Распутин длительно воздействовал на певичек женского хора, в том числе и на руководительницу хора, проявлениями своей «половой психопатии». Ну, хорошо, допустим, что некоторым из певичек Распутин дал по 10–15 руб., беря деньги у своей молодой спутницы. Но почему же в «кабинете» оставались все остальные «певички»? Если допустить, что они являлись воплощением всех возможных добродетелей, то почему они не выскочили из кабинета и не устроили скандал по поводу поведения Распутина, если они были так им оскорблены? А если «певички» за “10–15 рублей” были готовы терпеть любые выходки гостя, то в чем вообще проблема? Джунковский и Мартынов, что, хотели выступить в качестве защитников оскорбленной добродетели «певичек»? А если нет, то чего добивался если не Мартынов, который выполнял указание своего начальника сообщить подробности, то сам Джунковский? Еще один момент, касающийся поведения Распутина. Полковник Мартынов в своем первом письме пишет: «Далее поведение Распутина приняло совершенно безобразный характер какой-то половой психопатии [выделено мной. — В. П.]». Рассмотрим же, какие признаки «совершенно безобразного характера» поведения и «половой психопатии» узрел Мартынов. Таких признаков при анализе текста его книги можно выделить всего три.

Первый. Распутин «будто бы обнажил свои половые органы и в таком виде продолжал вести разговоры». Второй. Он раздавал «некоторым из них [«певичек»] собственноручные записки с надписями вроде “Люби бескорыстно”». Третий. «...прочие наставления в памяти получивших их не сохранились». Обратим внимание, как начинается описание первого признака, согласно полковнику Мартынову, «половой психопатии». Распутин *«будто бы»* [выделено мной. — В. П.] обнажил...» Эти слова сразу заставляют усомниться, а обнажал ли Распутин вообще что-то. А если ничего не обнажил, то остаются только второй и третий очень странные признаки «полового психоза» Распутина в виде каких-то непонятных записок с присовокуплением к ним плохой памяти окружающих. Это же, согласно автору письма, одновременно является признаками поведения «безобразного характера». Полковник Мартынов, как опытный оперативник, явно оставляет себе пути к отступлению, написав «...будто бы обнажил...». Тем самым он зарезервировал себе на будущее возможность в зависимости от складывающихся обстоятельств корректировать свою позицию: либо утверждать, что Распутин «обнажил», о чем честно написано еще 5 июня 1915 г., либо, наоборот, Распутин вообще ничего и «не обнажил», а все это выдумки, ведь честно написано: «...будто бы...». Но если Распутин ничего «не обнажил», то тогда сразу же становятся ложью слова: «На замечания заведующей хором о непристойности такого поведения в присутствии женщин Распутин возразил, что он всегда так держит себя пред женщинами, и продолжал сидеть в том же виде». И в завершение обратим внимание на малозаметную концовку первого письма: «Об изложенном вследствие телеграфного приказа от 31 минувшего мая за № 1330 имею честь донести Вашему Превосходительству». Из этого следует, что, во-первых, письмо Мартынова от 5 июня является ответом на приказание Джунковского. А во-вто-

рых, это приказание было направлено сверхсрочным образом, по телеграфу (в то время наиболее быстрый способ передачи данных), что выглядит странным для запроса по поводу происшествия, случившегося 70 дней назад. Почему вдруг Джунковский 31 мая так срочно озабочился поведением Распутина 26 марта? Можно предположить, что это было связано с предстоящим на следующий день, 1 июня 1915 года, визитом Джунковского к императору [9]. Второе письмо полковника Мартынова, от 7 июня 1915 года, значительно менее информативно. Из него можно почерпнуть только содержание одной из записок Распутина. Если же рассмотреть сведения о записках Распутина, якобы написанных им в ресторане «Яр», то получится следующее. Согласно первому письму от 5 июня 1915 года: «...вроде “Люби бескорыстно”». Согласно второму письму от 7 июня 1915 года: «...по-видимому, читается так: “Твоя красота выше гор. Григорий”». Согласно же прочтению О. А. Платонова, записка может вообще быть поддельной, а возможное ее прочтение: «“Твое прошение вышли скорее”, а вообще, каракули написаны на ней так неразборчиво, что их можно трактовать как угодно». Вот полковник Мартынов трактовал их в удобном ему ключе.

Зададимся еще одним вопросом, на который авторы, исследовавшие жизнь Распутина, не обратили внимания: а что за «женский хор» был в ресторане «Яр». Неужели хористки пели песни из классического репертуара, например арии из опер? Вряд ли, явно не тот стиль для ресторанной атмосферы. Но ведь в письме полковника Мартынова от 5 июня 1915 г. сказано, что посетители «пригласили женский хор, который исполнил несколько песен и протанцевал «матчиш» и «кэк-уок»». Не кажется ли вам, уважаемые читатели, что это какой-то интересный хор. Хористки в нем поют, да еще и танцуют хорошо. Вроде бы сомнительно. Но это лишь на первый взгляд. Такое представление связано с распространенными в наше время стереотипами,

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

что бывают либо хор, либо танцевальный коллектив. А у хора танцы могут быть только в виде отдельных подтанцовок. Разгадка, как это часто бывает, может прийти неожиданно. Вспомните песню, которую часто исполнял в парижской эмиграции знаменитый певец Алеша Дмитриевич:

Соколовский хор у «Яра»
 Был когда-то знаменит.
 Соколовского гитара
 До сих пор в ушах звенит.

Вот и разгадка. Это был не просто хор, а цыганский хор. И танцевали они, в угоду собравшейся компании, обычные цыганские пляски с ресторанным акцентом. А «матчиш» и «кэк-уок» высосали из пальца либо сам полковник Мартынов, либо его подчиненные для придания особого аромата действиям Распутина. Дескать, как же, Распутин и его компаньоны заказали исполнить не патристическую русскую пляску вприсядку, а иностранные танцы, по тем временам слывшие «очень развратными». И понятно, что никаких иных европеизированных «женских хоров» в этом ресторане явно не было. А брать объяснения у цыганок было бы просто смешно. Представим себе то время, когда значение слова «цыган» в глазах официальных лиц зачастую было равнозначно значению слова «конокрад». Вот поэтому, очевидно, упоминать любые сведения о «певичках» Мартынов тщательно избегал.

И очевидно, что стопроцентно прав О. А. Платонов, когда написал, что почерк в этой «записке Распутина» не похож на почерк последнего. Ведь эту записку, если судить из двух писем полковника Мартынова, почему-то сумели обнаружить только между 5 и 7 июня 1915 г., так как раньше о ней не упоминали. Скорее всего, дело обстояло так. Написав в адрес генерала Джунковского письмо от 5 июня, полковник Мартынов захотел усилить эффект. С этой целью он решил получить собственноручную записку Распутина. И вот тут были возможны два

пути. Первый. Самому Мартынову или кому-то из его подчиненных корявым почерком написать записку, содержание которой должно было не очень отличаться от тех, о которых уже докладывалось ранее. Второй путь. Послать сотрудника охранного отделения в «Яр» и попытаться найти там собственноручные записки Распутина. Естественно, более «натуральным» является второй путь. И очевидно, таким путем и пошли. Оперативник приехал в «Яр» и стал опрашивать руководство цыганского хора о том, нет ли у кого записок Распутина. Но тут встала проблема. Хористки цыганского хора каждый день пели для десятков посетителей. Вряд ли кто из них, спустя два с лишним месяца после 26 марта, смог даже уверенно вспомнить события этого вечера, для кого и что они пели, какие записки кто им писал и писал ли вообще. Тем более, что им каждый день посетители писали массу записок, причем достаточно однотипного свойства, с признаниями в любви и т. п. Скорее всего, подаренные им деньги и золотые украшения хористки, разумеется, оставляли себе. Конфеты из подносимых бомбоньерок честно съедались. А вот записки, чахлые букетики и тому подобные вещицы, кроме уж очень оригинальных, сразу же шли туда, где им и надлежало быть, то есть прямоком в мусорные ведра. Но если к руководителю «Яра» пришел сотрудник охранного отделения и попросил записку, то его просьбу, конечно же, нужно исполнить. Цыгане люди весьма находчивые. И, как можем предположить, сотрудника попросили подождать, так как искать долго. А потом приволокли кучу «сегодняшних» и «вчераших» записок, которые еще не успели выкинуть. И сказали примерно следующее: «Все записки тогда мы свалили в кучу. Где-то здесь и те записки. Но где, не знаем». И торжественно вручили всю кучу, дескать, ищите сами. И Мартынову пришлось выбирать из них наиболее подходящую по почерку, стилю и содержанию. Либо он такую нашел с трудом только одну, либо не нашел подходя-

щей вообще и был вынужден пойти по первому пути, о котором мы уже говорили выше.

Наши соображения о составе хора подтвердили сведения, приводимые известным писателям Эдвардом Радзинским. Они проливают свет на многие интересующие нас обстоятельства.

Вот с любовью сделанное Э. Радзинским описание ресторана «Яр» и обстановки в нем. «Зимний сад, раскинувшийся под куполом, пальмы, кактусы, искусственные гроты, откуда по тропиночкам неслись к столикам услужливые официанты... “Гвоздем” ресторанной “культурной программы” был цыганский хор Лебедевых. Цыгане выступали в общем зале три раза за вечер, после чего хор приглашался в отдельные кабинеты, где и пел прямо перед большим столом. Посетители заказывали песни по своему вкусу и за каждый номер щедро платили. Солисты часто приглашались за стол. Но цыгане не пили во время работы, и гости это знали. Если кто-то приглашал в кабинет цыганку, с нею шла мать или сестра. Бывали и кровавые случаи: однажды пьяный офицер, отпустив хор, попытался задержать в кабинете хорошенькую плясунью. Отец велел дочери уйти, и тогда пьяный офицер застрелил его» [10]. Отсюда становится ясным, что в ресторане никаких «обнажений» со стороны Распутина не было и быть не могло. В противном случае, если Распутин только бы попытался обнажить что-то перед цыганками, то цыгане, будучи мужчинами сугубо племенных нравов, так бы его отлупили, что это не смогло остаться незамеченным окружающими. Далее Эдвард Радзинский приводит сведения, касающиеся уже интересующего нас дня: «...то, что случилось мартовской ночью 1915 года, Ром-Лебедев запомнил на всю жизнь. Он проснулся от шума и понял — опять гости. И вышел в коридор. Обычно официанты, пробегая, совали ему конфеты. Но сейчас они быстро проносились мимо — строгие и сосредоточенные. У входа в гостиную стояли жандармы — значит, приехал кто-то

очень важный... Грянула песня: “Григорий Ефимович, ай да молодец! Изволил ты пожаловать к цыганам наконец!...” Мальчик привычно припал к замочной скважине. Он увидел: хор в полном составе стоял у балконной двери, отец — впереди хора, мать — с краю. В центре стола сидел мужик в вышитой косоворотке. Ему поднесли бокал шампанского, хор загремел: “Пей до дна, пей до дна!” Началась цыганская пляска. И тогда его бабушка подошла к мужику и в пояс поклонилась, приглашая его танцевать. И он пошел — легко приседая, хлопая по голенищам сапог. Все вокруг ухало, подпрыгивало... Веселье кончилось только под утро. В отдельном кабинете “Яра” во время выступления *цыганского хора* [выделено мной. — В. П.] и произошло событие, о котором вскоре узнала вся Россия. В 1917 году по обстоятельствам этой *запутанной истории* [выделено мной. — В. П.] следователями Чрезвычайной комиссии были допрошены лица, которые могли пролить свет на случившееся» [11]. Заметим, что эту историю «запутали» прежде всего Джунковский и Мартынов. Посмотрим, как они объясняли происшедшее позднее, через два года, уже в 1917 году, в следственной комиссии Временного правительства.

«Из показаний Джунковского: «В марте 1915 года Московский градоначальник Адрианов доложил мне, что известный Григорий Распутин в Москве в ресторане “Яр” вел себя безобразно — спускал брюки, показывал свой детородный член и при этом хвалился, что рубашка на нем вышита Государыней... Я приказал дать делу законный ход. ...» [отточие в тексте. — В. П.]. Из показаний Мартынова: «Я тогда же вызвал подполковника Семенова, бывшего в то время приставом... в участке которого находился ресторан “Яр”. Семенов сообщил мне, что он находился в ресторане “Яр” в тот вечер, когда кутил Распутин. Последний приехал к “Яру” в небольшой компании... [отточие в тексте. — В. П.]. Заняли отдельный кабинет, пригласили певца и устроили кутеж... [отточие в тексте. —

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

В. П.] В настоящее время я всех этих подробностей не помню, так как прошло около 2 лет, но я тогда со слов названного Семенова подробно сообщил в департамент полиции... [отточие в тексте. — *В. П.*]» [12]. Здесь мы видим уже третий вариант трактовки событий. Оказывается, уже в марте 1915 года, то есть сразу же после событий, Джунковский, во-первых, знал от Адрианова о безобразиях Распутина, а во-вторых, сразу «приказал дать делу законный ход». А Мартынов, в свою очередь, сразу сообщил о событии в департамент полиции. Правда, о результатах «законного хода» дела, о котором якобы сразу, в конце марта 1915 года, распорядился Джунковский, до сих пор никому не известно.

А вот как о скандале с Распутиным пишет в своих воспоминаниях А. Т. Васильев, который в рассматриваемый период времени занимал пост вице-директора Департамента полиции. «Я был хорошо осведомлен, что одно из скандальных распутинских дел летом 1915 года привело к падению моего начальника генерала Джунковского. Во время одной из своих многочисленных поездок в Сибирь Распутин остановился в Москве и был приглашен в дом предпринимателя, с которым находился в дружеских отношениях. Будучи там, он совершенно определенным образом проявил знаки внимания к хорошенькой горничной, хотя она несколько раз весьма энергично пресекала его поползновения. Начальник Московского охранного отделения послал секретный рапорт о случившемся, и я передал его через начальника Департамента полиции товарищу министра внутренних дел генералу Джунковскому. Джунковский решил, что необходимо проинформировать Императора о происшедшем, и, честно говоря, сделал это довольно нетактично. В результате вскоре после этого случая министр внутренних дел князь Щербаков получил указание от Царя подыскать другой, более подходящий пост для своего помощника. Генерал Джунков-

ский, естественно, сделал правильный вывод из императорского выговора и ушел в отставку» [13]. Наглядный пример еще более кардинального изменения сведений о поведении Распутина. Как видим, «обнажение» стало «знаками внимания», несколько «певичек» трансформировались в одну «хорошенькую горничную», а место якобы произошедшего события из ресторана «Яр» переместилось в «дом предпринимателя».

Но такое развитие скандала с рестораном «Яр», на которое, как можем предполагать, рассчитывал Джунковский и стоящие за ним фигуры, не состоялось. Дальнейшие события разворачивались следующим образом. Снова предоставим возможность Джунковскому описать происходившее с ним 1 июня 1915 года. «Подготовившись к докладу по поводу беспорядков в Москве и приведя все документы в порядок, я решил воспользоваться представившимся мне случаем личного всеподданнейшего доклада и доложить Государю также весь материал, собранный мною о Распутине. Весь день 1 июня, до самого вечера, я просидел над составлением всеподданнейшей записки, в которой самым подробнейшим образом изложил все добытые факты, перечисленные выше и характеризовавшие Распутина с самой отрицательной стороны, называя все своими именами. В конце своей записки, в заключение, я написал, что я никогда бы не позволил себе вмешиваться в чисто личную и семейную жизнь Государя, если бы я не считал, что общение царской семьи с таким человеком расшатывает трон и грозит династии, и потому я бы не исполнил своего долга верноподданного, если бы скрыл от Государя хотя бы один из фактов, изложенных в записке.

К 6 часам вечера записка была готова, я ее перечел, исправил и дал моему верному секретарю Сенько-Поповскому, лично переписать на машинке, после чего черновик был мною уничтожен — мне не хотелось никого посвящать в это дело и оставлять в де-

лах какой-либо след. Знали об этом только Брюн де Сент-Ипполит — директор Департамента полиции и Никольский — начальник штаба Корпуса жандармов — оба верные и глубоко мне преданные сотрудники. Должен был я ознакомить с этой запиской и министра, так как не считал себя вправе без его разрешения представлять что-либо Государю. Маклаков одобрил мое намерение, расцеловал меня и с большим волнением отпустил. Я сказал ему, что доложу Государю, что эту записку я представляю не как товарищ министра по уполномочию министра, а лично от себя, как лицо Свиты Государя» [14]. Отметим, что записка о деятельности Распутина, во-первых, готовилась в качестве приложения к основной теме доклада — погромам в Москве. Во-вторых, записка готовилась в страшной спешке, экспромтом, утром и днем того числа, когда вечером Джунковский должен был получить аудиенцию у Николая II. Если бы Джунковский хотел так подать такую записку о Распутине, он должен был давно ее сделать и держать наготове. Возможно, что мысль составить эту записку родилась спонтанно еще 31 мая. Недаром же он направил именно 31 мая «телеграфное приказание» в Москву начальнику отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве полковнику Мартынову с требованием представить материалы о скандале в ресторане «Яр». Можно предполагать, что Джунковский ожидал, что Мартынов также телеграфом предоставит ему ожидаемые требования к вечеру 31 мая или к утру 1 июня. Но письмо в ответ на это приказание Мартынов направил только 5 июня, с дополнением к письму от 7 июня. Поэтому Джунковский при составлении «всеподданнейшего доклада», как и при личном докладе Николаю II, явно мог использовать только «старые» сведения о поведении Распутина в ресторане «Яр». Только поздним вечером этого дня Джунковский отправился на автомобиле из Петрограда в Царское Село, на доклад к Николаю II. «...я выехал

в Царское Село и около 10-ти вечера был уже в приемной Государя, где меня встретил дежурный флигель-адъютант Свечин. В 10 часов ровно отворилась дверь в кабинет Государя, и камердинер пригласил меня войти. Государь сделал несколько шагов ко мне навстречу и очень ласково протянул мне руку» [15]. После взаимных приветствий Николай II предложил шефу Отдельного корпуса жандармов сесть за стол и начать доклад. «Заняв указанное место, я подробно доложил Государю все, касавшееся беспорядков в Москве, высказал и свое личное мнение о причинах погрома, об удалении Адрианова, о назначении на его место Климовича и, наконец, о желательности senatorского расследования действий должностных лиц. ...Государь согласился вполне со всеми моими доводами — утвердил назначение Климовича на место Адрианова и поручил передать министру юстиции высочайшее повеление о назначении сенатора Крашенинникова для обследования причин беспорядков в Москве и действий должностных лиц» [16].

После этого Джунковский приступил к подаче своего основного блюда. «Покончив со всеми делами по поводу погрома в Москве, я не без волнения приступил ко второй части моего доклада — о Распутине. Не вынимая из портфеля моей всеподданнейшей записки о нем, я просил милостивого разрешения Государя высказать ему то, что давно меня как верноподданного тревожит и не дает мне покоя. Государь несколько изменился в лице, принял серьезное выражение и, пристально посмотрев на меня, сказал: “Пожалуйста, говорите”.

Сначала, как мне показалось, не связно, очевидно от волнения, начал я докладывать Государю, как проводит Распутин время вне Царского Села, но потом, мало-помалу воодушеваясь и видя, что Государь внимательно слушает меня и не останавливает, я все смелее и убедительнее стал доказывать все то зло, которое Распутин приносит династии, а этим самым и

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

России. Государь не проронил ни слова, все время пристально смотрел мне прямо в глаза и очень внимательно слушал, только бледность лица выдавала его волнение. Когда я кончил, Государь тихим голосом меня спросил: «У вас это все изложено, у вас есть памятная записка?» Я ответил утвердительно. «Дайте мне ее». Я открыл портфель и подал составленную мною всеподданнейшую записку. Государь ее взял, открыл средний ящик письменного стола и, положив ее туда, запер ящик на ключ. Наступило небольшое молчание, которое я прервал, сказав Государю, что эту записку я позволил себе составить лично как Джунковский, что она ни в каких делах министерства никогда не будет значиться и копии с нее не имеется, так как черновик мною уничтожен. Государь сказал: «Благодарю вас». Эти слова меня обрадовали и подбодрили — многие до меня, не исключая и лиц императорской фамилии, начинали говорить не раз о Распутине, но я был первый, которому Государь дал все высказать, которому не сказал: «Прошу не вмешиваться в мои личные семейные дела».

Ободренный, я стал высказывать Государю мои предположения, не является ли Распутин объектом, которым пользуются враги государства для гибели России и династии, и потому я прошу разрешения установить строжайшее наблюдение за всеми лицами, посещающими Распутину, и кого он посещает, а особенно за лицами, подающими ему прошения для передачи на высочайшее имя. Государь на это сказал приблизительно следующее: «Я вас даже прошу это выполнить, но все, что вы будете замечать, вы будете говорить мне непосредственно, это все будет между нами, я вас очень благодарю».

После этого Государь перешел на другие темы, не служебного характера. Была половина первого часа ночи, когда Государь меня отпустил и, прощаясь со мной, поблагодарил меня за мою преданность» [17].

Судя по его дальнейшим воспоминаниям, Джунковский довольно долго считал, что ему удалось добиться желаемого и оказать нужное ему влияние на Николая II по вопросу о Распутине. «Я вышел от Государя счастливый и довольный. Меня ожидал в приемной Свечин, который был очень заинтригован такой длительной аудиенцией. Я сказал, что доклад касался исключительно московского погрома. Разговорившись с Свечиным, я несколько задержался, вдруг открылась дверь в кабинет Государя, и его величество с фуражкой и палкой в руке вошел в приемную. Увидя меня, Государь опять подал мне руку и сказал: «Хочу немного пройтись, ночь чудная», — прошел через приемную в переднюю и вышел в сад.

Я зашел еще к Свечину в дежурную комнату, напился у него чаю и на автомобиле вернулся к себе в Петроград... После этого в течение двух месяцев Государь не пускал к себе Распутину, а ко мне все время был более милостив, чем когда-либо, очевидно, моя записка произвела впечатление» [18]. Вполне естественно, что автор доклада не мог знать, какие действия предпринял Николай II. И куда после доклада отправился император: на прогулку или куда-то еще. Относительно же Распутина Джунковский ошибся, и весьма существенно. Впрочем, об этом, в данном случае весьма важном обстоятельстве, мы более подробно расскажем несколько дальше, касаясь реакции Николая II.

Вот записи из личного дневника Николая II за этот день. «1-го июня. Понедельник. ...В 10 час. принял Джунковского по возвращении его из командировки в Москву по случаю беспорядков и погромов. Вечером посидел еще недолго у Ани» [19].

На основании приведенных сведений можно попытаться реконструировать ход дальнейших событий. После доклада Джунковского Николай II, очевидно, принял решение немедленно проверить полученные сведения,

которые показались императору важными, но во многом неправдоподобными. Поэтому Николай II уже после половины первого ночи был вынужден пойти к Вырубовой, которая жила не-вдалеке от дворца. То есть пойти в совершенно неподходящее для визитов время глубокой ночи. Читатели привыкли к мысли, внушенной им многими историками, о том, что Николай II был малообразованным государем. На самом деле, он имел образование в объеме специальных программ юридического и экономического факультетов Санкт-Петербургского университета, а также офицера Генерального штаба. В последнем качестве он имел солидную подготовку по военной разведке и контрразведке. Практика длительного руководства спецслужбами также дала ему многое. Вот поэтому он должен был, что называется, по горячим следам, узнать о поведении Распутина у Вырубовой.

Возможно, что именно в связи с полученной от Джунковского сведениями о Распутине Николай II уже на следующий день поехал навестить свою мать, вдовствующую императрицу Марию Федоровну. «2-го июня. Вторник. ...В 4:20 отправился в Аничков к Мама с Ольгой и Татьяной. Вернулся в 7 час.» [20]. Мы убеждены также, что Николай II хотел незамедлительно вызвать к себе и Распутина для получения соответствующих объяснений. Но этому явно помешала смерть великого князя Константина Константиновича, наступившая во второй половине дня 2 июня 1915 года. С вечера 2 июня и вплоть до 8 июня у императора многое было связано со смертью великого князя [21]. Очевидно, что при данных обстоятельствах назначить встречу с Распутиным Николай II не имел возможности. Но уже на следующий день после похорон великого князя император встретился с Распутиным. «9-го июня. Вторник. В 9 $\frac{1}{4}$ поехал в город... В 3 $\frac{1}{2}$ вернулся в Ц. [арское] С.[ело] ...В 6 час. принял Сазонова. Обедали на балконе... Вечером посидели с Григорием...» [22]. Можно

предполагать, что на этой встрече в какой-то форме обсуждались вопросы, связанные с докладом Джунковского. Но сам автор доклада о данной встрече не узнал, о чем свидетельствуют процитированные выше его воспоминания. В конце концов, император мог прийти к неблагоприятным для Джунковского выводам. А именно, что последний, собирая досье на Распутина, на самом деле в гораздо большей степени собирает досье на самого Николая II, членов его семьи и близких к императору лиц. А допускать такое было опасно. Да еще в условиях стремительно ухудшающейся для России обстановки на фронтах. И шеф Отдельного корпуса жандармов был быстро, но так, чтобы это не очень уж бросалось в глаза, спроважен с занимаемого им поста. Случилось это событие через два с половиной месяца после доклада. «15 августа я получил по телефону приглашение от князя Щербатова [министра внутренних дел. — В. П.] приехать к нему. ...Щербатов сконфуженно меня встретил и молча передал мне записку Государя. Я прочел собственноручно написанные Государем строки: “Настаиваю на немедленном отчислении Джунковского от должности с оставлением в Свите. Николай”» [23]. В дальнейшем генерал Джунковский вплоть до 1917 года занимал только чисто командные военные должности, что исключало для него возможность вести наблюдение и собирать сведения как о Распутине, так и о связанных с последним лицах. Таким образом, сведения о скандале в ресторане «Яр» официального развития в дальнейшем уже не получили. Конечно, заинтересованные лица активно муссировали эпизод с «Яром» в целях извлечения политических и иных дивидендов. Но муссировался эпизод только на уровне распространения слухов и газетных статей. То есть на уровне, выражаясь языком современным, «черного пиара». Но это была уже другая история.

Литература

1. Коцюбинский А. П., Коцюбинский Д. А. Григорий Распутин: тайный и явный. СПб.: ООО «Издательство «Лимбус Пресс», 2003. С. 7–8.
2. *Бэттс Ричард (Фома)*. Пшеница и плевелы. Беспристрастно о Г. Е. Распутине; Пер. с английского. М.: Российское отделение Валаамского Общества Америки, 1997. С. 156–157.
3. Ю. А. Ден. О Григории Распутине // О. А. Платонов Терновый венец России. Пролог царевубийства. Жизнь и смерть Григория Распутина. М.: «Энциклопедия русской цивилизации», 2001. С. 413–437, 422.
4. Платонов О. А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М.: Родник, 1996. С. 544.
5. Джунковский В. Ф. Воспоминания: В двух томах. Том второй. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1997. С. 552.
6. Джунковский В. Ф. Указ соч. С. 553–554.
7. Джунковский В. Ф. Указ соч. С. 554–556.
8. Платонов О. А. Терновый венец России. С. 271–273.
9. См.: Дневники императора Николая II. М.: Орбита, 1992. С. 531.
10. Радзинский Э. Распутин: жизнь и смерть. М.: Вагриус, 2000. С. 329–30.
11. Радзинский Э. Указ соч. С. 330–331.
12. Радзинский Э. Указ соч. С. 331.
13. Васильев А. Т. Охрана: русская секретная полиция // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений: В 2 томах. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 343–515, 424–425.
14. Джунковский В. Ф. Указ соч. С. 568–569.
15. Джунковский В. Ф. Указ соч. С. 569.
16. Джунковский В. Ф. Указ соч. С. 569–570.
17. Джунковский В. Ф. Указ соч. С. 570–571.
18. Джунковский В. Ф. Указ соч. С. 571.
19. Дневники императора Николая II. С. 531.
20. Там же. С. 532.
21. См.: Дневники императора Николая II. С. 532–533.
22. Дневники императора Николая II. С. 533.
23. Джунковский В. Ф. Указ соч. С. 633.

Владимир Василик

КТО И ЗАЧЕМ УБИЛ РАСПУТИНА?

Скоро исполнится 95 лет со дня убийства Григория Ефимовича Распутина, но и поныне о его личности не утихают споры. Для одних он — «святой черт, распутник, хлыст, злой гений слабого царя, знамение погибшего царства». Для других — невинно оклеветанный, святой старец, мученик, ближний друг царской семьи. Видимо, настала пора, абстрагировавшись, *sine ira et cura* — «без гнева и пристрастия» исследовать феномен Распутина, опираясь на тезис Лаппо-Данилевского об источнике как продукте психологической деятельности, зеркале чужой одушевленности. И прежде всего, вспомним знаменитое декартовское: «Все подвергай сомнению».

Первый миф — о слабом, безвольном Царе, подкаблучнике царицы-немки, терпевшем в своем доме развратного мужика благодаря внушению экзальтированной супруги. Не нужно особо распространяться о том, как эта сплетня сработала в роковые дни февраля 1917 года. И заметим, что сплетню эту вырабатывали и несли обитатели великосветских салонов, те, кто били в спину Царю, а потом, когда он ушел с престола, растерялись, трусили и либо сбежали, либо покорно пошли на большевистский убой, или же интриговали в тылах белых армий, как некогда в петербургских салонах, чтобы потом, в эмиграции, заниматься «остроумием на лестнице», вернее, на парижских чердаках. Так что источник информации — сомнительный. А теперь по существу.

Был ли человеком слабой воли Царь, двадцать три года ходивший под прицелом террористов? Был ли им Царь, своей волей переместивший центр экономического и политическо-

го развития с Запада страны на Восток, строитель Порт-Артура, Владивостока и Транссибирской магистрали? Был ли таким Царь, преодолевший тяжелейшую революцию 1905 года, Царь, при котором страна стремительно модернизировалась и прогрессировала, несмотря на мощные революционные и центробежные течения?

Был ли им Царь, взявший на себя ответственность за армию в тяжелейшие разгромные дни 1915 года и остановивший развал, не допустивший широкомасштабного военного поражения и прорыва немцев к Киеву, Москве и Петрограду? Наконец, то, что мы знаем о феврале 1917 года, также не дает нам оснований считать его человеком слабой воли. Государь делал все, чтобы задавить мятеж; другое дело, что все его приказы саботировались.

И второе, миф о том, что Царь знал все о Распутине, но терпел его ради жизни наследника, цесаревича Алексея. Тогда получается, что ради жизни сына Император жертвовал принципами. Но как согласовать с этим тот факт, что в 1915–1916 годах царь брал цесаревича на фронт, несмотря на тяжелую гемофилическую болезнь? Значит, был способен рисковать даже здоровьем сына ради его воспитания и защиты Отечества? Уровень нравственной чистоплотности и духовной чистоты Государя не позволил бы ему терпеть такого человека, как газетный Распутин, если бы он счел обвинения в его адрес обоснованными. Значит, не считал... И имел на то свои основания.

А коренились они в том, что обвинения в адрес Распутина в изрядной мере исходили из очень сомнительных и темных источников и от темных лиц.

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Вот один из основных обвинителей Распутина — иеромонах Илиодор (Труфанов), отпетый религиозный авантюрист, расстриженный за действия сектантского характера, за границы издавший откровенно клеветническую книгу «Святой черт», где он на потеху американским и прочим читателям смешивал с грязью не только Распутина, но и царскую семью. Характерно, что перед ее публикацией он предлагал императрице книгу... выкупить, но так, чтоб об этом знали все. Согласно аргументированному мнению Олега Платонова, к составлению этой книги приложил руку известный информационный циник Амфитеатров, автор пьесы «Господа Обмановы»¹. Именно Илиодор и Амфитеатров стоят у истоков «голливудской» версии о Распутине — развратный мужик, охмуривший всех, в т. ч. Царя и Царицу, — самой известной и самой востребованной обществом.

Интересна история с отчетами наблюдения наружной охраны за Распутиным, опять-таки проанализированными Платоновым. Во время управления МВД Столыпиным они спокойны, беспристрастны, компромата из них не извлечь. Выписки подкреплены подлинными донесениями. Напротив, когда в Министерстве управляли Хвостов и Белецкий, известные авантюристы, подлинные донесения агентов куда-то исчезают, их заменяют достаточно общие и безответственные выписки без имен, без проверок компрометирующих «фактов».

Кстати, характерно мнение о Распутине генерала П. Г. Курлова, директора департамента полиции, товарища министра внутренних дел: «На этот раз меня поразило только серьезное знакомство Распутина со Священным Писанием и богословскими вопросами. Вел он себя сдержанно и не только не проявлял тени хвастовства, но ни одним словом не обмолвился о своих отношениях к Царской Семье. Равным образом я не заметил в нем никаких признаков гипнотической силы и, уходя после этой беседы, не мог себе не сказать, что большинство цир-

кулировавших слухов о его влиянии на окружающих относится к области сплетен, на которые всегда так падок Петербург»².

Нужно ли говорить, что с позором провалилась попытка уличить Распутина в скандале в ресторан «Яр» в Москве? В результате этой провокации с позором был отставлен масон Джунковский, сляпавший фальшивку, развалившуюся после тщательной проверки. И наконец, последний факт: Чрезвычайная следственная комиссия, наряженная изыскивать преступления царского режима, не нашла в деятельности Распутина НИЧЕГО, что можно было бы предъявить революционной общественности. На глазах развалились дела и о хлыстовстве, и о взятках, и о кутежах и развратной деятельности, и о немецких деньгах³. В общем, в распутиниаде возникает парадоксальная ситуация: десятки антираспутинских свидетельств, авторы которых в глаза Распутина не видали⁴, десятки антираспутинских статей, где отсутствие меры шокирующих публику подробностей превышает разве бессовестностью в отношении к фактам, огромный компромат, а в основе его — ничего. Много шуму из ничего.

Спросите: но что-то было? Было. Сплетня и охота за Распутиным. Случаен разве тот факт, что в далеком сибирском селе Покровском, на родине Распутина, 29 июня 1914 года, в день покушения на него горячей почитательницы иеромонаха Илиодора Хионии Гусевой, на месте преступления вдруг оказывается столичный корреспондент Дувидзон, в точности воспроизводящий в своих публикациях клеветнические показания обвиняемой, с которой, кстати, был лишен возможности общаться?⁵

А если мы отмоем Распутина от голливудского грима, то возникнет очень интересное лицо. Не очень грамотный, но весьма начитанный умный сибирский мужик, горой стоящий за народ, близко к сердцу принимающий нужды и односельчан и вообще простых русских людей. Его подлинные записки производят впечатление чело-

века равновесного, обстоятельственного, трезвого, благочестивого. Проступает образ человека верного Православию, верного России и Царю. Характерен крестьянский «пацифизм» Распутина, трезвое понимание того, что война несет смерть и разрушения, неизмеримые страдания народу. По свидетельству графа Витте, в 1912 году во время Балканской войны, когда между Россией и Австро-Венгрией возникло серьезное напряжение и Государь вот-вот был готов объявить мобилизацию, Распутин при личном свидании на коленях умолил его этого не делать и тем способствовал тому, что России было даровано еще два мирных года.

Весьма показательна та телеграмма, которую он прислал царю в июле 1914 года, перед началом Первой мировой войны:

Милой друг есче раз скажу, грозна туча нат Рассеей беда горя много темно и просвета нету. Словес то море и меры нет, а крови? Что скажу. Слов нету, неописуемый ужас. Знаю, все от Тебя войны хотят и верные не зная, что ради гибели. Тяжко Божье наказание, когда ум отымет, тут начало конца. Ты Царь отец народа не попусти безумным торжествовать и погубить себя и народ. Вот Германию победят, а Рассея? Подумать так воистину не было горше страдалицы, вся тонет в крови, погибель, бес конца печаль. Григорий.

Если оставить в стороне орфографические ошибки и народно-поэтический стиль, то это текст, который сделал бы честь самому глубокому аналитику. Это и состояние общества, одержимого ура-патриотизмом и шапкозакидательством (вспомним знаменитое кадетско-милюковское «Даше Дарданеллы!») — «море слов», за которое придется расплачиваться морями крови, умопомрачение элиты, идущей к концу. Это и предвидение того, что Германию победят, но без России, которая будет тонуть в крови, судя по всему — в собственной. Это и провидение революции — «начало конца».

За это его и ненавидели «ура-патриотические круги», прежде всего кадеты, во многом пронизанные масонским влиянием. Война для них была прологом революции. Распутин им явно мешал. Во многом. Поэтому его решили убрать.

Во второй половине 1916 года начинают распространяться провокационные слухи о том, что Царь под влиянием немки-императрицы готовится заключить сепаратный мир и будто бы в свою очередь Александру Федоровну настраивает в этом направлении Распутин. Трудно придумать что-либо более абсурдное. Во-первых, не для того император Николай почти два года работал над воссозданием, переформированием и перевооружением армии, чтобы все бросить и сдать. К началу 1917 года все было готово для широкомасштабного весенне-летнего наступления в согласии с союзниками. Армия имела все — от новейших аэропланов и подводных лодок до теплого обмундирования во вкусе XVII века: знаменитые «буденовки» первоначально назывались «богатырки» и были изготовлены как раз к наступлению 1917 года. Что до боеприпасов — на них вся Россия воевала еще четыре года всю Гражданскую войну. Во-вторых, не в характере Императора Николая II было изменять своему слову и предавать, тем более — бессмысленно. В случае успеха кампании 1917 года Россия получала бы все плоды победы, в т. ч. восток Малой Азии, Дарданеллы, Галицию и т. д. И становилась бы первой державой мира. В случае сепаратного мира — в лучшем случае свои разоренные войной земли и после разгрома союзников на западе столкнулась бы с той же Германией. В-третьих, Распутин во время войны не занимался антивоенной агитацией: он не одобрял вступления в войну, но, полагал он, раз вступив, мы должны довести дело до конца и победить.

Однако зачем-то Распутина решили обвинить в германофильстве, получении денег от немцев, поиске сепаратного мира и убить. Для убийства об-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

разовался удивительный тан-дем: черносотенный деятель германофил Пуришкевич, англофил князь Ф. Ф. Юсупов, которые после убийства Распутина понесли чисто символическое наказание. Пуришкевич оставил после себя дневник, Юсупов — мемуары. Но есть еще следственное дело. И вот получается удивительная картина: свидетельства Пуришкевича и Юсупова детально совпадают между собой, но резко расходятся с материалами следствия.

Во-первых, это — описание одежды. В один голос Пуришкевич и Юсупов говорят, что Распутин был одет в сапоги, бархатные навыпуск брюки, шелковую рубашу кремового цвета, расшитую шелками⁶. Прокурор же судебной палаты Завадский свидетельствует: убитый был одет в голубую шелковую рубашку, вышитую золотыми колосьями⁷. На руке у него был золотой браслет с царской монограммой, на шее золотой крест, и хотя браслет и крест — яркая и запоминающаяся деталь, но об этом убийцы не обмолвились ни словом. Хотя дружно говорят о том, что Распутин целых два часа сидел у них, пил отравленное сладкое вино, закусывал пирожными, напичканными цианистым калием. Так и хочется спросить: какой идиот инсценировал этих горе-убийцев? Ученик 8 класса знает из курса химии, что цианистый калий нейтрализуется глюкозой. Но дело даже не в этом: за два часа не заметить, в рубашке какого цвета была их жертва, мог только слепец. Либо двухчасового сидения в подвале не было. По крайней мере, так, как пишут Юсупов и Пуришкевич.

Как справедливо отмечает Татьяна Миронова⁸, «Еще более значимое несоответствие мемуаров с материалами следственного дела в том, как был убит Григорий Ефимович. Пуришкевич видел, что Распутин получил три огнестрельных ранения: Юсупов выстрелил ему в грудь, в область сердца, после чего прошло более получаса, и убитый будто бы ожил, кинулся во двор, где Пуришкевич выстрелами в спину и,

как ему “показалось”, в голову, сразил жертву. Как стрелял Пуришкевич во дворе, Юсупов, по его словам, не видел, он только подтверждает, что убил Распутина в столовой выстрелом в грудь, в область сердца (23. С. 202).

Но подлинные документы следствия полностью исключают выстрел в сердце, в них сказано, что Григорий Ефимович убит тремя смертельными выстрелами — в печень (в живот), в почки (в спину) и в мозг (в голову) (26. С. 239). О смертельных ранениях отца Григория упоминает и Юлия Ден, которая знала о них из разговоров с Императрицей и А. А. Вырубовой в Царском Селе: “Григорий Ефимович был ранен в лицо и в бок, на спине у него было пулевое отверстие” (10. С. 74—79). Судебно-медицинские эксперты утверждали, что с первым же ранением, в печень, человек может прожить не более 20 минут, следовательно, не могло быть временного отрезка от полудня до часа, после которого убитый “воскрес” и кинулся бежать, как не было вообще никакого выстрела в область сердца в столовой, о котором единогласно утверждали оба участника убийства.

Приведем заключение судмедэксперта профессора Д. Н. Косоротова: “При вскрытии найдены весьма многочисленные повреждения, из которых многие были причинены уже посмертно. Вся правая сторона головы была раздроблена, сплющена вследствие ушиба тупа при падении с моста. Смерть последовала от обильного кровотечения вследствие огнестрельной раны в живот. Выстрел произведен был, по моему заключению, почти в упор, слева направо, через желудок и печень с раздроблением этой последней в правой половине. Кровотечение было весьма обильное. На трупке имела также огнестрельная рана в спину, в области позвоночника, с раздроблением правой почки, и еще рана в упор, в лоб (а не сзади в голову, как пишет Пуришкевич! — Т. М.), вероятно, уже умиравшему или умершему. Грудные органы были целы и исследовались поверхностно, но никаких

следов смерти от утопления не было. Легкие не были вздуты, и в дыхательных путях не было ни воды, ни пенистой жидкости. В воду Распутин был брошен уже мертвым» (26. С. 307–308). Свидетельство профессора Косорогова показывает, что Григорий Ефимович долго и мучительно истекал кровью, но об этой колоссальной кровопотере ни слова у Юсупова с Пуришкевичем. Следов крови, согласно их мемуарам, было не много.

Итак, не сходятся концы. Более того, мы видим явный сговор Пуришкевича и Юсупова, сговор очевидно лживый. Зачем же они брали на себя вину, так стремились стать зитц-убийцами? Петли захотелось? Очевидно, им было обещано (и выполнено), что ничего серьезного им не будет.

Кто же настоящие убийцы? Ими были агенты британской разведки офицер Освальд Рейнер, друг Юсупова, и доктор Лазоверт. Об этом убедительно свидетельствуют материалы, собранные в книге работника английских спецслужб Ричарда Каллена «Распутин. Пытки и его убийство»⁹. Многочисленные повреждения на теле, в том числе рваные раны, доказывают, что Распутина перед смертью долго пытали, очевидно, выуживая признание в несостоявшихся сепаратных переговорах, а не добившись — застрелили. Юсупов и Пуришкевич должны были сыграть роль прикрытия. Каллен был вынужден признать несостоятельность обвинений в адрес Распутина. Да вряд ли сами англичане верили в них...

Знал ли Император имена настоящих убийц? Судя по всему — да. Британский посол сэр Джордж Бьюкенен вспоминал, что вскоре после убийства Распутина Николай II во время аудиенции сказал ему: к этому причастен молодой англичанин, друг Юсупова по университету. Правда, царь не назвал его по имени. Это и объясняет то, почему Юсупов и Пуришкевич не были наказаны всерьез: царь понимал их камуфляжную роль, хотя, может быть, за соучастие их должно было наказать гораздо строже. Однако, вероятно, царю казалось несправедливым

карать соучастников, не покарав реальных убийц. А наказать он их не мог: следствие над ними и соответственный приговор означали бы в конечном счете развал антигерманской коалиции. Поэтому император должен был стиснуть зубы и претерпеть это злодеяние над самым близким к его семье человеком. Все ради Победы.

Но она была уже невозможна. Пуришкевич с гордостью заявил: «Мы сделали первый выстрел Революции». Действительно, убийство Распутина обладало целым рядом смыслов. Для царя: «Мы можем все. Даже оклеветать и убить самого близкого человека. Уйди сам, пока не свергли и не убили». Для аристократии и «образованного общества»: «Собаке собачья смерть». Не случайно Юсупов заявил городовому, что он... всего лишь пристрелил собаку. А «скажи мне, кто твой друг и я скажу, кто ты». Не случайно Илиодор еще в 1912 году позволял себе высказывания типа: «Разлегся кобель на престоле». Его арестовали, посадили под домашний арест, но он... сбежал за границу писать пасквили против царя и его семьи. Для части народа, верной царю: «Под мостом мы вас видали...» Для колеблющихся: «Смотрите, царь человека из народа не защитил. И даже не покарал толком за него». Иными словами: «Власти нет и наше время, наша воля». А отсюда — несколько шажков до февраля 1917 года. Началось все Кровавым воскресеньем, когда благодаря Гапону была расстреляна народная вера в царя. Кончилось выстрелом в крестьянина Распутина. И в том, и в другом случае стреляли в живую нравственную связь между царем и народом.

Но вопрос: зачем это все было англичанам? Ответ прост: именно потому, что Россия стояла на пороге победы. Союзники тоже. К концу 1916 года вопрос о вступлении Америки в войну был решен. И Россия была не нужна. Нежелательный конкурент, с которым надо делиться добычей. В том числе проливами. А этого Британская империя — владычица морей — допустить

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

не могла. Значит, надо вывести Россию из войны. Желательно не сразу, постепенно, чтобы она отработала свою функцию полностью, но не была допущена к победному пиру.

Вышло... На Версальской конференции были флаги всех стран-победительниц. Даже уругвайский. Российского не было. Как прозорливо писал Пушкин:

Врагов имеет в мире всяк,
Но от друзей спаси нас, Боже.

Цель данной публикации — отнюдь не подготовка канонизации Распутина. Не надо впадать из крайности в крайность — «от святого черта» просто к святому. С его личностью надлежит еще разбираться и разбираться — с подлинными документами и фактами в руках, кропотливо отделять подлинники от фальшивок, подлинного Распутина от голливудско-илиодоровского. После вековых поношений хочется призвать не к хвалам и акафистам, «но только к справедливости простой».

Примечания

1. Платонов О. А. Жизнь за Царя. СПб., 1995. С. 130.
2. Курлов П. Г. Гибель императорской России // Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. М., 1997. Т. 2. С. 317.
3. Платонов О. А. Жизнь за Царя. С. 231–232.
4. Так, ярый враг Распутина Сухомлинов пишет: «Распутина я видел один раз, гуляя по вокзалу». Тем не менее он был неколебимо убежден, что именно Распутин явился причиной его отставки от военного министерства, а не решение Царя и не собственная бездарность.
5. Платонов О. А. Жизнь за Царя. С. 113.
6. Пуришкевич В. М. Дневник // Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. М., 1997. Т. 4. С. 221;
7. Юсупов Ф. Ф. Конец Распутина (воспоминания) // Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. М., 1997. С. 251.
8. Завадский С. В. На великом изломе // Архив русской революции. М., 1991. Т. 8. С. 240.
9. Татьяна Миронова. Григорий Распутин: оболганная жизнь, оболганная смерть, http://www.rusline.ru/monitoring_smi/2002/10/04/grigorij_rasputin_obolgannaya_zhizn_obolgannaya_smert/
10. Callen R. Rasputin. His tortures and murder. London, 2009.

Евгений Кузнецов

ДЕЛО О ГОСУДАРСТВЕ РОССИЙСКОМ: ФИГУРА Г. РАСПУТИНА КАК СРЕДСТВО ОТЛУЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО НАРОДА ОТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИСТИНЫ

Тема Григория Распутина превращена искусственно формируемым общественным мнением в одну из ключевых для понимания механизмов разрушения Российской империи в 1917 году.

Вот и на телепередаче Н. Сванидзе «Суд времени» (осень 2010) обсуждали тему «Распутин: жертва мифотворчества или разрушитель монархии». И обвинители Распутина, и его «защитники» на этой передаче занимались ток-шоу (буквально с английского — представление болтовни или болтливое представление), в просторечии — промывали мозги обывателям. Постигание истории по телевизионному ток-шоу — что бредовее можно придумать?

На ток-шоу можно успеть только заявить перед зрителями *позицию* по вопросу обсуждения по формуле: да-да, нет-нет. Времени для обоснования своей позиции просто нет. Организаторов ток-шоу не волнует, разобрались ли зрители в вопросе. Они решают несколько иные задачи: 1) они саморекламируются («пиарятся»); 2) они на уровне эмоций вербуют среди зрителей сторонников своей позиции; 3) они коллективно замыливают тему, уводя внимание от сути вопроса в его частности. В этом смысле любое ток-шоу — социальный заказ. Наличие связей во властных сферах позволяет работникам ТВ использовать свое монопольное на нем положение, чтобы навязывать обществу свои групповые предпочтения в трактовке исторических вопросов.

На протяжении 15–20 лет социологический опрос зрителей по итогам практически всех ток-шоу по важным для национального бытия вопросам приводит к одному и тому же результату, который ясно показывает расстановку идейных сил в российском обществе: позицию организаторов ток-шоу поддерживают 20 (30)% зрителей, не поддерживают 80 (70)% зрителей. Это чрезвычайно важный показатель! Он ясно говорит о том, что общественное меньшинство, обладающее монополией на ТВ и во власти, навязывает общественному большинству свою точку зрения.

Этот факт является проявлением ДИКТАТУРЫ МЕНЬШИНСТВА НАД БОЛЬШИНСТВОМ (по грубой исторической аналогии — это диктатура меньшевиков). О какой демократии можно говорить, если иную точку зрения практически не допускают на ТВ? По сути, мы видим классовую позицию современных «господ».

Примечание: Нас искусственно ставят в положение «неодолимости обстоятельств». Последний пример. Закон о новом стандарте образования еще не обсужден, еще не имеет статус закона РФ, а уже изданы массово учебники, методические пособия для учителей, уже заявлено, что начальная школа начинает работу по новому стандарту с 2011 года.

Видимо, точка зрения Министерства просвещения состоит в том, чтобы инициировать «процесс модернизации» школы, не имея на то еще законных оснований: пусть «обсуждает»

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

«общественность» на тех же ток-шоу стандарт для средней школы. Пока они обсуждают, тем временем уже объявлено, что с 2011 года начальная школа начинает работу по новому стандарту. Уже изданы МАС-СОВО учебники, методические пособия для учителей. Организаторы-то знают, ЧТО начальная школа выдаст в среднюю школу в качестве результата своей деятельности, С ТЕМ и вынуждена будет работать средняя школа. Это *явочное принуждение* общества к тому, чтобы оно приняло то, что задумано организаторами.

В чем же смысл этих бесконечных ток-шоу? Нас, большинство, хотят заставить *принять ложь за правду*. Поэтому что характер действий нынешних властей, начиная с Горбачева, является так называемой «революцией сверху». Мнение народа этих революционеров не волнует. Они стремятся понизить уровень миропонимания у молодежи и удержать в повиновении старшее поколение. Они хотят всеми силами выиграть время, чтобы стереть понимание истории из памяти народа, превратить нас в толпу «иванов, не помнящих родства». Завершить «конец истории» для России.

Теперь о другом моменте в работе ток-шоу. Очень часто вопрос, выносимый на ток-шоу, формулируется не корректно, не правильно, софистически. В передаче Сванидзе вопрос именно так и сформулирован. Поэтому участники по ходу передачи несколько раз утыкались в него носом, начиная рассуждения по типу «Какая же Россия империя, если ее может разрушить один человек?»

Проанализируем название передачи о Г. Распутине. Это необходимо, чтобы сделать вывод об эквивалентности (равенстве) двух частей названия. Если мы обнаружим неэквивалентность частей, тогда мы сможем утверждать, что выбор такого названия организаторами ток-шоу (Сванидзе, Млечин, Кургинян) является «игрой с ненулевым числом», которая реализуется в построении финансовых пирамид и в казино. То есть из-

начально нацелена на обман зрителей, на введение их в заблуждение.

Сравним две части названия: «жертва мифотворчества» и «разрушитель монархии». В каждой части по два ключевых слова: 1) «жертва» и «мифотворчество»; 2) «разрушитель» и «монархия».

Слово «жертва» в данном случае означает информационное насилие над персоной Распутина, а именно то, что о нем насочиняли бог весть чего. То есть сам Распутин не причастен к этому мифотворчеству. Ну а в начале XXI века теперь уже и обывателям понятно, что стать жертвой мифотворчества (в смысле оболгания) может любой человек.

Мифами стали называть в XVII веке религии древних греков и древних римлян. В дальнейшем термин стали применять ко всем древним религиям (языческому этапу), а в результате критики религии «с позиций разума» в эпоху Просвещения мифом стали называть всякое «недостоверное» знание, которому давали такие эпитеты: «выдумки», «мракобесие», «суеверие» и т. п.

Таким образом, первую часть названия передачи Н. Сванидзе можно признать правомерной, имея в виду созданную исторически сознательную ложь о Распутине.

Эту ЛОЖЬ порождали «сильные мира сего» из царского окружения и российской элиты, а потом ее распространяли журналисты и газеты, создавая, прежде всего среди горожан, устойчивые СЛУХИ о Распутине как о «черте», злодее, развратнике, который якобы манипулирует царской семьей. Именно таким представил Г. Распутина Касвинов, писатель советской поры «застоя».

Но есть и отличие между древнегреческими мифами и мифотворчеством вокруг фигуры Распутина. Если древнегреческие мифы исторически создавались и сохранялись целым народом, они выполняли важнейшую функцию объединения народа в духовное целое, то совершенно ясно, что *мифы о Распутине рукотворны*, являются средством манипуляций россий-

ским обществом в период, когда на кону была судьба Российской империи. То есть мифы о Распутине создавались для раскола российского общества. Это одно из средств информационного управления обществом в ту эпоху.

Здесь важен вопрос о методологии анализа так называемого «мифотворчества» о Г. Е. Распутине. Ложь сложно разоблачать, но возможно.

В отношении мифов о Распутине за почти 100 лет уже проведена большая работа. Самые грязные мифы (развратник, злодей) давно развенчаны. Но раз они были запущены, массово публиковались, значит, возникает вопрос, кому это было нужно и выгодно. Это главный вопрос. Решая вопрос, кому выгодна была ложь и истерия вокруг фигуры Распутина, можно *фильтровать* свидетельства современников о нем, отделяя сомнительные и лживые от достоверных, а значит, проверяемых сведений.

Таким образом, вопрос о мифологии в связи с Распутиным неизбежно расширяет предмет исследования до полноценно исторического, включая геополитические интересы России, ее противников и конкурентов, состав внутренних общественных сил России, прежде всего элиты, их целей в отношении государства. То есть вопрос о Распутине неизбежно приобретает статус общественно значимого явления, называемого системой власти, в котором сама фигура Распутина является только поводом — маленькой частью содержания.

Теперь о второй части названия передачи Н. Сванидзе: «разрушитель монархии».

Слово «разрушитель» для абсолютного большинства людей однозначно указывает на самосознательный, целевой характер действия. Но при этом создатели этой передачи на ТВ закладывают *по содержанию* ОБЫДЕННЫЙ смысл слова «разрушитель». Ведь монархия не кувшин и не стена дома, которые можно разрушить неловким действием.

Монархия — это, во-первых, принцип передачи высшей власти в го-

сударстве; во-вторых, форма правления в государстве. Следует заметить, читатель, что использование авторами в названии передачи о России слова «монархия» вместо принятого в Российской империи слова «самодержавие» царя указывает на то, что они стремятся обеднить историческое содержание явления русской власти в начале XX века.

И самое главное. По содержанию понятие «монархия» (как и «самодержавие») подразумевает монархический или «царский двор», т. е. совокупность высших лиц государства, с помощью которых царь управляет страной. Таким образом, монархия — это система власти в обществе, а уж потом — система управления государством. И уж совсем неприлично не упоминать о том, что *Российская империя была православным теократическим государством*, в котором русский царь — и глава церкви, и глава государства. Следовательно, тема православия должна быть акцентирована при рассмотрении тех или иных фактов.

Поэтому вторая часть названия передачи сразу же вызывает отторжение (не может одиночка разрушить то, что исподволь десятилетиями готовилось на разных уровнях общества и разными субъектами). Но такое название неизбежно наводит на мысль, что авторам передачи желательно найти «козла отпущения» за крах империи. Скорее всего, это некий социальный заказ неких элит, которых беспокоит направленность мыслей в российском обществе о судьбах России. Задача исполнителей заказа — путем шума вокруг фигуры Распутина отвлечь внимание общества от действительных разрушителей империи.

Авторы передачи используют монополию своего положения на телевидении, чтобы навязать ложную постановку исследовательской задачи. Те, кто хотя бы краем касался научных исследований, знают, что от правильности определения предмета исследования зависит его успешность.

Авторы передачи, обсуждая, по существу, *крушение православного са-*

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

модержавия, уводят зрителей в сторону от вопросов о роли западных стран, которые, как минимум, весь XIX век играли против России и активно вмешивались в ее внутренние дела (убийство Павла I, убийство Александра II и пр.). Они не анализируют роль антихристианских, антиправославных сил в России, в первую очередь среди российской элиты (масоны, еретики и т. п.). Они не анализируют, на чьи деньги создавались российские революционные партии, кто и как их контролировал.

Очень важен и тот момент, что даже если в передаче участвуют авторы, у которых есть свое мнение по вышеперечисленным вопросам (Н. Стариков), то и эти авторы оказываются внутри прокрустова ложа заявленной темы передачи. Это название передачи — как уздачка: куда надо авторам двигаться, туда и загоняют остальных.

Передача и была выстроена как грубая смесь мифов (вымыслов, лжи) с единичными правдивыми фактами с целью редукции всех причин и механизмов предательства российской элиты в ходе войны к личности простого православного мужика. Очень старался атеист Кургинян доказать россиянам, что это он, Распутин, разрушил монархию.

Еще одним организационным средством манипулирования сознанием зрителей у авторов передачи в рамках темы являлся заблаговременный подбор лояльных специалистов-историков. Эти специалисты уже и тому рады, что их пригласили на передачу. Но ведь специалистов-историков, у которых совсем другая точка зрения по заданной теме, в первую очередь из православных, авторы побоялись пригласить. Иначе спектакль разрушился бы, а зритель воочию увидел, кто субъекты мифотворчества.

Подведем итог по второй части названия передачи. Слово «разрушитель» выбрано не обоснованно. Оно неприемлемо к системе власти, если разрушитель — одиночка, отдельно взятый человек, если он не является пред-

ставителем партии или группы заговорщиков. А если понимать, что монархия — это царский двор в целом, а не только фигура царя, то авторы передачи должны были доказать в соответствии с названием, что Распутин сознательно разрушал царский двор как систему управления. Они должны были доказать, что у Распутина была стратегия и тактика разрушения, т. е. совокупность долговременных целей и этапов движения к ним, предполагающих раскрытие методов и средств достижения целей.

Сделаем предварительный вывод из анализа двух частей названия передачи. В первой части названия есть достаточная согласованность по объему и содержанию использованных понятий «жертва» и «мифотворчество». Но во второй части названия передачи использованные понятия «разрушитель» и «монархия» полностью не соответствуют друг другу по объему и по содержанию. Само название передачи показывает, что это *игра с ненулевым числом* (в ней выигрывает только владелец игры, а участники обречены на проигрыш). Или, иначе говоря, это просто мошенничество.

Чтобы сделать этот вывод более доказанным, разберем вопрос о социальном статусе Григория Ефимовича Распутина. Это важно потому, что во второй части названия противопоставлены *единичный факт* персоны Распутина *общественному явлению* самодержавия как системы власти и управления. Логически это не сопоставимые вещи.

Итак, разберемся, каков социальный статус Г. Распутина (фамилия от слова «распутье»).

Григорий Ефимович Распутин по происхождению крестьянин из села Покровское Тобольской губернии. Родился, скорее всего, в 1869 году. Проанализируем эти факты. Статус места «село» означает, что это населенный пункт с церковью (в отличие от деревни); значит, Распутин родился в центре *православного прихода* (общество верующих вокруг храма и батюшки). Деревенским приходилось ходить на

церковные службы в село, следовательно, их православное общение было более бедным, чем у сельских. Другой момент. Статус «крестьянин Тобольской губернии» означает, что Распутин не из рода крепостных, свободный общинник.

Главной чертой личности Г. Распутина была его сугубо православная религиозность. Все отмечают, что уже с молодости Григорий Ефимович был склонен к паломничеству по святым местам, любил богомольствовать и странствовать. Основным его способом было хождение, а не поездки. Он исходил Россию вдоль и поперек. Встречаясь с огромным количеством людей практически из всех сословий и классов, он набирался опыта и знаний. У Распутина была отличная память. Так, к началу XX века люди стали его называть «старцем» за его веру, за опыт и житейскую мудрость, за его особую молитву.

Важно помнить, что термин «старец» применяется в Русской православной церкви к особым праведникам, чей образ жизни несет явные признаки святости. Старцы обычно монахи.

Считается, что главным признаком старца является его способность принимать на себя чужие грехи и болезни, избавляя человека от его страданий и болезней путем их личного переживания и изживания. Такое действие старца очень трудоемко и даже опасно для его жизни. Молитва — главное средство для него. Конечно, старец не может злоупотреблять своей способностью. Иногда они даже избегают некоторых людей, которым они не считают возможным помочь.

Хотя статус «старца» в Православной церкви есть, но он не официальный. Это проявление глубокой христианской традиции, идущей от апостолов.

Так вот то, что Распутина стали называть «старцем», не означает, что он был признан в этом статусе церковью. Это обыденное прозвище человека, данное ему теми, кто его хорошо знал. Распутин не был монахом, не проходил таинство пострижения.

В возрасте около 40 лет Распутин оказался в Санкт-Петербурге в 1905 году. И вскоре был представлен царской чете. Именно отсюда начинается феномен личности Григория Ефимовича Распутина.

Так каков же его статус? Он из православных крестьян, не из духовенства, не из купцов, не из казаков, не из мещан (горожан). Особым имуществом не владел, доходами не занимался. Никаких должностей общественного или государственного уровня не занимал. В партиях не состоял. Пытались обвинить в сектантстве, но не сумели.

Отсюда следует, что Распутин из русского простонародья, рядовой русский мужик. Но не совсем обычный мужик именно своей устремленностью души к Христовой вере, особым образом жизни. Но ведь даже в былинах мы видим «калик переходящих». И у Л. Н. Толстого в «Войне и мире» описан такой тип людей, для которых богомолье стало смыслом жизни. Следовательно, и в этом Распутин всего лишь «ординар», т. е. нечто привычное, известное, типовое для русской культуры. А значит, он простой русский мужик, рядовой член общества.

Статус его общественный самый низкий, вернее, основной для страны — крестьянский. Ниже уже располагались асоциальные элементы. А вот если рассматривать его статус духовный, то мы увидим неординарность Г. Распутина. Иначе он не попал бы никогда в окружение царской семьи.

Духовный статус непосредственно имеют иереи и монахи по отношению к верующим. Но и всякий верующий своей праведной жизнью тоже может приобрести духовный статус, только не официальный. Такой человек не имеет право на совершение таинств Православной церкви.

И еще один момент. Годы атеистического государства привели к тому, что под духовным стали понимать и светскую деятельность, всю совокупность так называемых «свободных профессий».

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

В этом смысле Г. Распутин не оставил никакого духовного наследства: ни богословских сочинений, ни философских трудов, ни сборника молитв, сочиненных им. Его духовность реализована функционально в процессе живого общения и взаимодействия. У него нет духовного наследия, но он оставил память о духовном подвиге, о чуде.

Главной причиной его особого духовного статуса по отношению к царской семье является его способность оказывать прямую помощь царевичу Алексею. Никто теперь не узнает, как Распутин боролся с наследственной гемофилией царевича. Эта тайна ушла вместе с ним. Но то, что он реально помогал царевичу с его болезнью, — установленный факт, который никто не посмел ставить под сомнение.

Нам следует признать, что поддержка здоровья наследника русского трона действительно создает особую мистическую связь между Распутиным и царской семьей. Алексей был единственным сыном царя Николая II, до его рождения были только дочери, не имеющие права по закону наследовать царство. Рожден Алексей был после долгих молитв и паломничеств царской четы. И рожден больным.

Распутин искренне и с радостью помогал царевичу. В этом смысле он регулярно бывал в царском дворце. Его любили в царской семье, прежде всего, царские дети, видевшие в нем суть русского народа в его отношении к самодержавию. Благодарила его императрица. Подумайте! Это ведь женская судьба всех цариц. Она чуть не подвела своего мужа, русского царя, рожая дочерей. А родив сына, стала причиной его болезни, передав ему свои родовые гены этой болезни. Было от чего приходиться ей в отчаяние. А тут простой русский мужик каким-то невероятным чудом реально бережет ее царевича. Как не боготворить?!

Распутин был некоторым образом гарантом династической устойчивости Российской империи. И это тоже факт — объективный, проверенный практикой. Как и то, что появление такого

гаранта русской династии явно не входило в планы геополитических конкурентов российского государства, прежде всего англичан-британцев (см. книги Н. Старикова). Уже этот факт является прямой и достаточной причиной для появления заказных статей против Распутина. Уверен, наступит время, когда откроются каналы финансирования таких публикаций. Как и то, что часть царского двора была сознательной участницей начавшейся травли Г. Распутина в газетах. Интриганов при царских дворах всегда было с избытком. И не только в России.

Итак, *возникло особое мистическое по содержанию и практическое по форме взаимоотношение русских царей с русским мужиком.*

Здесь важно не путать содержание и форму отношения русского самодержца к этому факту с содержанием и формой отношения русского мужика к царской семье.

Николай II был глубоко религиозным православным человеком и царем. Как самодержец, он скорее всего видел в появлении чудесного русского человека *ответ Свыше на его молитвы* о нуждах российского государства. Не надо представлять русского царя вне его реального статуса. Царь, пусть вынужденно, но близко подпустил к своей семье Г. Е. Распутина. Конечно, он был благодарен ему за реальную помощь. Но не более. Распутин по своей вере помогал русскому государству, т. е. ему, царю. Но благодарил царь за это Бога, Иисуса Христа. А если и шла практическая помощь Распутину в житейских его делах, то не от царя, а от его семьи или придворных.

Надо сказать, что Распутин очень четко понимал свое положение и по форме, и по содержанию. Нет ни одного факта того, что Распутин добивался аудиенции царя по личным вопросам. Все их общение происходило в пределах практических забот о царевиче. Нет ни одного факта и том, что Распутин хоть как-то оговаривал вознаграждение за свою помощь. Он помогал бескорыстно, по своей воле и

вере. Он умело держал положенную дистанцию в отношениях с царской семьей. Конечно, его неформальный духовный статус признавался в царской семье на бытовом уровне. Но когда Распутин в своих записочках умолял царя ни при каких условиях не допускать вступления России в мировую войну, видя в этом прямую угрозу самодержавию и благополучию России, царь по факту не принимал в расчет его советы. Россия вступила в войну на самых не выгодных для себя условиях (см. книги Н. Старикова).

Изменился ли образ жизни Распутина после того, как он был приближен к царской семье? Ничуть! Большую часть времени Г. Е. Распутин проводил в паломничестве, в том числе и за границей (Афон, Иерусалим и т. д.). Много ездил по России. Когда бывал в столице, то не он зывал гостей, а они к нему валили валом. Это всякая мелочь придворная искала счастья благосклонности «старца» в надежде куда-то продвинуться.

Деньги и подарки, которые приходили к Распутину от его почитателей, он раздавал нуждающимся. Факт, что в материальном смысле Распутин ничего себе не искал и не нажил, исторически доказан. У него не было «личного интереса», он не торговал своим даром. Его потому и ненавидит материалистическая, атеистическая элита и тогда и сегодня, что не находит в Распутине ни одной черты характера, которым обладает она сама.

Да, Распутину пришлось пережить много напастей, организованных ему его врагами. Но это не отвратило его от долга перед страной — заботится о царевиче. Он так и умрет на этом посту.

Есть еще один аспект в мистических взаимоотношениях Г. Распутина и царствующей семьи. Символический (т. е. безличностный, идеальный). Он сформулирован в знаменитой триаде графа Уварова еще в первой половине XIX века: «Православие. Самодержавие. Народность».

В лице Распутина царь неизбежно видел душу русского православного

народа, который неразрывно связан с самодержавием как своим Отечеством. В этом было и доказательство того, что сформулировали славянофилы: русский народ не политический. Это духовный народ, опирающийся на традицию. Поэтому царь благожелательно относился к Распутину, он искренне ценил в «старце» его веру и любовь к Отечеству.

И этот момент тоже был причиной газетной травли Распутина. Очень враги Отечества хотели, чтобы прервалась мистическая связь между царем и русским народом в лице Григория Ефимовича. Цель гнусных статей в газетах была не в самом Распутине, а в царе. **Задача была: отвлечь царя от Распутина.** Распутин во всех смыслах этой информационной и социальной войны против Российской империи был объектом в страдательном смысле. Вот и нынешние «аналитики» видят историю России как в камере-обскуре — в перевернутом виде. Значит, у них в мозгах все перевернуто. Дело в России, а не в фактах.

Вмешивался ли Распутин в расстановку сил внутри царского двора? Никаких регулярных фактов такого вмешательства нет. Он, возможно, высказывал царице свои впечатления о том или ином придворном. Скорее всего, да, чем нет. Он мог даже высказывать мнение о том или ином назначении на пост. Но это ничего не меняет. Распутин не имел никаких рычагов влияния на царя. И не хотел иметь. А царь никому и никогда не дал повода к тому, чтобы придворные думали, что царь реализует советы Распутина. Как не рассматривать Николая II, а то, что он был самодержцем, признавали и враги русского царя.

Распутина убили потому, что стало ясно, что Николай II взял под контроль вопросы управления армией, ее снабжения боеприпасами и продовольствием, что он не дрогнул перед элитарным шантажом в виде всяких там комитетов летом и осенью 1916, когда стало ясно что царь четко осознает национальные интересы России в этой войне и готов к победе в ней. Тогда-то

и последовала команда убить Распутина.

Для части российской элиты, ставшей на путь предательства и заговора против царя, Распутин был мистической целью. Они хотели убить русского мужика, т.е. символ русского народа в его связи с царем, чтобы укрепить свою решимость. Им нужно было стать замаскированными кровью, чтобы не свернуть с пути предательства.

Они боялись чуда, связанного с Распутиным. Им нужно было убить его, чтобы доказать **себе** что он смертен. Лишь убедившись в этом, они окончательно стали на путь предательства царя. Потому что верили, что Распутин послан Свыше и что царь охраняется Свыше. Вот суть мистического аспекта этого убийства. Убив Распутина, они уверовали, что и царь смертен и может быть повержен.

Убийцы были из элитарного слоя, но по духу они были уличной шпаной, т.е. **черню**. А сожгли его для того, чтобы нельзя было установить впоследствии точно, сколько выстрелов в него было сделано, и с какой стороны.

Предателям-убийцам (все из придворных и родственников царя) нужно было убийство и по той причине, что заговор против царя строился на их посредничестве, следовательно, если заговор не произойдет, то следствие рано или поздно выведет на тех участников, у которых нет «защиты» в виде высокородного происхождения.

Следовательно, убийство Распутина было нужно убийцам и заказчикам для того, чтобы косвенно повязать кровью нижестоящих заговорщиков перед личностью царя. Их поставили в положение «невозможности» отступления от плана. Тем более, что большинство заговорщиков жили в плену иллюзий о том, что они собираются сделать (см. книги Н. Старикова, особенно о революции как о спецоперации).

Поэтому только нравственное разложение российской элиты (увлечение материализмом, идеями демократии и частной жизни, масонствование и пр.) стало основой крушения Российской империи. Предательство элиты, ее заговор против царя, ее содействие организации всех низких сил для создания хаоса в стране — это их историческая ответственность. И при чем здесь Распутин? Приговорен был к убийству не только царь как символ Православия и единства с народом, но и народ в виде его символа в лице Г. Е. Распутина. То есть внутренними и внешними недоброжелателями Россия была приговорена как православное государство.

Обобщая результаты анализа статуса Распутина и качество его практических действий вплоть до его смерти, мы не находим ни одного факта его разрушительных для двора действий. Распутин вообще выключен из политической и экономической жизни страны. Можно говорить, что он живет своей частной жизнью, от которой очень далеко до влияния на общественные процессы в стране. Газеты Распутин не издавал, книг не печатал, политической или какой иной организации не создал, в политических кругах не тусовался.

Значит, вторая часть названия передачи Сванидзе о Распутине не равна по содержанию и объему первой части, следовательно, доказано, что в передаче имело место информационная «игра с ненулевым числом». Чего хотели добиться ее авторы, абсолютно точно сказать невозможно. Но то, что они препарировали российскую историю в своих интересах, это бесспорно. Одно ясно как божий день, что и в XXI веке Г. Е. Распутин остается в руках российского телевидения «жертвой мифотворчества», а не субъектом «Суда времени». Обо всем остальном пусть судит каждый, кому дорога история нашего Отечества, самостоятельно.

Александр Миронов

ЗАМЕТКИ О ГРИГОРИИ РАСПУТИНЕ

(изначально написаны в рамках интернет-дискуссии на форуме по вопросам мировоззрения граждан России)

Предлагаю тему: Почему убили и сожгли тело Григория Ефимовича Распутина? Думается, что этот вопрос сохраняет и только умножает свою актуальность. В нем же и поныне выявляется, с одной стороны, русское неразумие, с другой — постыдное русское лукавство. Сегодня существует сразу несколько точек зрения на поставленный вопрос. Во-первых, Распутина убили подлинные патриоты России, считавшие его опасным для нее человеком. Во-вторых, Распутина погубили подлинные враги России, считавшие его препятствием на пути подготавливаемой либеральной революции. В-третьих, он погиб в результате собственного неожиданного большого возвышения, соблаздившего его на роковые поступки и приведшие к закономерной смерти. Где правда? В чем она? Почему противники Распутина в лице вождей Временного правительства в самом спешном порядке сожгли тело Распутина? Вот таковы вопросы, так и не получившие в XXI веке внятных ответов. Полагаю, что это совсем не случайно. Поход против России продолжается... Но подлинные враги Отечества вовсе не там, где их сегодня ищут...

«Гладко было на бумаге, да забыли про овраги», — говорят о случаях упрощения сложного. Вот выше (речь о словах собеседницы автора по интернет-дискуссии) было сказано, что Распутин поехал к Юсупову оказывать медицинскую помощь его супруге. Однако сам Юсупов показывает другое:

«Распутин давно хотел познакомиться с моей женой. Думая, что она находится в Петербурге и зная, что родители мои в Крыму, он охотно принял мое приглашение. На самом деле Ирина тоже была в Крыму, но я рас-

считывал, что Распутин скорее примет мое приглашение, если у него будет надежда встретиться с ней. Дмитрий и Пуришкевич как раз вернулись с фронта, и решено было, что я приглашу Распутина приехать на Мойку вечером 29 декабря. Решено было, что я приму Распутина в подвальном помещении, только что мною оборудованном. Оно было разделено сводами на две комнаты. Та, что больше, должна была служить столовой; из второй винтовая лестница вела в мои покои в первом этаже; на полдороге была дверь, выходившая прямо во двор. Чтобы не возбуждать подозрений Распутина, надо было так обставить первую комнату, чтобы она имела вполне жилой вид. Когда я пошел туда под вечер 29-го числа, обойщики кончали раскладывать ковры и вешать портьеры. С чердака принесли отобранную мною мебель: резные дубовые кресла с высокими спинками, столики, покрытые старинной парчой, чаши слоновой кости и другие ценные предметы. Как сейчас, вижу обстановку этой комнаты во всех ее подробностях, и в особенности шкафчик черного дерева с инкрустациями, зеркалами и секретными ящичками. Посреди комнаты был поставлен стол, где Распутину предстояло выпить последнюю чашку чая. В 11 часов все было готово в подвальных апартаментах. На столе уже пытел самовар, кругом были расставлены вазы с пирожными и любимыми распутинскими лакомствами. Поднос с бутылками и бокалами стоял на поставце. Старинные фонари с цветными стеклами освещали комнату сверху; тяжелые красные штофные занавеси были спущен-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

ны. Раздался звонок — это приехали Дмитрий и остальные мои друзья. Я провел их в столовую. Несколько мгновений они молча созерцали то место, где Распутин ждет смерть. Я достал из шкафчика с инкрустациями коробку с ядом. Доктор Лазоверт надел резиновые перчатки, взял кристаллы цианистого калия и измельчил их в порошок. Потом приподнял верхушку пирожных и засыпал доньшко такой дозой яда, которой, по его словам, хватило бы, чтобы мгновенно убить несколько человек. Молча, с волнением следили мы за каждым жестом доктора. Еще предстояло насыпать яду в бокалы. Решено было сыпать его в последнюю минуту, чтобы он, испаряясь, не утратил своей силы. Мы устроили на столе беспорядок, отодвинули кресла, разлили чай по чашкам. Было уговорено, что Дмитрий, Пуришкевич и Сухотин поднимутся на первый этаж и заведут граммофон, выбирая пластинки с веселыми мотивами. Когда приготовления были закончены, я надел шубу и нахлобучил до ушей шапку, совершенно скрывавшую мое лицо. Доктор Лазоверт, переодетый шофером, завел мотор, и мы сели в машину, дожидавшуюся во дворе. У Распутина я поднялся по черной лестнице, света не было, мне пришлось пробираться ощупью, я едва отыскал нужную мне дверь и позвонил.

— Кто там? — послышался голос Распутина. Я вздрогнул.

— Григорий Ефимович, это я приехал за вами.

Я помог ему надеть шубу. Мы вышли на темную лестницу, и Распутин запер за собой дверь. Я почувствовал, как его пальцы впиваются мне в руку.

— Давай-ка я тебя поведу, — сказал старец и повлек меня вниз. Его рука клещами сжимала мою руку, мне хотелось крикнуть, хотелось поскорее выбраться на свет и не чувствовать больше прикосновения этой страшной руки. Мы сели в машину и поехали. Войдя в дом, я услышал голоса друзей и мелодию американской шансонетки. Распутин насторожился.

— Что тут такое? Пирушка, что ли? — спросил он.

— Нет, у моей жены собралось несколько друзей. Они скоро уедут. А мы пока что пойдем в столовую и выпьем чаю.

Мы спустились в подвал. Распутин скинул шубу и с любопытством оглядел обстановку. Шкафчик с инкрустациями особенно заинтересовал его. Он, как ребенок, забавлялся тем, что выдвигал и задвигал многочисленные ящики. Я предложил ему чая и вина и был обескуражен, когда он поначалу от всего отказался. «Может быть, он догадывается?» — подумал я. Но я твердо решил, что он ни при каких обстоятельствах не выйдет отсюда живым. Мы сели за стол. Завязалась беседа.

— Григорий Ефимович, зачем к вам заезжал Протопов? Что он, по-прежнему боится заговора?

— Ну конечно! Моя прямота многим не по нутру. Знать, злится и завидует мне... Но я никого не боюсь. Со мной ничего не может случиться. Сколько раз меня пытались убить, но Господь всегда разрушал козни нечистого. Несдобровать тому, кто поднимет на меня руку.

Эти речи старца злой насмешкой звучали в той комнате, где ему предстояло погибнуть. Меня уже ничто не могло смутить. Пока он разглагольствовал, у меня была одна только мысль: заставить его выпить вина и съесть пирожные. Наконец Распутин попросил чаю. Я налил чай и придвинул к нему вазу с пирожными, начиненными цианистым калием. Сначала он отказался.

— Не хочется, они слишком сладкие.

Но затем он все-таки взял одно пирожное, второе... Я с ужасом следил за ним. Действие яда должно было сказаться сразу, а между тем Распутин продолжал разговаривать как ни в чем не бывало. Я предложил ему отведать нашего крымского вина. Он опять отказался. Время шло, я начал нервничать. Несмотря на его отказ, я наполнил два бокала, но по непонятной мне

самому причине не те, где был яд. Распутин выпил с удовольствием.

— Налей мне мадеры,— попросил он. На сей раз я хотел налить в бокал с ядом, но старец запротестовал: — Налей в тот же бокал. Нехорошо мешать эти вина. Говорю тебе, налей.

В эту минуту я как бы нечаянно уронил тот бокал, из которого он пил раньше, и налил ему мадеры в бокал с цианистым калием. Я стоял позади него, следил за каждым его движением и ждал, что он вот-вот рухнет наземь. Но он невозмутимо, мелкими глоточками пил вино, смакуя его, как настоящий знаток, и при этом ничуть не менялся в лице. Только время от времени подносил руку к шее, словно ему трудно глотать. На мой вопрос, что с ним, ответил:

— Так, что-то в горле першит.

Яд, очевидно, не действовал. Распутин теперь преспокойно расхаживал по комнате. Тогда я взял второй бокал с ядом, наполнил его вином и протянул Распутину. Тот выпил и его с тем же результатом. На подносе оставался третий и последний бокал. От отчаяния я и сам принялся пить, чтобы подать ему пример. Так мы молча сидели друг против друга и пили. Внезапно его лицо исказилось яростью. Ни разу я не видел его таким страшным. Он вперил в меня взгляд, полный сатанинской злобы. В этот миг он был мне так ненавистен, что я готов был голыми руками задушить его. Между нами как будто шла безмолвная, таинственная и беспощадная борьба. Наконец я овладел собой и предложил ему чаю.

— Налей, у меня сильная жажда,— слабеющим голосом сказал он. Увидев на стуле гитару, он попросил: — Спой что-нибудь веселенькое, мне нравится, как ты поешь.

Мне нелегко было петь в такую минуту, да еще веселую песню. Однако я взял гитару и запел что-то грустное. Сперва он слушал внимательно, потом опустил голову и как будто задремал. Когда я кончил, он открыл глаза.

— Спой еще, мне нравится такая музыка. Прямо за душу берет.

Время шло. Часы показывали половину третьего. Этот кошмар длился уже два часа. Наверху явно нервничали и шумели вовсю. Я боялся, как бы мои друзья, потеряв терпение, не ворвались сюда.

— Почему там так топочут? — спросил Распутин.

— Наши гости, должно быть, уходят, пойду посмотрю, что там творится.

Наверху Дмитрий, Пуришкевич и Сухотин с револьверами в руках кинулись мне навстречу.

— Ну как, все кончено?

— Яд не подействовал.

— Но ведь доза была огромная? И он все выпил?

— Все.

Посоветовавшись, мы решили спуститься все вместе, наброситься на Распутину и задушить его. Но потом я испугался, что это погубит все предприятие. Распутин поймет, что дело нечисто, а кто знает, на что способен этот дьявол? Я уговорил остальных, чтобы они предоставили все мне одному, взял у Дмитрия револьвер и спустился в столовую. Распутин сидел на прежнем месте, склонив голову и тяжело дыша.

— Вам плохо? — спросил я.

— Да, голова тяжелая и в желудке что-то жжет. Налей мне еще рюмочку мадеры.

Я понял, что роковая минута настала»...

Из протокола расследования деятельности Г. Е. Распутина комиссией Временного правительства:

«Отношения Воейкова (коменданта Царского дворца. — А. М.) к Распутину, настолько насколько его отношение вылилось в письмах первого к жене, было отрицательным. В некоторых из этих писем Воейков называл его злым гением Императорского Дома и России, находя, что этот человек своей близостью ко Двору дискредитирует трон и дает богатую пищу для всякого рода самых невероятных слухов, толков и разговоров, которые могут всегда быть использованы антиправительственными группами. Вместе с тем и считаясь с несо-

мненным влиянием Распутина на Царскую Семью, Воейков не находил в себе достаточно гражданского мужества отказывать Распутину в удовлетворении отдельных частных просьб о назначениях, повышениях, выдаче пособий и т. д. относительно тех лиц, за которых хлопотал Распутин, это видно из пометок Воейкова на вышеупомянутых мною письмах к нему Распутина, найденных при следствии. Вообще Воейков произвел на меня впечатление карьериста, дорожившего своим постом и не способного ценить то внимание и искреннее расположение, которое к нему питали как Государь, так и Императрица. В письмах жены к нему от 1915 года г. Воейкова умоляла его оставить службу ввиду нараставшего революционного движения, причем она предостерегала мужа, что при крушении государственного аппарата его постигнет ужасная участь. Эти письма г-жи Воейковой все проникнуты болезненной ненавистью к Распутину как к несомненному виновнику грядущих, по ее словам, кошмарных событий. Вполне разделяя взгляды жены на этот счет, Воейков тем не менее оставался на своем посту, чтобы разоблачить Распутина и выяснить его настоящую физиономию перед Царской Семейей».

Не является ли это свидетельство наиболее близким к подлинной роли Г. Е. Распутина в судьбах России? Как мы видим, не один Распутин был хорошо осведомлен о будущем царского правления. То есть для этого знания не надо было тогда обладать сверхспособностями. Другой вопрос, а кто более других повинен был за сложившееся положение дел в России? Ответ напрашивается, как говорится, сам собой — Николай II. «Помог» ли ему Распутин усугубить ситуацию и тем самым ускорить приближение революционных потрясений? Видимо да, очень даже помог. И его вполне даже прогнозируемая многими смерть лишь придала этому процессу обвальный характер. Что же на самом деле погубило царское правление? Видимо, этим стала ЛОЖНАЯ религиозность

царя, заложником которой стала и сама Россия (Симанович: «Царь проявлял интерес к спиритизму и ко всему сверхъестественному. В этом лежала большая опасность. Когда он слышал о каком-нибудь предсказателе, спирите или гипнотизере, в нем сейчас же возникало желание с ним познакомиться. Этим и объясняется, что столько жуликов и сомнительных личностей, при других условиях и мечтать не смевших о царском дворе, сравнительно легко получали доступ к дворцу»). Но почему так? Да потому, что наличная религиозность спровоцировала фаталистический подход царя к вопросам своего правления, вполне повлиявшего на характер его роковых решений и кадровых назначений, приведших, в свою очередь, к череде социальных потрясений. А подыграл много всему этому один человек — ложный пророк Григорий Распутин. За что и был наказан по принципу: «Да вкусят злочестивые ярость злочестивых». А тело сожгли потому, что мощи ЛОЖНОГО пророка не нужны и Небу. Впрочем, может быть кто-то докажет иное? Но ответ моей собеседницы на вопрос «Почему убили Г. Распутина и почему сожгли его тело?», который и был ею сформулирован изначально («Ответ прост в своей очевидности. И убили и сожгли потому что боялись. А боялись, потому что не понимали, а не понимали потому, что он был совсем не такой, как они»), будем полагать ошибочным, так как в данном случае подобное приключилось к подобному. Иначе говоря, подлинно Божьих людей на Руси не убивают и не сжигают. А что касательно лечения наследника царя, то и Кашпировский был замечен в проведении операции без наркоза...

Враги Григория Распутина

Так к началу 1911 года сибирский странник, говоривший о любви и никому не хотевший зла, «крошка», как он сам себя называл, оказался лицом к лицу с могущественной и неожиданной коалицией врагов.

Во-первых, против него были настроены епископы-традиционалисты, видящие опасность для церковных устоев во всяком новом, пусть даже мутном, учении, во всякой попытке покуситься на их исключительное право быть посредниками между Богом и людьми.

Во-вторых, многие правые, особенно те, кто вначале рассчитывал, что он будет проводником их воли. «Неуправляемость» Распутина сбивала их с толку, а его «народничество» отдавало в их глазах левизной. Те же, кто просто хотел взлететь на «правой волне» повыше, опасались мужицкого влияния на царя.

В-третьих, родственники царя и придворные, которых раздражало и пугало, что царь общается с «мужиком» и выслушивает его советы, подрывая тем роль аристократии и разрушая казовые принципы.

В-четвертых, административно-полицейские круги, видящие в контакте мужика с царем опасность для плавного хода бюрократической машины и стремящиеся при постоянном соперничестве правительства и общества избежать всякой возможности скандала и пятнающих власть слухов.

В-пятых, либералы — некоторых из них тоже раздражал или смешил мужик у трона, но главным для них был не сам Распутин, писали даже, что он «лучше той среды, которая сотворила из него кумира», а возможность через него косвенно атаковать самодержавие.

В-шестых, иностранные агенты и связанные с ними проатлантически настроенные либералы, желавшие продолжения участия России в мировой войне на стороне Антанты. Внешние силы, тайно желавшие разжечь в России революцию ради свержения самодержавия и последующего исключения ее из числа стран победителей и решивших использовать для этого «втемную» российские либерально-патриотические круги.

Так какая же партия (сила) и за какие прегрешения его убила и сожгла тело?..

В своем последнем заключении о Г. Распутине я только хотел подчеркнуть, что кличка «Святой черт» была дана любимцу царской семьи не просто так, от скуки или от желания его замарать. К тому были основательные причины, узнать кои как раз и составляет смысл наших изысканий. Я думаю, что нам нечто уже удалось, впрочем, до искомой полноты ответа еще явно далеко...

Лана Александровна (собеседница автора по интернет-дискуссии по фигуре Г. Распутина), мыслить антиномиями (непримиримыми противоречиями) для меня не в диковинку. Это первое. И скажу более того: именно наличие неснимаемого противоречия есть критерий или верный способ отыскания истины. Только по этой причине я заострил Ваше внимание на понятии «Святой черт». То есть речь в данном случае идет так или иначе об обожествлении черта. Вот в чем суть. Вот чего Вы высокомерно не хотите видеть. Сложность всей ситуации в том, что Распутин наделен был Свыше особым даром. Другое дело, как и во имя чего он его употреблял. Или чему послужил на самом деле весь его путь. Не случайно могила его наставника старца Макария также канула бесследно в Лету. Казалось бы, все должно было стать ровно наоборот. Но нет, случилось так, как случилось. В отношении тела самого Распутина произошло то, что было попущено Свыше в качестве назидания всем ложноверующим. Другое дело, что в политическом смысле для либералов 1917 года Распутин был абсолютно неприемлем ни в каком виде. Только поэтому они, получив власть в свои руки, первым делом и уничтожили все вещественные следы своего возможного конкурента в части политического влияния, связанного напрямую со сверхспособностями, коих у них самих не было. Это второе. А в вопросе нашей с Вами совместной работы скажу так. Хотите Вы того или не хотите, но объективно мы с Вами способствуем друг другу в части отыскания истины. Это третье. Надеюсь,

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

что и наши читатели также подвигаются вместе с нами к тому же. И наконец, смысл понятия ДОБРА имеет непреходящее значение. И если Ваша любовь вне добра, то и грош ей цена. Она тогда либо конфетна, либо демонична. Кстати, подлинное добро также не сахар будет. В нем и строгость, и взыскание подробное. Зачем? А затем, что только тогда БЛАГО или СПАСЕНИЕ ДУШИ будет. Теперь о свидетельствах Воейкова на основе материалов следствия комиссии Временного правительства. Вот Вы выше приводите слова: «Вообще Воейков произвел на меня впечатление карьериста, дорожившего своим постом и не способного ценить то внимание и искреннее расположение, которое к нему питали как Государь, так и Императрица». Так ведь они никак не умаляют оценок Воейкова, сделанных им на счет Распутина. Наоборот, приведенная характеристика говорит о том, что он не был подобострастен, а значит, был более объективен, чем многие другие свидетели, желавшие угождать. Поэтому-то свидетельства Воейкова, через которого шли письменные обращения «старца» к царю, и его супруги (в письмах) о Распутине весьма основательны...

Продолжая разговор о подлинной роли Г. Распутина в судьбе России, вчитаемся в оценку его личности, данную начальником Департамента полиции Белецким:

«Распутин обладал недюжинным природным умом практически смотрящего на жизнь сибирского крестьянина, который помог ему наметить свой жизненный идеал. Поэтому Распутин пошел по пути своих склонностей, которые в нем развились под влиянием общения его во время странствований с миром странников и с монашеской средой. Общение это дало Распутину зачатки грамотности и своеобразное богословское образование, приноровленное к умению применять его к жизненному обиходу, расширило его взгляд на жизнь, развило в нем любознательность и критику, выработало в нем чутье физиономиста, умев-

шего распознавать слабости и особенности человеческой природы и играть на них, и само по себе повело его по тому пути, который растворил перед ним страдающую женскую душу.

Распутин ясно отдавал себе отчет в том, что узкая сфера монастырской жизни, в случае поступления его в монастырь, вскорости выбросила бы его из своей среды.

В сознательную уже пору своей жизни Распутин, игнорируя насмешки и осуждения односельчан, явился уже как «Гриша-провидец» ярким и страстным представителем этого типа, в настоящем народном стиле, возбуждая к себе любопытство и в то же время приобретая несомненное влияние и громадный успех, выработавши в себе ту пытливость и тонкую психологию, которая граничит почти с прозорливостью».

Матрена Распутина: «Мой отец действительно был старцем, но только старцем, которому не был чужд мир, старцем, помыслами живущим на земле. Он был мирской со всех точек зрения. Он знал секрет — как спастись в этой жизни».

Как мы видим, в натуре Распутина соединилось и земное (телесное) и духовное (идеальное). Однако сам подобный симбиоз уже содержал в себе самом и грядущую печальную участь этого человека, так как подобное «сидение сразу на двух стульях» не могло не привести его к столкновению с миром, особенно в контексте настоячивых устремлений Распутина в высшие сферы земного управления. В результате его роль оказалась на редкость эффективная с точки зрения ускорения падения монархии. Спасая царского наследника, Распутин своим нахрапистым поведением одновременно радикально губил авторитет самого царя, превращая его фактически в объект насмешек со стороны своего окружения. Могло так быть сколь-нибудь долго? Отрицательный ответ уже тогда напрашивался сам собою. Другими словами, самовольство Григория Распутина, пытавшего играть заметную роль при царском дворе, в конце кон-

цов, очень дорого обошлось всей России...

Размышляя о сути влияния Распутина на окружавших его людей, наткнулся на следующее свидетельство его личного секретаря Симановича (взято из 2-й книги старшей дочери Г. Распутина Матрены Распутиной «Распутин. Почему?»).

«Я испытал силу Распутина также на себе. Уже много лет я был страстным игроком и проводил много ночей напролет за карточным столом. Я основал несколько карточных клубов. Однажды я так сильно увлекся игрой, что трое суток подряд провел в клубе. Как раз в то время Распутин имел важное дело ко мне. Он звонил мне по телефону, приходил сам в клуб, но ничего не помогало. Когда мы, наконец, встретились, он спросил, что со мной случилось. Я сознался ему, что я много потерял и не хотел прерывать игру. Распутин внимательно меня выслушал. Когда я закончил, он как-то странно улыбнулся и сказал:

— Я дам тебе деньги. Ступай играть.

Я очень удивился его предложению и отказался играть на его деньги.

— Вместо того чтобы проигрывать деньги, — сказал Распутин, — ты бы лучше купил себе новые мозги.

Он пригласил меня сесть за стол и воскликнул повелительно:

— Садись теперь, выпьем!

Я последовал его приглашению. Распутин принес бутылку вина и налил два стакана. Я хотел пить из моего стакана, но Распутин дал мне свой, затем он перемешал вино в обоих стаканах, и мы должны были его одновременно выпить. После этого странного действия наступило короткое молчание. Наконец Распутин заговорил:

— Знаешь что? Ты в свою жизнь БОЛЬШЕ НЕ БУДЕШЬ ИГРАТЬ. КОНЕЦ ЭТОМУ. Ступай, куда хочешь! А я погляжу, исчезнешь ли ты еще раз на три дня.

Пока он говорил, он все время смотрел мне напряженно в глаза. Я испытывал какое-то неприятное, странное чувство. После этого Распутин встал и оставил меня в замешательстве

одного. После этого я до смерти Распутина никогда не играл, хотя оставался владельцем карточных клубов. Также я не играл на скачках и сберегал этим много денег и времени. После его смерти прекратилось действие СТРАННОГО ГИПНОЗА, и Я ОПЯТЬ НАЧАЛ ИГРАТЬ».

Как видно, лечение от игромании с помощью вина и гипноза явно не Божье дело. Мог ли подлинный старец прибегать к подобному странному методу исцеления человеческой души? Вряд ли. Вот и выходит, что Распутин родом скорее всего из числа одаренных, но все-таки лукавых людей будет. Иначе говоря, подлинное чудо ОБРАТИМОСТЬЮ не страдает...

А вот как Распутин становился орудием провокации против царской семьи и монархии в целом. Свидетельство Матрены Распутиной:

«Отец не делал секрета из того, что любил бывать на “Вилле Родэ” в ресторане с цыганами. Будучи человеком общительным, он вскоре завел друзей среди тамошних завсегдатаев.

Однажды в их обществе появилась бывшая балерина по имени Лиза Танзин, финка, ведшая класс в балетной школе. Ей было нетрудно приблизиться к отцу. Заговорили о цыганских плясках, которые отец обожал. Лиза умело раззадорила отца и повела танцевать, зная, что он это любит.

Разомлевший отец поддался на уговоры новых приятелей и поехал с ними домой к Лизе. Там веселье продолжилось, принесли вина... Очевидно, туда подмешали какое-то зелье, потому что отцу стало плохо и он совсем не понимал, что происходит. Тем временем, как и задумывалось, вечеринка перешла в оргию. В самый пикантный момент появился фотограф. Так были состряпаны карточки, на которых отец предстал в окружении стайки соблазнительных нагих красоток. (Правда, те, кто видел эти фотографии, утверждали, что отец выглядел там как человек в бессознательном состоянии. Но кого это смущало?) На рассвете двое крепких парней доставили отца к нашему дому. При этом они во всю глот-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

ку орали разухабистые песни — явно, чтобы разбудить соседей и лишний раз засвидетельствовать происшедшее. Проснувшись, отец не мог вспомнить ничего. Через несколько дней к нам пришел незнакомый человек и передал отцу пакет. Как оказалось, с фотографиями, сделанными на «Вилле Родэ». Только увидев фотографии, отец начал понемногу вспоминать о событиях злосчастной ночи.

То есть выходило так, что Распутин объективно стал наносить вред как себе самому, так и своему Отечеству, о котором так много переживал временами.

Ниже читаем еще одно свидетельство Матрены Распутиной о том, что ее отец, приблизившись к царской семье, очевидно взвалил на свои плечи непосильную ношу, поставив тем самым под удар очень многих:

«Случись нападение (речь о покушении на Распутина Х. Гусевой. — А. М.) на него хотя бы годом раньше, он быстро оправился бы от ран, но сейчас он, казалось, и не хотел выздоравливать. Думаю, виной тому непонимание и даже разлад между ним и горячо любимым им Николаем (речь о Николае II. — А. М.). Дело усугублялось тем, что вместе со здоровьем из отца уходила и способность исцелять людей. Пытаясь заглушить боль и стыд, отец начал пить. Это приносило лишь временное облегчение. Чем больше он пил, тем больше ему приходилось пить, чтобы загнать боль поглубже. Все это подрывало его физические и духовные силы. Отец молился с прежним рвением, но его накрывала новая «темная ночь души». Молитвы оставались без ответа. В те дни отец был похож на внезапно ослепшего. Кроме меня — а он никогда не любил обременять своих детей личными проблемами — был только один человек, к которому он мог обратиться за утешением и пониманием. Верная и любящая Дуня (служанка в доме Распутиных, приехала с Распутиным в Петербург из Покровского) лучше всех проникала в охватившее его смятение. Она считала,

что в нынешнем состоянии отцу было бы лучше вернуться домой, в Покровское. Но отец не желал отдаляться от царской семьи. Отец метался в поисках избавления от надвигавшейся ночи. Только Дуне удавалось хотя и немного, но все же сдерживать его, не позволять окончательно уничтожить самого себя».

А вот тот же свидетель сообщает о Распутине в канун его гибели:

«Отец зачастил на «Виллу Родэ». В ответ на наши увещевания он раздражался (что было совершенно для нас непривычно и так с ним, прежним, не вязалось) и буквально стонал в ответ:

— Скучно, затравили... Чую беду! Не могу запить того, что будет потом.

Как-то утром отец вернулся домой обессиленным и едва смог одолеть ступеньки. Упал на постель. Обхватил голову руками, давя пальцами на глаза. Было слышно едва различимое причитание:

— Только бы не видеть, только бы не видеть...

Вдруг раздался телефонный звонок. Я сняла трубку и узнала голос царицы. Она была взволнована, даже не пыталась скрыть истерики. Царевич отправился на фронт вместе с отцом, чтобы поднять боевой дух в войсках, и заболел.

— Только Григорий Ефимович может помочь.

Я бросилась к отцу. Он лежал, глядя невидящими глазами в потолок, и явно не слышал ни одного моего слова. Лицо его было пепельно-серым, руки ледяными»...

Постскриптум

Так почему все-таки убили Г. Распутина и почему сожгли его тело? Видимо, его влияние на царя было настолько значительно, что враги самодержавия либо конкуренты по использованию царя в собственных интересах не могли не прибегнуть к тому, чтобы попытаться убить раздражавшего их мужика, являвшегося к тому же

преградой на их пути к вождельным целям. Кстати, мотивы убийства «старца» могли пониматься при этом как вполне патриотические. Поэтому и выходит то, что по результату убийства Г. Распутина, который заранее предрек: «После моей смерти все у вас рухнет», что главные беды России коренятся в самой России. И всякие попытки переведения «стрелок» вовне на какое-либо иностранное и очень даже вредоносное влияние есть лишь изощренный способ слома сопротивления внутреннего противника путем «обнуления» его ресурса для ведения им встречной борьбы во имя уяснения истинного положения вещей в самой России. То есть и сегодня находятся еще сателлиты нынешней вполне постыдной власти, которые ловко объясняют ее позорное поведение исключительно происками, например, англичан. Иначе говоря, английскую или иную иностранную карту регулярно (из века в век) используют сугубо боготорческие силы внутри самой России. Делают они это для списания на англичан или иных иностранцев собственных жутчайших грехов, а также для смятения душ искренне ищущих

правду русских людей, непрерывно сковывая тем самым их понимание подлинной картины жизни в России. И то, что эти силы при этом объективно находятся порой с иностранцами «в одной упряжке», когда их интересы совпадают, никак не является доказательством исключительно иностранного характера российских бед.

Но зачем все же сожгли тело старца? А видимо, затем, чтобы пресечь посмертное влияние Г. Распутина на народ России в части усиления ресурса его духовной самозащиты от губительного наступления власть имущих лиц, всегда много и жестоко угнетавших и обманывавших русский народ. Впрочем, некоторые исследователи из числа адвокатов постсоветского режима утверждают, что таким жутким способом уничтожались улики (английский след), связанные с убийством Г. Распутина. Одно ясно совершенно: от нечего делать никого не убивают, и тем более не сжигают. Как бы там ни было, но у России и поныне только один настоящий враг — *боготорческая власть*, истово стремящаяся к безответственности, роскоши и господству.

Е. С. Роговер

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА и традиции русской поэзии

Одной из самых значительных утрат для отечественной поэзии в 2010 году стала смерть Беллы Ахмадулиной. Уход ее вслед за Андреем Вознесенским стал воистину мрачным днем трагического декабря минувшего года.

Поэтесса родилась 10 апреля 1937 года в Москве, в семье служащих. Среди ее предков — итальянцы, волею судьбы осевшие в России, русские и татары — со стороны отца. Значит, будущему Поэту (это слово Белла Ахатовна предпочитала нежелательному названию «поэтесса») суждено было вобрать в себя культуру Запада и Востока, которую исторически аккумулировала и ее Россия.

С детства Белла хорошо усвоила понятия о красоте и добре. Родственники вспоминают, что когда еще совсем маленькой девочкой она впервые увидела цветы, то восторженно произнесла: «Я такого не видела никогда!» Это восхищение красотой сохранится у нее навсегда. Впрочем, и сама она была олицетворением прекрасного. Об этом свидетельствуют ее портреты разных лет. Знаменателен и такой эпизод ее раннего детства. В соседнем с ее московским домом Ильинском сквере она гуляла с редкостно доброй бабушкой. Неподалеку играл мальчик, к которому не подпускали других детей, поскольку он болел корью. Но бабушка предложила Белле поиграть с ним, наставительно пояснив: «Лучше заболеть корью, чем оставить кого-то одиноким». Девочка переняла болезнь, но на всю жизнь усвоила совет бабушки и всегда несла в себе неуядаемое чувство доброты. Мне посчастливилось его ощутить. Когда я познакомился с

нею в октябре 1988 года, она с исключительной благожелательностью и добротой написала мне на своих тарусских стихах: «Дорогой Ефим Соломонович! Примите искреннее пожелание радости и утешения! Ваша Белла Ахмадулина». И она запомнилась мне отзывчивой, искренней, красивой и вдохновенной.

Она с детства писала стихи, вероятно, предчувствуя, что ей суждено выбрать дорогу Поэта. Предощущение того, что она верно определила свой путь, привело ее сначала в газету. Небольшая заметка «Метростроевцы учатся» стала первой ее публикацией. Это было в сентябре 1954 года. Став внештатным корреспондентом газеты «Метростроевец», она периодически печатала в ней статьи о жизни московского метро и о жизни вообще. Одновременно Б. Ахмадулина посещала литературное объединение при автозаводе (ныне им. И. А. Лихачева) и занималась здесь под руководством замечательного поэта Евгения Винокурова. Позже она напишет: «К таланту Винокурова отношу я его доброе и сильное участие к моим... стихотворениям» и еще: «я стала руководима, его легкой рукой водима по началу жизни»¹. Именно этот поэт 5 мая 1955 года опубликовал в «Комсомольской правде» со своим предисловием и напутствием ее стихотворение «Родина».

В 1954 году произошло еще одно важное событие в духовной жизни Беллы Ахмадулиной. Она посетила клуб МГУ, где впервые увидела на деревянном возвышении Бориса Пастернака, читавшего стихи. Много лет спустя она вспомнит: с нею что-то происходило.

Поэт «пел и говорил, или то и другое вместе, — ничего похожего и подобного я не видела, не увижу, и никто не увидит. И не услышит.<...> Лицо его и голос — вот перед чем хотелось бы не провиниться, не повредить своей грубой громоздкостью хрупкости силуэта, прочности осанки...»² И еще она напишет в стихотворении «Памяти Бориса Пастернака»:

В том равновесье меж добром и злом
был он повинен. И земля летела
неосторожно, как она хотела,
пока свеча горела над столом.

Следующим шагом Б. Ахмадулиной — шагом продуманным и верным — стало поступление в литературный институт им. А. М. Горького. Она уже безраздельно была очарована поэзией русской классики, а студенты вуза очаровывались ею, грациозной, изящной, бесконечно талантливой. Писатель В. Войнович расскажет: «В студенческие годы я специально приходил в Литинститут, чтобы посмотреть на Ахмадулину. Я любовался ею и любил слушать ее голос. Ее стихи такие молодые, как и она сама».

Для участия в творческом конкурсе она выбрала 12 стихотворений. Рецензентом оказался видный поэт Илья Сельвинский. Он высказался так: «Стихи поразительные по силе, свежести, чистоте души, глубине чувства. Принять обязательно!»³ Кроме этого отзыва, И. Сельвинский написал Б. Ахмадулиной письмо, исполненное восхищения молодой служительницей поэтической музы.

В литературном институте студентка занималась в семинаре Александра Коваленкова, высоко ценившего свою одаренную ученицу. Потом она перешла в семинар Михаила Светлова, чье наставничество стало еще одной важной вехой в становлении Б. Ахмадулиной. Она все чаще публикует свои стихи в газетах и «толстых» журналах, обретает смелость участия в дискуссиях и на поэтических вечерах. Все ярче проявляется мужество Поэта, принципиальность и исключительная порядочность. Когда в 1958 году в связи

с присуждением Б. Пастернаку Нобелевской премии начались его поношения и травля, а студенты Литературного вуза были обязаны подписать письма, шельмующие великого поэта, Белла Ахмадулина решительно отказалась это сделать, за что была исключена из этого института. Лишь спустя полгода она была в нем восстановлена благодаря ходатайству тогдашнего главного редактора «Литературной газеты» С. С. Смирнова и ряда других писателей. Прекрасные отзывы на ее дипломную работу «Стихи и переводы» дают Вс. Иванов, Л. Ошанин, М. Луконин, Е. Долматовский. Белла Ахмадулина с отличием завершает учебу в писательском вузе. Она блистательно входит в большую русскую литературу.

В творчестве Б. Ахмадулиной можно условно выделить четыре этапа.

Первый этап охватывает время учебы в Литературном институте и пору вхождения в поэзию (1955–1964). Важнейшей вехой этого периода стал выход первого поэтического сборника «Струна» (1962). Его инициатором, составителем и редактором был прославленный автор поэмы «Сын» Павел Антокольский. Долгая творческая дружба с ним, несмотря на существенную разницу в возрасте, наполнила жизнь пожилого Антокольского и юной Беллы большим человеческим теплом и поэтическими восторгами. По верному и меткому замечанию О. Грушниковой, она стала современным вариантом высочайшей державинско-пушкинской поэтической эстафеты. П. Антокольский напишет замечательное эссе «Белла Ахмадулина», которое успеет поместить в четвертый том своего собрания сочинений, и посвятит ей стихотворение, где воскликнет:

Здравствуй, Чудо по имени Белла
Ахмадулина, птенчик орла!

А она посвятит ему два стихотворения (1956, 1978) и два эссе — «Миг бытия» и «Так вот какова эта ночь (Прощаясь с Павлом Григорьевичем Антокольским)». Она нарисует его вдохновенный портрет:

Он не старик. Он —
семь чертей пригожих.

Он, палкою по воздуху стуча,
летит мимо испуганных прохожих,
едва им доставая до плеча...

Эта необыкновенная дружба прервется лишь в 1978 году, в год ухода его из жизни, а началась она со звуочной «Струны». Этот сборник открывался стихотворением «Светофоры», исполненным ощущения неудержимого молодого движения вперед и с трудом сдерживающего начала:

Видно, выход —
в движенье, в движенье,
в голове, наклоненной к рулю,
в бесшабашном головокруженье
у обочины на краю.

В сборнике живет стремление увидеть и раскрыть невиданную красоту окружающего мира, бескрайнего и бесконечного, для чего необходима цепкая и зоркая наблюдательность:

Необъятная земля, но в ней нет ничего,
Если вы в ней ничего не заметите.

Поэта радуют сибирские просторы («мне вздыхалось сладко/в Сибири, в чистой стороне»), целинные земли («Из целинной тетради»), зрелище новой домны, древние рисунки в Хакасии, строительство дороги Абакан — Тайшет, обычаи абхазцев; ее захватывает «власть чужой работы» и «чужое ремесло», сиянье детских лиц, портреты водителей. Обостренный слух и меткая наблюдательность позволяют ей разглядеть ускользающие детали, услышать особый звук дождя и мелодизм имен грузинских женщин, интонации мазурки Шопена и обаяние старинного слога. Поэт открыт всем краскам бытия, которые воспринимает с детской непосредственностью и передает с поразительной образностью, всякий раз обнаруживая яркую талантливость и свежесть восприятия. На сборник откликнулись А. Марченко, С. Лесневский, В. Зайцев, В. Огнев, А. Урбан и другие. Замечательное эссе, посвященное «Струне», написал Михаил Светлов.

В том же 1962 году Б. Ахмадулину приняли в Союз писателей. Добрые слова о ней сказали на писательском пленуме Я. Смеляков и С. Кирсанов, который, рекомендуя ее, отметил: «Это чудесный, поразительный, дивный поэт — поэт, который украшает нашу жизнь, поэт прекрасных слов и прекрасных мыслей»⁴.

Вскоре Белла Ахмадулина вступает в своеобразное содружество так называемых «громких» поэтов, которые любят выступать на эстраде, в зале Политехнического музея, на площадях, в Лужниках. Перестроив пастернаковские строки («Нас мало. Нас, может быть, трое донецких, горячих и адских...»), Андрей Вознесенский провозгласил: «Нас много. Нас, может быть, четверо...». В этом стихотворении, посвященном Б. Ахмадулиной, автор «Ахиллесова сердца» рисует портрет единственной участницы этого содружества («ангел на вид», «хорош твой фарфоровый профиль»), подчеркивая свойственные ей и другим из четверки поэтов динамизм, «превышение скорости», чувство неудержимого движения, бесшабашность (она — «лихач катастрофный»), антимещанскую направленность, активность творчества («певчая скорость, убийственной из скоростей»), острое ощущение новизны, артистизм, дух молодости, наступательный напор. Правда, Белла все-таки существенно отличалась от А. Вознесенского и Р. Рождественского с их публицистичностью и от Е. Евтушенко с его риторичностью и рационализмом. Ей был присущ пронзительный лиризм и устремленность к вечным темам, вкус к старинной речи и выражение интонации печали.

Эти особенности дарования Б. Ахмадулиной ярко сказались в поэме «Сказка о Дожде» (1962), в которой лирической героине чуждым оказывается обстановка элитарного дома, где она чувствует некое пресыщение уютом и покоем, самодовольство и умеренную бесперемонность. Героиня вспоминает о Дожде, оставленном за порогом этого дома, зовет его ворваться в мир благополучных хозяев, чтобы

смыть с него плесень и цепкую «паутину».

В 1964 году Б. Ахмадулина публикует в «Юности» поэму «Моя родословная». Раскрывая тему, заявленную в заголовке, Поэт осуществляет путешествие во времени в течение двух столетий. Она размышляет о человеке, еще не рожденном, но нетерпеливо жаждущем жизни, яркой, активной, творческой, устремленной из прошлого в грядущее. Порой голос Поэта обретает и мощное публицистическое звучание, и читателю становится ясным, что Ахмадулиной доступны не только камерные, но и широкие общественные, гражданские темы, хотя обычно она демонстрирует свою отрешенность от политики. Поэт свободно и легко в каждом эпизоде поэмы меняет метрическую организацию стиха, лексику и синтаксис языка, показывая, что автору доступна любая поэтическая техника. Игровые приемы Поэта подчиняются важной мысли об ответственности человека за свой жизненный выбор, об уникальности судьбы каждой личности. Ярко звучит и патриотический пафос автора:

...я не хочу свершить в земле иной
мой первый вздох
и мой последний выдох.

В те же годы Белла Ахмадулина дважды снимается в кино: в 1964 году в фильме В. Шукшина «Живет такой парень» (она исполняла близкую ей роль корреспондентки) и в 1965 году в фильме Марлена Хуциева «Застава Ильича» («Мне двадцать лет»), где она показана выступающей в Политехническом музее.

Второй период творчества Беллы Ахмадулиной (1965–1979) закрепляет ранее сложившиеся черты ее поэзии. Он протекает в период, когда хрущевская «оттепель» начинает сменяться «заморозками». И хотя время от времени появляются фельетоны, отрицающие молодую поэзию «шестидесятников» (в «Крокодиле» фельетон назывался «Верхом на розовом коне»), популярность Поэта растет. Запреты

и огульная критика лишь усиливают интерес к недозвоненному.

В 1968 году выходит новый сборник Ахмадулиной — «Озноб», но напечатан он был за рубежом, в издательстве «Посев» (Франкфурт). Редактором книги стала Н. Б. Тарасова, которая многие годы была связана с журналом «Грани», издаваемом тем же «Посевом». Издания эти рассматривались официальной советской пропагандой как враждебные нашей идеологии. А в «Ознобе» оказались опубликованными произведения предшествовавших 13 лет: стихотворения, первые переводы и проза. Поэта ожидали весьма неблагоприятные последствия. Новые сборники крамольного автора стали подвергаться жестокой цензуре. Белла Ахмадулина не была диссиденткой, но ей приписывались нежелательная вольность и крамола. Ей припомнили и прежнее участие (1959–1960) в самиздатовском журнале «Синтаксис». Однако Поэт не обрекает себя на молчание. В одном из стихотворений 60-х годов, обращаясь к самой себе, она требует:

И впредь играй, не ведай немоты!
В глубоком одиночестве зимою,
Я всласть повеселюсь средь пустоты,
Тесно и шумно населенной мною.

Но обстоятельства периода «заморозков» все же вынуждают быть замкнутой, что отразилось в стихотворениях «Немота» и «Ночь». Нужно было найти силы и новые темы, чтобы преодолеть наметившийся кризис. Б. Ахмадулина находит их, обратившись к стихам, строго и трезво анализирующим ранее написанное, к теме творчества и мотиву поэтического вдохновения, к осмыслению поэтических традиций и к переводческому искусству.

Разрабатывая тему творчества и художника, Б. Ахмадулина затрагивает трагические мотивы, говорит о погибших поэтах, о нелегкой, драматической судьбе творца. В этой связи она пишет о Марине Цветаевой — в стихах и прозе, — вспоминая, как та жила всю жизнь «Без книг. Без читателей.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

Без друзей. Без круга. Без среды. Без всякой защиты... Без всякой жалости. Хуже, чем собака», но при этом хранила и создавала «все». При этом Б. Ахмадулина осознает, что продолжает традиции Цветаевой, наследуя ее экспрессию. Б. Ахмадулина много размышляет и об Ахматовой. Она вспоминает, что ее, Ахмадулину, иногда называют Белла Ахматовна. Случайно ли это? Ахматовой она посвящает стихотворения «Строка» (1968), «Снимок» (1973), «Я завидую ей — молодой...» (1974) и позднее эссе «Всех обожаний бедствие огромно» (1966). И осознает, что ее торжественность, неоакмеизм, камерность звучания многих стихов — это идет от Ахматовой. Б. Ахмадулина много пишет о Пастернаке и приходит к выводу, что ее лирический импрессионизм в стихах о природе — это безусловное наследование его традиций. Нередко Ахмадулина обращается к образу Пушкина и догадывается, что ее чувство языка, тяготение к гармонии, пластичность образов, высота ее слога — это восприятие пушкинской традиции. Еще чаще наш поэт размышляет о Лермонтове, начиная со стихотворения «Дуэль» (1962), и ее осеняет, что неизменная любовь к Кавказу, конечно, обострилась и окрепла во многом под влиянием лермонтовских стихов и поэм. А ее неизменная любовь к старинной русской речи берет свое начало в древнерусской литературе и фольклоре. Иначе как же объяснить такие ее строки: «Человек в чисто поле выходит, / травки-клевер зубами берет...»

После непродолжительного перерыва и преодоления кризиса выходит новый сборник Б. Ахмадулиной — «Уроки музыки» (1969). Эта книга зрелости обнаруживает, что Поэт отошел от темы любви, которая была естественной и органичной для первых сборников. Вместо нее Ахмадулина посвящает стихи теме дружбы и в самом широком, и в самом конкретном, узком ее понимании. И. Винокурова, откликнувшаяся на этот сборник, и М. Шагинян, автор рецен-

зии на него в «Литературной России», обратили внимание на настойчивую и вдохновенную поэтизацию товарищества. Она «разработала поэтику дружбы, причем дружбы счастливой. Разработала поэтику ее клятв и заповедей, ее вещих снов, ее встреч и разлук»⁵. Другая доминанта сборника — музыка, окружающая нас, музыка в нашей душе и музыка слова. Ее привлекает не бетховенское начало, а, скорее, шопеновское. Воздействие старой речевой традиции особенно ощутимо в таких стихотворениях, как «Сон», «Плохая весна», «Тоска по Лермонтову», и эта языковая стихия преобладает над обычной разговорной речью таких вещей, как «Мои товарищи» и «В метро, на остановке „Сокол“». За сборником «Уроки музыки» последовали «Стихи» (1975), «Метель» (1977), «Свеча» (1977).

Свою духовную опору Б. Ахмадулина находит и в переводческом искусстве. Продолжая начатое еще в Литературном институте, она создает большой цикл переводов грузинских поэтов, начиная от Николоза Бараташвили, Галактиона Табидзе, Симона Чиковани и кончая Анной Каландадзе, Отаром и Тамазом Чиладзе. Эти переложения составили замечательный сборник «Сны о Грузии» (1977), вышедший в Тбилиси и получивший самую высокую оценку как на родине этих поэтов, так и в России. Вскоре (1979) этот сборник вышел вторым изданием. Прекрасными стихами отмечены в эту пору и обращения к русской теме: «Дом» (1976), «Я школу Гнесиных люблю» (1976), «Восхваление друга» (1972), «Подражанье» (1974), маленькая поэма в духе шутивых стихов Пушкина — «Дачный роман» (1975).

Приняв участие в создании альманаха «Метрополь» (1979), воспринятом как крамольный, несмотря на то, что в нем печатались такие крупные мастера отечественной прозы, как Ф. Искандер, А. Битов, В. Аксенов, В. Ерофеев и поэт А. Вознесенский, Б. Ахмадулина поместила в него свой сюрреалистический рассказ «Много собак и Собака». Цензура, однако, не пропустила его в печать. Авторы альманаха

были обречены на длительное вынужденное молчание.

Первым стихотворением, опубликованным после долгой немоты, стала программная публикация Беллы Ахмадулиной — «Мы начали вместе: рабочее, я и зима...» Стихотворение это стало началом *третьего этапа* творчества, продемонстрировавшего подлинную зрелость Поэта. Этот период охватывает восьмидесятые и первую половину девяностых годов (1980—1996). Один за другим выходят новые сборники Ахмадулиной. Сначала на прилавках магазинов появилась книга «Тайна» (1983), сразу раскупленная читателями. Стало ясным, что мир автора существенно преобразился. Мужем Беллы был известный художник, сценограф Московского Художественного театра Борис Мессерер. Его знаменитая мастерская на Поварской становится живительным культурным оазисом столицы, где собирались люди искусства и литературы. Эти перемены в жизни нашли свое отражение в сборнике. Ряд стихотворений рисует образ нового друга. Прежний городской пейзаж сменился сельским, что связано с частым проживанием в Тарусе, пребыванием в гостях у В. Высоцкого в Красной Пахре, в Переделкино и Малеевке. Сельские просторы, поля, перелески, проселочные дороги — вот ландшафт таких стихотворений, как «Дорога на Паршино, далее — к Тарусе...», «Отселева за тридевять земель...», «29 день февраля», «Ночь на тридцатое марта». Поэт прославляет тишину, уединение, творческую сосредоточенность и, как всегда, вдохновение, рожденное соприкосновением с целительной природой и простыми людьми из народа. И еще она умеет раскрывать неповторимую поэзию самых обыденных предметов («Непослушание вещей»), которые пробуждают ее воображение и фантазию.

В 1987 году опубликован сборник «Сад», в котором можно уловить отдельные мотивы А. Блока, в частности его поэмы «Соловьиный сад». Б. Ахмадулина очень чутка к слову, его природе и звучанию, его смыслу и красо-

те. Примером такого пристального внимания становится стихотворение «Сад»:

Я вышла в сад, но глушь и роскошь
Живут не здесь, а в слове «сад».
Оно красую роз взрослых
Питают слух, и нюх, и взгляд.

Но поэт не замыкается в уединенной оранжерее и время от времени выходит из Сада и попадает в провинциальные городки, чтобы «окунуться» в мир самых обыкновенных людей, нередко с печальной судьбой. Так появляются образы «Кривой Нинки», «Василия», «Таньки». Это персонажи, увиденные на площадях, в сельских больницах, даже трущобах. Их можно увидеть и на страницах очередного сборника — «Ларец и ключ» (1994), например, в стихотворении «Вокзалчик», где люди пьют бормотуху прямо из цистерны, что задержалась на грязном полустанке. Все это — принципиально новые темы и образы в поэзии Беллы Ахмадулиной. Но главным пристрастием Поэта остается природа, сращенная с культурой, и мир друзей, надежных и верных, интересных и безмерно талантливых, как Булат Окуджава, Василий Аксенов, Андрей Битов, как балерина Майя Плисецкая и композитор Родион Шедрин.

Четвертый этап творчества Б. Ахмадулиной (1997—2010) ознаменован безусловным читательским признанием того значительного места, которое она заняла в русской поэзии. В глазах современников она — не только нежная и хрупкая, но и поразительно твердая, мужественная, эталон справедливости, честности и совестливости. Святослав Бэлза говорил о ней: «У Беллы, как в балете, сквозь хрупкость проглядывает огромность таланта и красота души...» Виктор Ерофеев писал о ней так: «Если в России есть нравственный хребет, то Белла — его составляющая. Она на себе держит нашу моральную радугу».

В этот период она совершает большие поездки по стране и в различных аудиториях читает свои стихи, встречаемые с энтузиазмом. Слушатели

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

восторгаются неудержимыми «потоками» ее стихов, их смыслом и звучанием, любят ее завораживающим голосом. Вслед за сборником эссеистики «Однажды в декабре» выходит сборник прозы «Миг бытия» (1997), куда вошли новые эссе и воспоминания Б. Ахмадулиной и очерки о ней. О. Грушников и Б. Мессерер великолепно оформили книгу картинками, фотографиями и дополнили ее справочными материалами. В том же 1997 году прошел юбилей Поэта, в подготовке которого самое деятельное участие принял Борис Мессерер. Вышел сборник «Звук указующий», появилось собрание сочинений в трех томах (1997).

Б. Ахмадулина публикует очерк «Среди долины ровныя», посвященный А. Твардовскому, который как-то сказал о ней: «У нее самый богатый запас слов, у этой татарки. Она слышит рифму, где ее никто не услышит»⁶. Из всех живущих поэтов Твардовский

на первое место ставил именно ее, Беллу Ахмадулину.

Достижения ее в поэзии были отмечены наградами: Пушкинской премией, орденом «За заслуги перед Отечеством» (3-й степени), Государственной премией СССР (1989), Государственной премией Российской Федерации (2004). Белла Ахмадулина приобрела международную известность. Ее избрали Почетным академиком Американской академии искусств и литературы (1977), ее книги изданы на 16 языках, в том числе на английском, немецком, итальянском, иврите, датском, польском... Ее стихи были положены на музыку М. Таривердиевым и А. Петровым, и они звучат в фильмах Э. Рязанова. Выступая на вечере поэзии Беллы Ахмадулиной в Амхерст-Колледже (США), И. Бродский сказал, что она — «сокровище русской поэзии», «лучшее в русском языке»⁷.

Такие признания многого стоят.

Примечания

1. Ахмадулина Б. Миг бытия. М.: АГРАФ, 1997. С. 130.
2. Там же. С. 72.
3. Грушников О. Белла Ахмадулина. Библиографический конспект литературной жизни // Там же. С. 273
4. Там же. С. 276.
5. Винокурова И. «Свирепей дружбы в мире нет любви...» // Русская поэзия XX века / Сост. С. Ф. Дмитренко. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 120.
6. Белинский А. Рифмы Беллы Ахмадулиной // Литературная газета. 1–7 декабря 1910. № 49.
7. Бродский И. Лучшее в русском языке // Белла Ахмадулина. Миг бытия. С. 258, 260.

Комментарий редакции. В настоящей рубрике журнал пробует впервые публиковать отзывы авторов и читателей журнала на заметные, но в целом утопичные изыскания наших современников по вопросам устройства российской государственной жизни. В данном случае Вадимом Петровым, нашим постоянным автором, рассматривается новая книга Николая Старикова «Национализация рубля», которая частью читателей воспринимается в качестве панацеи или примера убедительной программы спасения России. Отдавая должное находчивости автора, который на страницах своей книги ловко осуществляет национализацию Центрального банка России и также легко начинает продажу ресурсов нашего Отечества только за рубли, редакция все же вынуждена выразить свое отрицательное отношение к предлагаемой им концепции, считая ее в целом ложным построением. Почему же? Да потому, что «гладко было на бумаге, да забыли про овраги». То есть сам русский характер или натура вряд ли позволит сбиться на практике предлагаемым планам. Однако в случае появления иного и убедительного взгляда в связи с разбираемой книгой журнал будет готов предоставить возможность для его опубликования на своих страницах, полагая этим свою миссию для решения задачи нахождения действительно верного выхода из сложившейся ныне в России тупиковой ситуации.

Вадим Петров

О «НАЦИОНАЛИЗАЦИИ РУБЛЯ» в версии Николая Старикова

Данная небольшая статья основывается на одной из книг Николая Старикова (Стариков Н. В. Национализация рубля — путь к свободе России. СПб.: Питер, 2011) и посвящена разбору этой работы.

Автор выпустил новое произведение, которому, исходя уже только из его названия, суждено обрести успех. Не сомневаемся, что читателям давно известна крылатая фраза: «О чем бы ни говорили люди, они всегда ведут речь о деньгах». Поэтому, когда мы слышим слово «рубль», то сразу возникает желание снять шляпу или хотя бы со вниманием прислушаться к тому, что о нем говорят. А ведь из названия можно понять еще, что речь в книге идет о национализации отечественной валюты. Поэтому, читая заглавие, сразу начинаешь думать: если речь идет о национализации, то, следовательно, кто-то перед этим уже под шумок переменил в стране успех наш рубль «прихватизировать». Кто же это такой или кто это такие, хваткие и проворные?

И с любопытством открываешь эту книгу, название которой обещает открыть так много интересного.

Книга действительно заслуживает того, чтобы ее внимательным образом прочитали. Но прочитали бы не просто любые читатели, а специально подготовленные в области финансов люди. Не будучи по образованию финансистом, я, разумеется, не берусь судить о чисто монетарных (или антимонетарных), а также прочих экономических достоинствах работы Н. Старикова. Вот почему, исходя из этого, мне, во многом поневоле, в дальнейшем тексте статьи, пришлось останавливаться только на некоторых — доступных фрагментах книги.

Автор в своей книге специально выделил курсивом следующие строки: «Почти все страны мира сегодня вынуждены вести вовсе не ту политику, что соответствует их национальным интересам» (С. 7). Утверждение достаточно банальное. Оно обозначает лишь ту истину, что все страны вы-

нуждены делить между собой одну и ту же планету под названием Земля. Любая страна могла бы беспрепятственно вести политику, «соответствующую ее национальным интересам», только в том случае, если бы она была единственной страной на нашей планете. А так поневоле приходится корректировать свою политику, причем часто в весьма и весьма значительной степени, из-за необходимости учитывать интересы других стран.

На с. 10 автор разбираемой книги приводит понятие «полный государственный суверенитет», по его словам, состоящий из «пяти суверенитетов», которые он и раскрывает. При этом на первое место в числе означенных суверенитетов он ставит, наряду с признанием международным сообществом территории страны, еще такой обязательный признак, как «наличие флага, герба и гимна» (С. 10). А несколькими страницами далее в книге уже написано: «Изучая историю и политику, запомните одну простую истину: наличие флага и герба ровно ничего не значит» (С. 13). Какие мы должны сделать выводы из этой очень небольшой части книги Н. Старикова? Следует ли понимать, что автор противоречит сам себе? Или же наиболее важной частью первого суверенитета автор считает именно государственный гимн, а флаг и герб являются лишь придатками гимна?

Автору дополнительно представляется еще и то, что важное значение имеет также такой вид, который он обозначает как «культурный» суверенитет. Николай Стариков считает, что культурный суверенитет был окончательно потерян нашей страной довольно давно, по крайней мере, еще двадцать восемь лет назад, осенью 1982 года. То есть к концу эпохи правления Л. И. Брежнева. «Именно с потери культурного суверенитета и начинается трагедия России — СССР. Сначала мы потеряли культурный суверенитет при Хрущеве — Брежневе, потом военный суверенитет при Горбачеве» (С. 15). Автор здесь говорит о проблеме явной скороговоркой. Из его слов можно понять, что указанные

виды суверенитета могут быть «потеряны» незаметно для обладателя, на манер носового платка из дырявого кармана. Разумеется, что такое слишком простое объяснение потери «культурного суверенитета» крупнейшей страны мира не может удовлетворить хотя бы минимально образованного читателя. Но вот по какому механизму осуществлялась потеря «культурного суверенитета» при двух таких совершенно разных правителях, какими были Н. С. Хрущев и Л. И. Брежнев, автору следовало бы хоть в минимальной степени объяснить. К сожалению, в книге внятных комментариев по поводу того, что следует понимать под потерей «культурного суверенитета», обнаружить не удастся.

«Сегодняшние цепи состоят не из железа и оков, а из цифр, валют и долгов. Поэтому путь к свободе для России, как это ни странно, лежит в финансовой сфере. *Сегодня нас держат за самое болезненное место — за рубль* [выделено в книге. — В. П.]» (С. 18). Интересный тезис. Автор не приводит, кроме рубля как платежной единицы, ни одного другого примера «болезненных мест» России. Хотя из его слов «...за самое болезненное место...» можно понять, что таких «мест» у страны, по крайней мере, не одно, а несколько. Но если таких «болезненных мест» несколько, то было бы весьма любопытно узнать, по каким именно основаниям автор столь смело обозначил первым по степени «болезненности» именно рубль, а иным, необозначенным им проблемам, оставив места не столь «болезненные», то есть для нашей страны не столь значимые. Кроме того, автору следовало бы указать, какие конкретно «места» нашей страны он считает болезненными.

«Полностью же контроль над СССР Сталин получил лишь 3 мая 1939 года. Что он для этого сделал, вы прочитаете в одной из последующих глав. Таким образом, годы безоговорочного правления Иосифа Виссарионовича правильнее всего можно обозначить как 1939—1953, то есть четырнадцать лет» (Примеч. 1 на с. 53). Как следует из текста книги, такое положение воз-

никло из-за смещения в указанный день Литвинова с поста наркома иностранных дел. Странное утверждение. Если верить автору, то без смещения Литвинова Сталин не мог быть в полной мере самостоятельным. Но в таком случае возникает вопрос. А как же иностранные «кукловоды» Литвинова позволили Сталину сместить свою креатуру? Ведь, согласно автору, именно благодаря Литвинову иностранные «кукловоды» могли полностью контролировать внешнюю политику СССР. И до этого числа Сталин якобы и пальцем не мог тронуть своего наркома иностранных дел. А тут вдруг, в одночасье, взял да и поменял его на В. М. Молотова, заставив последнего, наряду с постом Председателя Совнаркома СССР, взять на себя еще и хлопотный пост наркома иностранных дел.

«Не крепкая экономика делает валюту страны сильнейшей в мире, а наоборот — крепкая валюта делает экономику страны сильнейшей на планете. *Сделайте свои деньги главными деньгами мира, и все остальное перетечет к вам само* [выделено в книге. — В. П.]. Вывод напрашивается простой — ослабление конкурирующих стран необходимо для ослабления конкурирующих валют» (С. 62–63). Вывод очень логичный. Но автор не может ответить на простые вопросы. Почему же никто, кроме США и отдельных стран, не пытался «сделать свои деньги главными деньгами мира»? Неужели только оттого, что количество желающих было очень маленьким? И главное. Каким образом можно добиться силы своей валюты на базе слабой экономики и, вообще, слабой государственности? Ведь в 1944 году американский доллар занял ведущие позиции именно потому, что экономика США к этому времени заняла ведущие позиции в мире, а не наоборот. Причем и как государство США вышло на лидирующие места в мире. В связи с этим автору для подтверждения правоты выдвинутого им положения следовало привести хотя бы один убедительный пример, а лучше несколько примеров, удачного превращения своей

валюты в «главные деньги мира» на базе отсталой экономики и слабого государства.

«С той поры англосаксы действуют в политике, следуя одному неизблемому правилу: правил не существует [выделено в книге. — В. П.]» (С. 63). Зададим автору примерно тот же вопрос. Неужели никто в мире, кроме англичан, не сумел додуматься до такого простого положения? И тогда каждое государство могло бы стать таким же богатым и влиятельным, как Британская империя в период ее максимального расцвета. Но, разумеется, что это совсем не так. Многие сумели это понять. Вспомним хотя бы знаменитую фразу испанской инквизиции: «Цель оправдывает средства». По сути это то же самое, что и приведенная выше цитата из книги Н. Старикова. Но испанская инквизиция почему-то так и не сумела стать ведущей силой в современном ей мире.

Автор выдвигает любопытный тезис: «В условиях войны растут цены, загружены заводы, экономика развивается — у невоюющей страны, разумеется» (С. 77). Интересно. Тогда автору следовало бы сравнить степень развития экономик Швейцарии, Португалии, Испании и Швеции во время Второй мировой войны. И подробно изучить хотя бы развитие экономик СССР, Англии, США и гитлеровской Германии в этот же период. Неужели автор сможет доказать, что экономики этих четырех упомянутых последними стран несколько не развивались? Или же заводы в них были не «загружены»? А может быть, все эти страны следует отнести к числу «невоюющих»? Все ответы, разумеется, будут очевидными. Но тогда и указанный выше тезис следует признать полностью ошибочным (вздорным).

«Полет Руста был организован западными спецслужбами с целью компрометации высшего военного руководства СССР, которое роптало против сдачи страны Западу. Особенный цинизм полету придавал тот факт, что грубейшее нарушение нашей границы Матиас Руст совершил в день пограничника» (Сн. 2 на с. 109). Спецслуж-

бы зарубежных стран на то и спецслужбы, чтобы действовать в интересах своих стран (или своих собственных интересах), а не в интересах СССР. Но тот факт, что легкий самолет беспрепятственно сумел пролететь до центра Москвы и также беспрепятственно приземлиться на Красной площади, соответствующим образом характеризует высшее командование Вооруженных Сил СССР того периода, кто бы и что бы там не организовывал. Для того и существует система ПВО страны, чтобы гарантированно исключить возможность несанкционированных пролетов над территорией страны. А насчет того, что высшее военное руководство СССР «роптало против сдачи страны Западу», нужно заметить следующее. Было бы хорошо узнать, кто из этого руководства вышел тогда в отставку по мотивам нежелания участвовать в «сдаче». О таких случаях что-то особо ничего неизвестно. А вместо «роптания», или даже наряду с ним, все же следовало бы лучше следить за воздушным пространством и за надлежащим функционированием системы ПВО СССР. Что же касается «особенного цинизма» для выбора дня полета, то, думается, вряд ли при выборе даты нарушения воздушного пространства СССР Матис Руст или стоявшие за ним лица хоть как-то учитывали эти чисто моральные аспекты своего начинания.

«Наступает противостояние — та самая холодная война. Начинает его Запад, а вовсе не Советский Союз. Борьба завязывается потому, что Сталин отказался сдать государственный суверенитет России. Его на пару сдадут Ельцин и Горбачев» (С. 123). Судя по тому, что написал ранее в книге сам ее автор, то начали сдавать суверенитет России еще Хрущев и Брежнев (См. с. 15 книги), а Горбачев и Ельцин лишь продолжили эту сдачу. Причем Горбачев сдал уже военный суверенитет, о чем нами было написано выше. А вот какой из видов суверенитета «сдал» Б. Н. Ельцин, автору следовало бы указать более четко.

«С китайцами очень сложно кон-
курировать из-за низкой себестоимо-

сти их товаров. Работа за крошечную зарплату миллионов людей — вот основа конкурентоспособности китайских товаров» (С. 133). Интересно было бы услышать мнение автора по вопросу о том, а почему же наши товары совершенно неконкурентоспособны? Автор анализируемой книги этого совсем не раскрывает. Равным образом он не дает никаких рецептов повышения конкурентоспособности отечественных товаров.

В целом при чтении книги остается непонятным, а почему автор включил в ее структуру главу 7 «Как борец за мир Бенито Муссолини стал сторонником войны». При чтении текста, содержащегося в данной главе, остается совершенно непонятным, как она вообще соотносится с главной темой книги. Какое отношение имеет Муссолини, расстрелянный, по официальной версии итальянскими партизанами, в конце апреля 1945 года, к «приватизации» рубля, происшедшего, если верить автору, гораздо позже периода конца Второй мировой войны. Эта глава включена ввиду ее совершенно выпадающего из общей тематики книги содержания явно по непонятным для читателя мотивам.

К главе 9 автор предпослал следующий эпиграф: «В европейских вопросах ориентируемся на Англию. Максим Литвинов» (С. 202). Неужели и договор с Германией в Рапалло в апреле 1922 года произошел также в рамках «ориентации на Англию»? До сих пор считалось, что договор, заключенный в Рапалло, являлся для того времени настоящим прорывом как для нашей страны, так и для Германии, и был крайне неприятным сюрпризом именно дипломатическим кругам Англии и Франции.

«Но 30 августа 1918 года медовый месяц Ленина и англичан заканчивается. Эсеры стреляют в Ильича и убивают в Петрограде главу ЧК Соломона Урицкого» (С. 219). Заметим, что С. Урицкий был главой не ЧК всей страны, как можно трактовать написанное, а только Петроградской ЧК. Но автор ясно пишет о том, что в Ленина стреляли именно эсеры. А всего

двумя страницами далее автор пишет уже следующее: «Вероятнее всего, в Ленина стреляла не Каплан, ее просто сделали крайней. Очень уж это темная история» (Сн. 1 на с. 221). Если история с покушением на Ленина 30 августа 1918 года «очень уж темная», то как это автор вообще может столь уверенно утверждать, что «стреляли в Ильича» именно эсеры?

«Во главе дипломатии Советского Союза Литвинов стоял без малого девять лет. И его кураторы и хозяева могли спокойно спать. Без их санкции СССР не мог заключить никаких договоров. Его политика на международной арене была полностью подконтрольна англосаксам. Занимал Литвинов этот пост и в ключевой период 1939 года, когда Адольф Гитлер начал делать еще первые робкие шаги в сторону улучшения отношений с СССР. Дружба России и Германии во все времена, при любом политическом режиме — кошмар англосаксов. Ясное дело, что когда во главе советского МИДа находится ставленник “печатной машинки”, можно сказать — полномочный представитель англосаксов в Советской России, то никаких договоренностей в такой ситуации достигнуть не удастся. Надо отдать должное Сталину — он убрал Максима Максимовича только тогда, когда окончательно убедились, что Англия ведет мировую политику к сраиванию между собой Германии и России. А Литвинов, словно весенний воробей, все еще чирикает про мир во всем мире» (С. 227–228). Очень хорошо. Но тут Сталин предстает каким-то политическим приговешишкой. Если верить словам автора, то тогда придется признать, что И. В. Сталин «окончательно убедился» в том, что «Англия ведет мировую политику к сраиванию между собой Германии и России» почему-то только весной 1939 года. Хотя это положение о «сраивании» являлось банальностью, хорошо известной всем отечественным дипломатам, в частности, уже во времена Николая II. А вот, судя по словам Старикова, Сталину она стала понятной только к началу мая 1939 года. Но автор идет далее. «Нуж-

но ли было убирать Литвинова? Обязательно. Надо понимать, что это был сигнал. Сигнал не Гитлеру, как об этом пишут историки, имея в виду еврейское происхождение снятого наркома. Это был сигнал Великобритании, сигнал сильным мира сего. Ваш представитель снят. С нами нужно вести переговоры на равных. Бараном на заклание у Запада Россия не станет» (С. 228). Остается непонятным, как с высказанной автором позиции можно увязать следующий общеизвестный факт: посылку Англией и Францией на переговоры в Москву в августе 1939 года второстепенных чиновников, да еще с мизерными полномочиями? Видимо, это следовало трактовать как прямое оскорбление в ответ на упомянутый «сигнал». Но тогда переговоры в Москве нашей стороне вообще не надо было начинать. Либо вышеуказанное все же было адресованным Англии и Франции сигналом, но совершенно иного рода. Скорее всего, снятие Литвинова было ответом сразу на несколько обстоятельств. И на демонстративное отсутствие приглашения СССР для участия в Мюнхенской конференции сентября 1938 года. И на последующие важнейшие события европейской политики начала 1939 года (поглощение остатка Чехословакии и присоединение Мемеля Германией, захват Италией Албании, а также падение республиканской Испании). И на отсутствие результатов той самой политики «коллективной безопасности», рьяным приверженцем которой и был М. Литвинов.

В одном из фрагментов своей книги автор допустил досадную фактическую ошибку. «Перед войной Берия уходит из НКВД» (Сн. 1 на с. 236). Все же историкам известно, что с конца 1938 года, в том числе всю войну, Л. П. Берия находился на посту наркома НКВД. Он ушел с этого поста только в конце декабря 1945 года для руководства «атомным проектом», о чем в то время, разумеется, не сообщалось, но впоследствии стало широко известно.

Далее читаем следующее. «Потому что в исторической перспективе вопрос стоит так: либо банкиры смогут

“угговорить” население своих стран меньше потреблять и жить заведомо хуже, чем они привыкли, либо вся эта долговая кутерьма закончится крахом» (С. 324). Автор почему-то не упоминает еще один путь, который напрашивается, — «заставить» «население своих стран меньше потреблять и жить заведомо хуже, чем они привыкли». Не видит или боится увидеть этот путь? Или же без всяких «угговоров» попросту ввести механизм уменьшения потребления, так сказать, по факту, ничего не сообщая о том решении широким слоям населения?

Автор пишет: «Чтобы после коллапса доллара и нынешней системы мир не рухнул, нужно подготовить страховочный вариант.

А вариантов может быть всего три:

1. Все захотят стать, как доллар. Появление нескольких резервных валют. Хаос, войны.

2. Кто-то один станет, как доллар. Это быстрый конец той страны, что займет место США. Повышение уровня жизни, расцвет и очень быстрый закат.

3. Все станут не как доллар. Это наиболее приемлемый вариант. Это жизнь по средствам, это жизнь по возможностям для всех государств планеты. Это возврат к здравому смыслу. Россия должна показать пример и выступить локомотивом третьего варианта, наиболее приемлемого для планеты...» (С. 325). Рекомендации автора, содержащиеся в пункте 3, просто великолепны. Смысл этого пункта прост и давным-давно должен быть известен всем. Уж, по крайней мере, в нашей стране, точно. Звучит он так: «По одежке протягивай и ножки». К сожалению, осталась совершеннейшая мелочь. Понять, а какими именно средствами можно будет обеспечить «возврат к здравому смыслу»? Как можно, например, заставить олигарха сократить свое потребление до уровня потребления пусть не бедняка, но хотя бы лица с доходами ненамного выше среднего уровня?

Автор вполне здраво и совершенно справедливо отмечает: «Китайцы производят товары и продают их на миро-

вом рынке. Продаются дешево и благодаря этому так активно развиваются. Но почему они могут торговать по низким ценам? Они что, не едят и не пьют? Едят и пьют. Но внутри Китая цены на все это копеечны. Поэтому китайцы могут работать за такие деньги, за какие не сможет американец» (С. 326). Опять же, как и выше, осталась самая сущая мелочь. Во-первых, начать работать столь же старательно, эффективно и качественно, как работают китайцы. Во-вторых, опять же, сократить потребление. У нас же, к сожалению, что отмечают многие экономисты, рост зарплат резко превышает рост производительности труда. И желающих в добровольном порядке сокращать потребление вокруг что-то не наблюдается.

Нам остается лишь задать автору настоящей книги вопрос, касающийся всей книги в целом. Почему же Англия утратила свое финансовое влияние в мире? Неужто исключительно от наступившей потери желания поуправлять мировыми финансами и одновременно вдруг возникшего подобного желания у Соединенных Штатов Америки?

В конце данной статьи можно только посоветовать на то, что Николай Стариков, посягая на формулирование некоего спасительного для народа России пути, оказывается весьма нещепетильным лицом в части восприятия и оценивания важных деталей, его составляющих. Иначе говоря, в данном случае мы, видимо, имеем дело уже с коренными свойствами натуры самого автора, как раз и приводящими к обнаруженному результату. То есть очевидная легковесность рассуждений Старикова никак не внушает доверия ему и в главном — в диагностике самой проблемы современной российской жизни, не говоря о ее возможном решении. Впрочем, хорошо уже и то, что Николай Стариков помимо своей воли или объективно провоцирует читателей своей книги к самостоятельному поиску как совокупного смысла современных событий отечественной жизни, так и способов решения обнаруженных проблем.

Е. А. Александрова

ВОПЛОЩЕНИЕ РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» В БАЛЕТЕ Р. ЩЕДРИНА

Музыка была для писателя одной из основных жизненных ценностей. Л. Н. Толстой рассматривал музыкальное искусство как важное средство эстетического развития и духовного общения людей. Л. Толстой утверждал, что подлинное искусство должно быть правдивым, простым и понятным, и высоко ценил музыку, отвечающую этим требованиям, в особенности русский музыкальный фольклор, который он считал органической составной частью народной жизни и быта. Толстой любил народные песни, описание которых он ввел во многие свои сочинения, в том числе в драму «Власть тьмы», где рассказывается об исполнении на балалайке, гитаре и гармонии. Толстой увлекался и цыганским пением, повествование о котором содержится в тексте драмы «Живой труп». По свидетельству современников, его любимым композитором был Ф. Шопен. Радость доставляли писателю и другие музыкальные произведения, в частности, сочинения П. И. Чайковского, с которым он лично общался. Л. Толстой сам играл на фортепиано и даже написал несколько фортепианных пьес. О значительном влиянии музыки говорят многие страницы творений Толстого, особенно «Крейцерово соната», навеянная музыкой Л. Бетховена.

Эстетические взгляды Л. Толстого на музыкальное искусство изложены в его трактате «Что такое искусство?». Резко впадая в крайность, Л. Толстой критиковал оперное творчество за его условность. На сюжеты романов Л. Толстого «Анна Каренина», «Война и мир»,

«Воскресение» русские и зарубежные композиторы создали оперы, камерную и симфоническую музыку, связанную с данными произведениями. Сочинениями Толстого навеяны такие музыкальные сочинения, как «Иванушкино царство» и «Беглец» Н. Стрельникова по рассказу «За что?», «Чем люди живы?» Б. Мартину, симфоническая поэма «Хозяин и слуга» К. Эрланже, камерные ансамбли Л. Яначека и др.

На сюжет эпопеи «Война и мир» в 1943 г. была написана опера С. Прокофьева, концертное исполнение которой состоялось 16 октября 1944 г. в Москве, а 2-я редакция оперы была поставлена 12 июня 1946 г. в Ленинграде. По роману «Война и мир» также были созданы симфоническая ода Х. Пэрри на слова А. Бенсона «War and Peace» (1903), кантата французского композитора Л. Дюрея на слова Жака Фревиля «La guerre et la paix» (1949), 5-я симфония словенского композитора Б. Арница «Vojna in mir» (1941), 4-я симфония австрийского М. Рубина «Krieg und Frieden» (1943).

Роман «Воскресение» послужил основой для оперы Б. Альфано «Risurrezione» (премьера 30.11.1904 в Турине), которая шла также под названием «Катюша» («Katjuscha»). Чешским композитором Я. Циккером была создана опера «Vzkresenie» (либретто автора), поставленная 18 мая 1962 г. в Праге. Французским композитором Альбером Русселем был сочинен симфонический прелюд «Resurrection» (1903). Также было сочинено музыка Г. Свиридова к одноименному кинофильму, постав-

ленному М. Швейцером в 1961–1962 годах.

На сюжет романа «Анна Каренина» написаны опера Э. Гранелли, премьера которой состоялась в Киеве 13(26) ноября 1906 г., опера венгерского композитора Э. Хубая на либретто Ш. Гота (премьера в Будапеште 10.11.1923), опера итальянского композитора И. Роббиани на либретто Э. Гиро (премьера 6.05.1924 в Риме).

Выдающимся сочинением по мотивам романа Л. Толстого стал балет Р. Щедрина «Анна Каренина», премьера которого состоялась в 1972 г. в Большом театре и сразу вызвала массу дискуссий. Одним критикам казалось недопустимым переводить роман Л. Толстого на язык хореографии, другим не нравились приемы современного танца и пантомимы, использованные в балете. Однако значительная часть музыкальной общественности высоко оценила оригинальное творение Р. Щедрина, считая его крупным художественным явлением музыкальной жизни России. Балет представляет собой законченную эстетическую систему, уникальную в своей неповторимости. Известный театральный критик М. Генина образно назвала «Анну Каренину» «театром чувств».

Перед композитором стояла грандиозная, почти неосуществимая задача — перевести на язык хореографии сложную в своей глубине и многоаспектности прозу великого писателя. Автором либретто балета стал известный режиссер драматического театра и балетный критик Б. Львов-Анохин, который благодаря широкой эрудиции и глубокому пониманию специфики балетного спектакля сумел точно и бережно отразить связи с литературным первоисточником. В сценарий балета был заложен основной принцип режиссерского решения спектакля — непрерывность и динамика танцевального действия, точность смысловых и образных акцентов. В либретто намечен целый ряд чисто режиссерских приемов постановки, например, сцены на скачках, в театре, сны Вронского и Анны. Присутствуя на многих

репетициях балета, Б. Львов-Анохин оказался и сорежиссером спектакля, предлагая основные пластические мизансцены и световые переходы. Драматургическая канва либретто позволила создать Р. Щедрина партитуру удивительной целостности. Полная экспрессии современность музыкального языка балета соединена с тонким чувством стиля, атмосферы толстовского произведения.

Постановщики спектакля М. Плисецкая, Н. Рыженко и В. Смирнов-Голованов избежали опасности увлечения бытом, исключив прямую иллюстративность сцен из романа. Режиссерская концепция спектакля строится на символической системе, основанной на образных обобщениях; в то же время в постановке не исчезает психологическая и драматическая конкретность каждой ситуации. Принципиальная сдержанность и лаконичность хореографической лексики нового балета всегда продиктована смыслом, содержанием той или иной сцены.

Партии основных персонажей — Каренина, Анны и Вронского, Бетси — отличаются сдержанностью хореографического языка и психологической правдивостью. Постановщик иногда использует прием повтора отдельных танцевальных фрагментов и движений, различных пластических деталей, например, в дуэтах Анны и Вронского, в сценах светских раутов и др. В целостной структуре спектакля данные повторы становятся своего рода лейтмотивами в характеристике образов и взаимоотношений действующих лиц. Среди удачно найденных режиссерских приемов следует отметить эффектно поставленные эпизоды скачек и театрального представления, в них лежи на скачках и в Итальянской опере не выстроены на сцене, а обозначены условными барьерами-лентами, которые держат в руках лакеи. Этот необычный сценический прием дает возможность достичь большей свободы, динамичности танцевальных построений и мизансцен. Стандартные классические фуэте в сцене бала преобразуются в вариации на тему клас-

сических движений, что символизирует трансформацию характера Анны.

Сценическое оформление спектакля, выполненное художником-постановщиком В. Левенталем, выдержано в стиле минимализма. Сцена почти свободна от декораций, лишь в глубине ее установлен поднимающийся к заднику трапезиевидный станок, который позднее превращается в платформу железнодорожной станции, мимо которой проносится и которой замыкается несчастная судьба Анны. Станция и вокзал обозначены лишь рядом уходящих вдаль фонарных столбов, тускло светящих в падающем снеге. Кабинет и дом Каренина представлены только высоким красивым окном со старинной бархатной портьерой, рядом с которым расположены позолоченный столик, часы и лакей со свечами. События в Италии разворачиваются совсем в «узком пространстве»: на сцене — голые кулисы, серый пол и статуя перед портиком на фоне неяркого неба в облаках.

Центральным образом балета является его главная героиня Анна в исполнении блистательной Майи Плисецкой. Выдающаяся балерина современности настолько глубоко проникает во все психологические нюансы характера своей героини, что порою возникает мысль: другая исполнительница роли Анны просто невозможна. Искусство великой балерины М. Плисецкой связано с воплощением огромного количества разнообразных, зачастую контрастных ролей. На первый взгляд кажется, что недавно созданный балериной образ Кармен в балете Р. Щедрина «Кармен-сюита» явился ярким контрастом по отношению к роли А. Карениной. Однако в психологической характеристике этих образов можно найти много общего: для обеих героинь свобода важнее жизни, обе любят своего избранника до конца, обе готовы преодолеть все условности для достижения счастья. И для Кармен, и для Анны дилемма «любовь или смерть» решается трагически, обе гибнут за свою любовь, но не подчиняются условностям. Поэтому в хорео-

графическом рисунке роли Анны нередко проскальзывают черты гордой и свободной Кармен.

Вместе с тем можно отметить и существенные отличия в хореографической трактовке этих образов. Если в каждом движении Кармен сквозит ее страстная неукротимая натура, то в каждом выходе и уходе Плисецкой — Анны, в каждой ее позе, повороте головы видны аристократизм, благородная строгость, самоуглубленность и сдержанность. Для Плисецкой характерны полное артистическое растворение в материале роли, подлинная драматическая напряженность жизни на сцене.

Танцуя на балу, Анна — Плисецкая изящно и величаво подает руку окружающим ее кавалерам, но совсем по-другому она делает тот же жест, когда встречается глазами с Вронским. Ее руки словно начинают петь, передавая целую поэму зарождающейся любви. Возвращаясь после салона Бетси домой, Анна выдерживает объяснение с встревоженным Карениным: в своих движениях она «лжет» мужу, стараясь казаться беспечной и выражая почти веселое недоумение, но за этим притворством чувствуются боль и страдания. С этого момента начинается ее трагедия: Каренин и окружающее общество толкают ее на ложь, требуют от нее внешних приличий, но для Анны — Плисецкой это невыносимо, невозможно. Основное зерно образа состоит в том, что она не хочет и не может лгать. Плисецкая выразительно показывает бунт прекрасного, правдивого и цельного человека против лживой, лицемерной морали высшего петербургского света. Поэтому трогательно женственный, порой скорбный образ Анны то и дело озаряется у Плисецкой «взрывами» страстного гневного протеста, похожего на вспышки молний. Создав сценический образ Анны, М. Плисецкая подтвердила свое амплу волшебницы балета, глубоко раскрыв экспрессивные возможности, заложенные в музыке Р. Щедрина.

Сложной задачей для постановщиков стало выстраивание партии Каренина, в самом образе которого есть некая статичность, «застылость». Но балетмейстерам удалось создать особую партию, которая отличается четкостью и своеобразной угловатостью пластического рисунка, что убедительно передает характерные черты сложного толстовского образа. Н. Фадеичев строит роль Каренина на тонких контрастах, счастливо избегая примитивной однозначности, столь опасной для образа Каренина. Его персонаж — это живой, по-своему страдающий человек, который одновременно монументален и жалок, непоколебимо уверен в себе и внутренне растерян.

В спектакле значительны и другие актерские работы. Эволюцию образа Вронского гибко раскрывает М. Лиєпа. В начале спектакля, в танцах с Кити, он показан как блестящий и элегантный офицер, безукоризненный светский молодой человек высшего петербургского общества. Постепенно мы начинаем видеть в нем человека, пораженного любовным недугом, познавшего глубину трагической страсти. Однако Вронский — Лиєпа оказывается слабым, не способным противостоять светским принципам, он плоть от плоти своего общества и даже искренняя страсть не может победить его аристократического воспитания. В финале он даже повторяет некоторые движения из пластической характеристики Каренина, что показывает их внутреннее родство.

А. Богуславская в роли княгини Бетси Тверской соответствует всем толстовским описаниям этой знаменитой светской львицы. В ней есть сухопарая «англиезированность», соединяющая ледяную сдержанность и еле уловимую эксцентричность.

Главный дирижер Большого театра Ю. Симонов, впервые ведущий балетный спектакль, темпераментно и чутко передает все оттенки сложной партитуры Р. Щедрина. Оркестр Большого театра в работе над балетом снова продемонстрировал высокий уровень

музыкальной культуры и редкое исполнительское мастерство. В балете применяется характерная для Щедрина своеобразная трактовка оркестра, обогащенная современными инструментальными приемами и красками. В партитуре используются новые сложные тембровые звучности, грандиозные оркестровые нарастания и еле слышные «шорохи». Так же как и в «Кармен-сюите», в музыке «Анны Карениной» возникают яркие сонорные эффекты, связанные с применением необычных инструментов ударной группы. Особую выразительность приобретает прием цепной передачи мелодии от одной группы инструментов к другой.

Конфликтная драматургия балета, отражающая противоречия романа Л. Толстого, воплощается в музыкальных контрастах, которые возникают между сольными и массовыми номерами, одnogолосным и полифоническим изложением, речитативным и песенным началом. Наряду с введением декламационных элементов в мелодии в лирических сценах ощущается скрытая распевность, основанная на романсовых интонациях. Следует отметить и жанровое богатство тематизма, включающего и элементы фольклора, лирические интонации русской песенности и романса, мир великосветского бального танца. Полная экспрессии современность музыкального языка соединена с тонким чувством стиля и опосредованно передает атмосферу толстовского произведения.

Балет представляет собой вдохновенную лирическую поэму, обладающую потрясающей силой воздействия, секрет которого во многом заключается и в выразительных возможностях музыкального языка балета. Щедрин владеет всеми тайнами современного композиторской техники, основанной на применении синтеза классической и новой тональности, использовании диссонантных звучаний, свободно меняющихся метро-ритмических структур и необычных оркестровых тембров.

Партитуре балета свойственна необычная динамика, устремленность

действия, основанная на частой смене ритмо-тембровой фактуры. Сам композитор, говоря о построении балета, отмечает: «Мы стремились к симфонической непрерывности повествования. Музыка балета — это сплошной поток музыки, где сцены не только гибко переходят друг в друга, но и наплывают, перекрывают одна другую». Таким образом, автор подтверждает, что архитектура сложного балетного произведения, насыщенная полифонией и контрапунктом, соответствует сложности построения романа Л. Толстого.

Своеобразный симфонизм партитуры обусловил ее сонорную слитность, разрезаемую коллажами из музыки Чайковского. В этой связи особое значение приобретает вопрос о характере цитирования тем П. Чайковского в балете «Анна Каренина». Касаясь его, известный музыковед М. Тараканов утверждает: «Тонко и ненавязчиво Щедрин подвергает темы Чайковского современной ретуши, будь то своеобразие тембрового колорита или изысканная острота гармонических красок». Пробразом подобного использования тем П. Чайковского, несомненно, стало применение цитат из его музыки в балете И. Стравинского «Поцелуй феи». В балете Р. Щедрина звучат не подлинная тема полонеза и побочной партии 1-й части из 3-й симфонии П. Чайковского, а несколько исходных, самых характерных интонаций, которые развиты автором по-своему и одновременно в духе самого П. Чайковского. Цитирование фрагментов музыки П. Чайковского понадобилось композитору для создания более точной атмосферы романа Л. Толстого, а лиризм и психологическая выразительность этих мелодий помогли еще ярче раскрыть эмоциональный накал чувств Анны и Вронского.

Многие критики и слушатели, известные деятели искусств задавались вопросом, как можно было решиться на создание музыкально-хореографического эквивалента прозы Л. Толстого при необычайной емкости сюжет-

ных линий романа. В ответ на многочисленные нападки композитор отвечал, что сложность и многослойность романа явилась для него и стимулом и маяком. «Если вчитаться в строки романа, — говорил он в одном из интервью, — то они при всем обилии бытовых деталей наполнены удивительной пластикой. Толстой описывает “легкую походку Анны”, ее грациозные движения, повороты шеи, рук. Специфика толстовского реализма, отточенная до символа, толкает воображение именно к балету, который в силу своей условности может передать тончайшие психологические нюансы».

Роман Л. Толстого — это подлинная энциклопедия русской жизни. Р. Щедрин назвал свой балет «Лирические сцены» по мотивам романа Л. Толстого, подчеркивая тем самым, что главное внимание уделено лирической стороне романа. Недаром у слушателей возникают ассоциации с оперой «Евгений Онегин» П. Чайковского, который также назвал свое произведение «Лирические сцены». Основная коллизия балета — это психологическая драма героини в свете противопоставления прекрасной и цельной личности и высшего петербургского общества, где все подчинено правилам хорошего тона и атмосфере официальных приличий. Р. Щедрин дал своему произведению подзаголовок «по мотивам», тем самым указывая, что выбрал в романе Толстого самую важную для него линию: конфликт Анны, ищущей страстной любви и смысла жизни, и холодного чопорного света.

В музыке удалось передать многозначность романа через сложность музыкально-хореографических средств показа образов главных героев. Все действующие лица этого музыкально-пластического «романа» — Анна, Вронский и Каренин — показаны в балете во всем многообразии страстей, противоречивых чувств и поступков. Сложность и «многослойность» в обрисовке характеров героев являются типичными чертами реализма, ведущим эстетическим принципом которого счита-

ется «многообразие в единстве». Таким образом, реалистический метод Л. Толстого оказал опосредованное влияние на концепцию и музыкальное содержание хореографического сочинения Р. Щедрина.

Значение всякого художественного явления определяется во времени и пространстве. Время показало, что творение Р. Щедрина и М. Плисецкой не потеряло своей художественной ценности и в XXI веке. Через 38 лет в марте 2010 г. балет «Анна Каренина» был поставлен в Мариинском театре оперы и балета в Санкт-Петербурге в рамках Международного Пасхального фестиваля (дирижер — В. Гергиев, хореограф-постановщик — А. Ратманский). В новой постановке используются различные технические средства, которые появились в современном театре. Во время премьеры велась прямая 3D-трансляция на Париж, которая, по сообщениям прессы, заслужила одобрение М. Плисецкой. Три акта балета были сокращены до двух действий, образовав своеобразный дайджест хореографического произведения Р. Щедрина, основанный на быстрой смене картин почти без пауз. Задник и боковые кулисы были превращены в огромные экраны, обозначающие место действия.

Следует отметить и нестандартное режиссерское решение спектакля, состоящее в том, что действие балета начинается с финала драмы. На сцене были установлены как бы железнодорожный вокзал и вагон, символизирующий трагическую судьбу Анны. Выразительными средствами хореографической концепции новой постановки являются как классический танец и пантомима, так и элементы современной хореографии «dance modern», сохраняющие в целом основной принцип первой постановки — сдержанность танцевального рисунка. Отличительной особенностью петербургской постановки стали необыкновенно красочные костюмы и дымовые эффекты.

Балет Р. Щедрина «Анна Каренина» оказался первым опытом воплощения сложной лирико-драматической прозы Л. Толстого в хореографическом спектакле. «Анна Каренина» продолжила традиции классического русского балета, находясь в русле таких выдающихся достижений музыкального искусства, как балеты П. Чайковского и И. Стравинского. Балет Р. Щедрина показал, что и в музыкально-хореографической системе выразительных средств возможно подлинно художественное воплощение глубокой философской тематики.

Литература

1. Генина М. Анна Каренина: Театр чувств // Советская музыка. 1972, № 10.
2. «Сегодня “Анна” в балете» // Советская культура. 06.15.1972.
3. Музыкальная энциклопедия. М., 1977.